

БЕТАНИ ГРИФФИН

Маска
красной
смерти

ВСЕ РУШИТСЯ

Все рушится. Опустошительная чума уничтожила население, и оставшиеся в живых боятся заразиться ей в разрушающемся вокруг них городе. И что делать Аравии Уорт, чтобы выжить? Ночи в клубе "Распушенность", красивые платья, сияющий макияж... и мучительные способы забыть все это. Но в глубинах клуба - в глубинах ее собственного отчаяния - Аравия найдет больше, чем забвение. Она найдет Уилла, ужасно красивого владельца клуба, и Эллиота, злобного умного аристократа. Ни один не является тем, кем он кажется. У обоих есть тайны. У каждого. И Аравия может найти не только то, ради чего сможет жить, но и то, за что бороться - неважно, что ей придется заплатить за это.

Бетани Гриффин

Маска красной смерти

Глава 1

Угольно-черное небо выплевывает холодные дождевые капли. Через некоторое время мы останавливаемся на перекрестке. Черная тележка перекрывает дорогу, и, сидя в бронированном экипаже, все понимают, что проехать никак нельзя.

Рослый мужчина трясет повозку, неся в перерывах какой-то бред. Другой человек спотыкается, и его тело начинает жутко покачиваться.

Моя подруга Эйприл прячет лицо за маской.

— Как плохо, что твой отец не сконструировал эти штуки так, чтобы они отсекали неприятные запахи так же хорошо, как и неприятные болезни.

Интересно, насколько холодно будет в домах у людей, которые сегодня остались там. Хотя, они могут завернуть свои мертвые тела в покрывала. Все-таки им лучше знать, что делать.

Собиратели трупов носят тканевые маски, тонкие и непригодные для остановки инфекции. Они катят свою тележку вперед на скудные сто ярдов и останавливаются снова, безразличные к тому, что блокируют движение на дороге. Их не волнует, что мы собираемся веселиться и пьянствовать в районе Разврата.

Район Разврата. Само название заставляет меня дрожать.

Когда я поворачиваюсь к Эйприл, готовая извиниться за опоздание, девушка проталкивается сквозь двери на улицу.

Она что-то к себе прижимает, и ее одновременное появление с собирателем трупов, осуществляющим свой ежедневный обход, не кажется мне случайностью. Другие люди выходят из дверей, возможно, жители дома, и я боюсь за них, потому что все они без защитных масок.

Собиратель трупов приближается к девушке. Сначала я хочу, чтобы он поторопился, но теперь каждый тяжелый шаг наполняет меня ужасом.

Девушка худая, и ее старое платье сшито так, что видны руки и ноги, но сквозь дождь, да еще при плохом освещении, совершенно невозможно понять заражена она или чиста. Люди в доме хотят, чтобы она отдала мужчине сверток, но незнакомка отворачивается. Не нужно много воображения, чтобы понять, что она прижимает к себе ребенка.

Наконец девушка поднимает лицо к дождю.

Не могу объяснить, откуда, но я точно уверена, где капли конденсата, а где бегущие по ее щекам слезы.

Внезапно глаза девушки перехватывают мой взгляд.

И я что-то чувствую. Первая эмоция за весь день, не считая неясного предвкушения ночи. Но совсем не та, которую я рада ощущать. Это нечто грызущее и болезненное, оно поднимается из моего желудка.

Девушка прекращает зрительный контакт, когда из здания выходит молодой человек. Крыша сильно шумит, вероятно, через бунт, а структура покрыта холстом. Он захватывает плечи девочки и насильно поворачивает ее. Интересно, он ее отец? Задаюсь вопросом, заботится ли он о ребенке в связке, или просто хочет заразиться болезнью. Но все же он не может препятствовать формированию сыпи, которая струится, погружаясь через его кожу. От этой инфекции оправиться невозможно. Она уничтожает человека, и затем ты умираешь.

Быстро, если повезет.

Я пытаюсь предположить возраст матери. Судя по осанке, она еще девочка.

Может быть, я чувствую нашу связь, потому что мы ровесницы.

Может, она вызвана зрительным контактом. Обычно они не смотрят на нас.

Горе девочки — бессмысленная, сокрушительная вещь, и, так или иначе, я чувствую его, даже при том, что я, как предполагается, оцепенелая. Поскольку мужчины забрали ребенка, я чувствую большую потерю. Я хочу протянуть свои собственные руки, причитать, но, если я сделаю это, они будут смеяться.

Мои колени начинают дрожать. Что со мной не так? Скоро я начну плакать. По крайней мере, ни один из них не стоит достаточно близко, чтобы различить, — где мои слезы, а где дождь.

Люди бросают крошечное тело в тележку.

Я вздрагиваю, сообразив, что это создает шум, хотя всё, что я могу слышать — это грохот вагона и раздраженный вздох Эйприл.

— Можно подумать, они были счастливы, — говорит она, — мой дядя платит огромные деньги, чтобы избавиться от тел. В противном случае нижний город будет не пригоден для жизни.

Если я вытолкну Эйприл с ее сверкающими серебристыми веками из открытой кареты, толпа, заполонившая эту улицу, может убить ее. Если я сорву с ее лица маску, она, вероятнее всего, будет мертва уже через пару недель.

Она не понимает. Она выросла в Аккадиан Тауэрс и никогда не была на улицах. Ни эту, ни ту половину квартала к западу, где я однажды жила в полной темноте. Она не знает, и никогда не узнает.

Но я не могу злиться на Эйприл. Я живу для нее, для тех часов, в которых она заставляет меня забывать обо всем, для мест, в которые она меня водит. Возможно, она права, и эти люди должны быть благодарны за то, что есть человек, вырывающий трупы у них из рук.

Уголкем глаза я замечаю темные тени, ползущие между двумя зданиями. Я стараюсь их рассмотреть, но они не покидают мрака. Внезапно это меня пугает. В этой области может находиться что-то жестокое и быстрое. Собиратель трупов движется к другой двери, отмеченной нарисованной красной косой, проходя через участки тьмы к свету. Их пренебрежение подчеркивает осторожность фигур, цепляющихся за тени.

Эйприл этого не замечает.

Все что угодно может спрятаться под темным покровом. Наши водители ругаются, потом резко сворачивают, и нам, наконец, удается объехать труповозку. Когда я смотрю через плечо, оказывается, что прячущиеся люди уже растаяли обратно в тени.

Наконец-то мы можем продолжить нашу ночь.

Мы заворачиваем за угол, и наше место назначения становится просматриваемым. Появляется легкая депрессия от осознания, что все здания квартала ушли под землю на несколько футов с того момента, как были построены. Воздушный шар привязан к верхушке самого высокого здания. Надпись вы не рассмотрите, но не сложно догадаться, что это метка, обозначающая район.

Это плавающее напоминание. Мы не привыкли изобретать вещи и путешествовать, но если вы можете добраться до места, где привязан шар, и имеете достаточно денег, то можете забыть о смерти и болезни на несколько часов.

— Ты сейчас за миллионы миль отсюда, — говорит Эйприл слабым голосом. Она

привыкла, что, когда мы приезжаем раньше, чем было оговорено, я всматриваюсь в стену из дождя.

Я не знаю, почему она ищет моего общества. Она забавная. А я — едва живая. Глядя в пустоту, хнычу во сне. Когда я просыпаюсь, обдумывая смерть, чаще пытаюсь читать, но никогда не заканчиваю начатых книг. У меня внимания хватает только на стихи, а Эйприл ненавидит поэзию.

Что мы с ней разделяем, так это ритуал подготовки, часы нанесения косметики, блеска, приклеивания накладных ресниц. Наши губы покрашены до последнего миллиметра. Глубинное воззрение в зеркало не сильно отличается от изучения токсичной грязи, если разобраться. Она могла бы приобщить к этому кого угодно.

Нет никаких причин, что это должна быть я.

— Этот вечер будет безумным, — говорит Эйприл счастливо. — Вот увидишь.

Люди шепчутся о клубе Разврата в благородных гостиных, точнее в том, что от них осталось, попивая омерзительный чай из фарфоровых чашек, наполовину треснутых. Настоящий чай только импортированный, у нас ничего подобного не было вот уже много лет.

Первый клуб, который мы проехали, носит название «Морг». Он находится на заброшенной фабрике. Люди запаслись кирпичами, еще, когда строители использовали их для постройки домов. Нам не нужно будет ничего строить, пока все заброшенные здания полностью не рухнут, если, конечно, кто-нибудь доживёт до этого времени.

Вереница людей, пытающихся попасть в Морг, вытягивается аж за угол. Я изучаю толпу, пытаюсь представить, что они надеются, жаждут приема так, словно от этого зависят их жизни, но на самом деле я слишком далеко, чтобы суметь рассмотреть замаскированные выражения их лиц.

Я и Эйприл бывали здесь часто, но никогда не заходили внутрь. Мы связаны только с клубом Разврата, весь этот район назван в его честь. Членство является эксклюзивным.

Наш водитель позволяет нам выйти на аллее. Дверь никак не помечена и не заперта. Когда мы ступаем в фойе, там везде темно, только несколько пульсирующих красных огней, являющихся частью пола. Не имеет значения, сколько раз мы сюда приходим, огни все равно вызывают любопытство. Я ставлю ногу на первый из них в холле, отыскивая текстуру, отличающуюся от остального пола.

— Аравия, идем. — Эйприл закатывает глаза. Мы снимаем маски и помещаем их в бархатные чехлы, чтобы сохранить в безопасности.

Перед чумой клуб Разврата был открыт только для мужчин. Но, как и везде, большинство членов его умерли.

Наше с Эйприл членство условное, спонсируемое ее братом, которого я никогда не встречала. Мы не можем быть полноценными членами клуба, пока нам не исполнится по восемнадцать лет.

— Сюда, леди.

Я ловлю свое отражение в зеркале и улыбаюсь. На меня смотрит не та девушка, которая была еще утром. Я красивая, поддельная, поверхностная, полная инкогнито. Мое черное платье доходит до лодыжек и выходит с корсета, сделанного из китового уса, который я стянула из гардероба моей мамы. Это не тот наряд, который можно носить на улицу, но я его люблю. В нем я смотрюсь тонкой и по-неземному загадочной.

На мгновение я вспоминаю фигуры, тоже завернутые в черное, и нервно разглаживаю

свое платье.

— Могу одолжить пару ножниц, — дразнит меня Эйприл, входя в комнату исследования.

Я смеюсь. Ее собственная юбка художественно обрезана выше колен. Фасоны наших платьев изменились с тех пор, как Болезнь Палача впервые пришла в наш город. Длинные юбки могли скрыть сочащиеся язвы.

Я наслаждаюсь ощущением ткани, обвивающей мои ноги, потом кружусь, разглядывая себя в зеркале.

— Твоя очередь, куколка.

Я поворачиваюсь на бархатный голос в комнате для исследований.

Если быть честной с самой собой, придется признать, что именно эти несколько моментов — причина, по которой я приезжаю сюда неделю за неделей. Перевитые татуировки покрывают его руки, поднимаясь к воротнику рубашки до двойного кольца на горле, концы рисунка скрыты под растрепанными темными волосами. Я стараюсь на него не смотреть. Он мог бы сделать меня счастливой. Его внимание, тень восхищения в глазах... Я не заслуживаю счастья.

— Ты знаешь процедуру. Выдохни сюда, — он протягивает устройство. — Ты заразна на этой неделе?

— Нет. Ни малейшего шанса, — шепчу я.

— О, шанс есть всегда. Ты должна быть более осторожна, — парень нажимает красную кнопку, заставляя устройство фильтровать воздух, выдыхаемый мной. В его руках то, что мне нужно. Я дрожу.

— Ты наслаждаешься этим больше, чем должна на самом деле, — мягко говорит он.

Потом кладет мою кровь в машину, напоминающую отчасти часовой механизм с латунной ручкой. Но я абсолютно уверена, что он проверяет нечто иное, как доверчивость. Тем не менее, та серьезность, с которой он выполняет свои обязанности, заставляет меня верить, что он точно узнает, если я заключу какую-нибудь сделку. Я дышу быстрее, чем обычно. Нервы.

Что он станет делать, если я окажусь зараженной? Станет презрительно на меня смотреть? Вышвырнет на улицу?

Это единственное место в городе, где мы в безопасности без наших масок. Дома наши слуги носят маски, и поэтому не приносят заразу из нижнего города. Здесь было бы оскорблением предложить фильтровать воздух. Они позволяют только некоторым из нас быть в этой комнате одновременно. Как мы можем быть уверены, что другие члены в тайне не заражены?

— Похоже, на этой неделе ты чиста, дорогая. Постарайся и впредь оставаться на этом пути, — он выпроваживает меня движением руки. — Да, и в следующий раз тебе стоит надеть серебряные глаза. На тебе это будет смотреться лучше, чем на твоей подружке.

Когда он отворачивается, я поднимаю руку, но не собираюсь ничего предпринимать. Если бы мы стояли ближе, я могла бы его коснуться.

Но я никогда не дотрагивалась до людей.

Не специально. К счастью, он не видит предательской дрожи моей руки или выражения лица.

Я вхожу в клуб через занавес, сделанный из серебряных шариков. Мне кажется, иногда при движении от них исходит красивый звук, но на самом деле я никогда не слышала ничего

подобного. Будто тайна этого места просочилась в мебель.

Эйприл не ждет меня. Мы постоянно теряемся, находясь в лабиринте комнат. И я наслаждаюсь временем, когда наши пути расходятся.

Здание в пять этажей, среднее для этой части города. Оно было построено на подобии квартир, но теперь все комнаты соединены в длинный коридор из полуоткрытых дверей.

Есть всего одна постоянная деталь, по которой можно определить, что ты еще в клубе и не забрел в другое здание, — повсеместное присутствие дракона в каждой комнате. Некоторые из них вырезаны в мебели, некоторые отражены в стеклянных изделиях, но повсюду за вами наблюдают красные глаза.

В некоторых комнатах на пол кладут персидские ковры, а в других их вешают на стену, чтобы приглушить звук, поглощать запах табака или дым опиума. На верхних этажах дома запрещены библиотеки. Есть только одна комната с книгами по оккультизму, а во второй полно изданий на тему полового акта, где все описывается слишком подробно. Я люблю книги, но, как правило, меня больше тянет к нижним этажам, где есть музыка.

Так я передвигаюсь из комнаты в комнату. Все пространство переполнено многочисленными телами, слышно приглушенные разговоры, можно наблюдать случайные танцы, даже несколько поцелуев в темных углах. Эйприл и я — далеко не единственные женщины, присоединившиеся к членам клуба.

Часы тикают, и я увядаю. Никакой магии для меня в этот вечер нет. Я не могу избавиться от тяжелого ощущения. Я всего лишь хочу вписаться, быть кем-то, кто является частью чего-то волнующего и захватывающего.

Парень преследует меня. Он худой блондин, одетый слишком формально: темные брюки, голубая рубашка, застегнутая на предпоследнюю пуговицу. Он не вписывается в обстановку этой комнаты с шикарными диванами, где девушка, в сопровождении скрипача, поет о самоубийстве. Он говорит мне что-то, но я его не слышу. Я просто продолжаю идти.

Он следует за мной в женскую уборную.

Девушки смотрят на свои отражения в темной комнате, заполненной зеркалами. Прохожу мимо них и следую к камерам позади. Одна из девиц пытается наступить высоким каблуком мне на ногу. Я отпрыгиваю назад, не встречаясь с ней глазами. Я не хочу, чтобы ее улыбка заставила меня вздрогнуть.

Он закрывает за нами дверь. Петли так качественно смазаны, что не издают ни звука. И дверь достаточно толстая, чтобы никто не услышал ни единого шороха из-за нее.

— Чего ты хочешь? — спрашивает он. По голосу я понимаю, что он забавляется ситуацией. Самоуверенность делает парня старше, чем он выглядит. Думаю, он должен быть студентом университета, если те все еще открыты.

— Забвения, — это то, что я ищу всегда.

— И что же милостивая девушка вроде вас пытается забыть?

Хорошенькая девушка как я, с чистыми ногтями и безупречной медицинской картой.

Он ничего обо мне не знает.

— Так у тебя есть то, что я хочу, или нет?

Он достает серебряный шприц.

— Я сомневаюсь, что ты знаешь, чего хочешь, — с брюзжанием в голосе он называет меня глупой. Любителем. Я игнорирую резкую вспышку ярости, решив получить то, что мне нужно, подавляя эту, или любую другую эмоцию, пытающуюся выбраться наружу. Я не любитель.

Нервно рассматриваю шприц.

— Занят ночью? — спрашиваю я.

— Я обычно не участвую.

Вручаю ему несколько купюр. Он едва награждает их взглядом, перед тем, как затолкнуть деньги в свой карман. Брови у парня светлые, они придают ему постоянно удивленный вид.

Я протягиваю ему свою руку:

— Давай.

— Не хочешь узнать, что это такое?

— Не-а.

Я не думаю, что он мог бы выглядеть более удивленным. Светлые брови заинтриговывают меня.

Что бы ни было в его шприце, оно холодное, и мир вокруг медленно теряет очертания.

— Куда ты хочешь пойти?

— Обрато к скрипачу. Хочу послушать песни о суициде.

Он смеется.

Когда мы покидаем комнату, я спотыкаюсь о порог. Незнакомец кладет свою руку мне на плечо.

— Я надеюсь, ты найдешь то, что ищешь, — говорит он, и это звучит убедительно.

Темнота. Мы едим в ней, разговариваем и спим во влажной темноте, завернутые в одеяла. В этом подвале никогда нет достаточного количества света, даже если ты действительно хочешь видеть.

— Твой ход, — говорит мне Финн, мой брат-близнец. Его голос мягкий, ни намека на раздражение. Я знаю, что это всего лишь мечты, но мне не важно. Я буду оставаться здесь так долго, как только смогу.

— Прости. — Я тарашусь на квадраты доски. В изучении этих фрагментов нет никакого смысла, ведь они не говорят со мной. У меня отсутствует чувство стратегии, но я не хочу от него отстать, поэтому предлагаю скудные развлечения, чтобы поддержать соревновательный дух.

— Я перемещу фонарь.

Он притворяется, будто моя проблема — просто нехватка освещения. Кончиком пальца я касаюсь, фигуры рыцаря цвета слоновой кости.

Отец выходит из своей лаборатории и подхватывает его изумленный взгляд.

— Кто-нибудь готов к ланчу?

Мы всегда готовы к обеду. Это разбавляет монотонность нашего дня. Вместе следуем за ним в кухню, где сохранившиеся товары сложены к потолку. Отец льет что-то в шар и помещает его в паровую духовку.

— Посмотрим, что из этого выйдет, — вздыхает он.

Через некоторое время слышится громкий потрескивающий взрыв, и газовая луковица, свисающая выше нас, становится темной.

— Нет никакого смысла в его установке, когда я так близко к открытию. — Отец говорит это в значительной степени каждый день.

— У меня есть персики, — говорит Финн. — Припасенные персики в холоде. — Он не сердится на отца за то, что тот не берет нас в метрополитен. Для того чтобы не сдерживать обещания и исчезнуть очень надолго, дабы работать над бог знает чем. Финн не настолько безумен, чтобы захотеть жить здесь с нами.

— Я люблю персики, — говорю я, так как брат выявляет во мне лучшие качества. Тьма и свет. Отец опять нас зовет.

— Я такой счастливчик, — говорит родитель. — Благословлен терпеливыми детьми, — его голос дрожит, и в мутном свете, как мне кажется, я вижу слезы на его глазах. Он смотрит мимо меня на Финна.

Раздается стук, и затем в дом протискивается мужчина, становясь прямо перед нами. Свет льется в парадную дверь, порог которой мы не переступали годами.

— Доктор Уорт, — говорит мужчина. — Мой сын, он заражен, но не умер... прошло уже больше месяца.

Должно быть, он ошибается. Если ты себя почувствовал плохо, то умрешь. Все это знают.

— Дайте мне ваш адрес, — говорит отец мужчине. — Я приеду, когда мать будет здесь, чтобы проследить за нашими детьми.

Итак, мама едет к нам, чтобы навестить. Это обрадует Финна. Мужчина диктует свой

адрес, голос у него низкий и ровный, словно он пережил слишком много ужасов, чтобы по-настоящему о чем-то забеспокоиться.

Мы возвращаемся к шахматной доске с одной банкой персиков и двумя вилками.

— Все еще твой ход, — говорит Финн. — Аравия?

Я поднимаю на него взгляд. Действительно ли он все еще не сердится? Правда ли, что он по-настоящему, так нечеловечески, всецело спокоен? Но я не могу его разглядеть. Туман такой густой, а фонарь слишком тусклый. Я напрягаю зрение. Его спокойный голос резонирует, но я не могу, не могу разглядеть достаточно...

И тогда я просыпаюсь.

— О, Господи, и как же мне полагается тебя нести? — спрашивает голос Эйприл. Холодный воздух ударяет в меня, и я понимаю, что мы снаружи. Идет дождь. Мы не в клубе, а на открытом воздухе. Чувствую, как на меня накатывают волны паники. Не потому, что это действительно меня волнует, а потому, что я запрограммирована на страх перед инфекционными заболеваниями. Я поднимаю руку к лицу, чувствую неровности фарфоровой маски и с облегчением вздыхаю. Я слишком долго ее носила, и уже не чувствую.

Я пытаюсь подняться. Спать мне трудно, а эта эйфория — прекрасная вещь. Холодный дождь бьет по моим ступням. Где моя обувь?

— Вы должны быть осторожны, — говорит кто-то. — Ночью сейчас небезопасно.

— Мне нужно доставить ее домой, — звучит голос Эйприл. Ее тон напоминает мне, что, хотя мы не впервые встретились, она рассказывает небылицы. Думает, что спасла мне жизнь. — У нас есть стражи. Мы прекрасно защищены.

Но если не страж предупреждает ее, тогда кто же это говорит?

Я опускаюсь на плюшевые сидения кареты Эйприл.

— Спасибо за помощь, — произносит она.

— Сомневаюсь, что в последний раз.

Его бархатный голос скрывает веселье и что-то еще. Он наклоняется и смотрит вниз на мое лицо. Моя дезориентация усиливается, когда я фиксирую на нем взгляд. Тату, темные волосы. Мое сердце ускоряет ритм. Я думаю... думаю... может ли сердце девушки остановиться, если ей всего семнадцать? Полагаю, что даже если я развалюсь на куски, отец все равно меня склеит.

— На сей раз вам повезло, куколка. Однако удачу не удержать. Она изменчива.

Да. Я счастливица. Этого я не забываю.

Глава 3

Прислоняюсь щекой к холодному окну. Я здесь уже так долго, что она холодная, даже несмотря на то, что касаюсь я ее почти замерзшими пальцами. Свернувшись калачиком на подоконнике, смотрю в окно. Но не наружу, а внутрь. В Башнях Аккадиан два пентхауса. Мы живем в пентхаусе В. Команда архитекторов, проектировавшая это место, создала пышный сад между роскошно обставленными апартаментами под названием Крытый Рай.

Боль простирается вплоть до костей, а я пристально смотрю на тропический растительный мир. Целое утро меня преследует сильная тошнота.

В комнату входит моя мама. Я не поворачиваю голову, чтобы посмотреть на неё, но знаю, что она делает. Мать выкручивает свои ладони, тонкие белые руки, которые пропитывает мятным маслом.

Передо мной блюдечко. Четыре вида крекеров, разложенные... ну, веером. Я прижимаю холодную стеклянную бутылку воды к лицу, оставляя следы ледяного конденсата на скулах и вниз по шее.

Мои глаза улавливают движение в саду. Парень из прошлой ночи, который дал мне серебряный шприц, стоит, засунув руки в карманы. Он смотрит на меня.

Но это невозможно.

В мире буйствовала растительность и было влажно, когда болезнь начала распространяться, и Башни Аккадиан закрыли эту часть сада, заложив кирпичами двери и скрепив все цементом.

Я присаживаюсь, но моему желудку не нравится внезапное движение. Опять закрываю глаза.

Дорогой парфюм меня душит.

— Аравия?

Мать кладет руку мне на лоб. Когда мы прятались в подвале, она оставалась здесь, в Аккадиан Тауэрс, чтобы играть на фортепиано. Ее музыка успокаивала богатых людей, пока они представляли умрут или нет. Если они идентифицировали кого-то зараженного Болезнью Плача, выкидывали на улицу. Я открываю глаза.

— Дорогая...

Мне хочется свернуться в ее руках и уцепиться за нее, но это заставляет чувствовать себя хуже, чем наркотики, пытающиеся покинуть мое тело.

Мир кружится.

— Зачем ты это с собой делаешь? — шепчет она. Мама задувает свечи на столике и укрывает меня одеялом. Свет падает через окно, как с улицы, так и из сада, который сейчас пуст.

Несколько часов спустя в комнату заходит отец. Его волосы в беспорядке, а маска сдвинута на макушку.

— Я хочу, чтобы ты прогулялась со мной, Аравия, — говорит он.

Он просит об этом примерно два раза в неделю. И это единственный раз, когда он называет меня по имени. Мне нравится, что он отрешается от своих дневных мечтаний и вспоминает, что у него все еще есть ребенок. Отец надевает пальто и придерживает мое. На мгновение я сжимаю веки, игнорируя последние приступы тошноты, и, наконец, следую за

ним.

Как только мы выходим из лифта, к нам спешат стражи принца Просперо, нанятые для защиты моего отца. Общеизвестно, что ученые — наши главные активы. И самое грозное оружие. Разразился своего рода хаос, когда принц открыл завод по массовому производству масок. Никто не знал, как реагировать на это надежду. Люди писали лозунги на стенах зданий. «НАУКА ВОСТОРЖЕСТВОВАЛА». «НАУКА РАЗРУШЕНА». Всегда вместе второе утверждение, противоречащее первому. Та же самая подтекающая красная краска, используемая при рисовании косы на домах зачумленных.

Город — тлеющая кучка мусора, и оставшиеся люди выползают в течение ночи, чтобы оставить сообщения на стенах разрушенных зданий, пока остальные мирно спят или тихо умирают.

— Тут говорится что-то о человеческой природе, — говорит отец. Но он никогда не обсуждает свою интерпретацию — по крайней мере, не со мной.

— Куда вы собираетесь, доктор Уорт? — спрашивает охранник.

— Я прогуляюсь со своей дочерью, — отвечает он.

— Мы с удовольствием организуем вам сопровождение.

— Всего пару человек. Мы не пойдем далеко.

Мы ждем в фойе пока все соберутся. Фальшивые растения все в пыли. И хуже остальных папоротники.

Первый охранник открывает дверь, и трое остальных выходят, шагая около нас. Они носят короткие мечи вместо пистолетов, готовые защитить отца от любой угрозы, человек то или зверь. Не важно, какие существа скрываются в глухой ночи, в этом городе опасность представляют скорее люди.

— Верфь снова открыта, — тон отца простой, разговорный.

— Неужели? — кто-то, не знающий меня, мог бы интерпретировать мой задыхающийся голос как восхищение.

Когда я была ребенком, а Финн еще жив, мы любили прогуливаться до гавани. Это место тогда было оживленным: толпы матросов, работавшие на кораблях, были настоящим представлением. Ноги отца и сейчас часто ведут его сюда, но я не знаю, может ли он помочь себе сам.

Теперь гавань другая. Мусор беспорядочно разбросан по берегу, почерневшие громадины судов заполняют залив. Толпы людей уничтожили большинство из них. Может быть, Болезнь Плача нам принесли пассажиры, а может, какие-то грызуны, которые прибыли сюда так же на корабле.

В наши дни рыбаки используют другой порт, намного южнее, чтобы избежать разорения.

Я перевожу дыхание. Послеполуденное солнце отражается от белых масок матросов, которыми полон новый пароход.

— Его назвали Открытие, — говорит отец.

Мне было десять, когда последний раз в гавань заходил корабль. В отличие от парохода перед нами, у него были высокие мачты и тяжелые паруса. Он мог прийти из любой точки.

Я помню, как пассажиры торопились на берег, чтобы ощутить твердую почву под ногами. Они были одеты в скромные одежды: юбки длиной до лодыжек, высокие воротники, длинные рукава. Когда я была маленькая, мы носили ограниченное количество одежды, даже в жару.

Но с приходом чумы всё изменилось, и вместо закрытой одежды мы старались оставлять так много участков открытой кожи, как это только было возможно. Проповедник (Священник) был не согласен с новой модой. Он считал, что таким образом мы разрушаем себя, как раз тогда, когда мы задавались вопросом, осталось ли еще что-то, что можно уничтожить.

Я думаю, что эти прибывшие из далеких мест, хотели найти здесь помощь. Но вместо этого они встретили толпу, которая разорвала их на части, прежде чем они поняли, что происходит. Финн и я наблюдали за этим в шоке.

Мама была единственной, кто пошел нас искать. Мы блуждали в черноте аллеи, обливаясь слезами.

Разыгравшаяся трагедия вытаскала отца из лаборатории. Он сказал, что город сошел с ума, и мы не должны выходить на улицы, пока болезнь не удастся усмирить. В прятках не было ничего необычного. Люди самоизолировались в подвалы и на чердаки. Несколько семей сбежало. Мы с Финном слышали, как взрослые приглушенными голосами предсказывали им смерть в лесах, пустынях или за их пределами.

— Это хорошо, — шепчет отец, жестикулируя в сторону сверкающего новизной корабля. — Первая действительно хорошая вещь, которую я видел за долгое время, — люблю слышать надежду в его голосе. — Теперь мы посмотрим, что осталось от остального мира.

Ветер, ерошивший мои волосы, пахнет солью. Белые морские птицы летают туда и обратно.

Когда я не смотрю на отца, то могу представить, что Финн стоит рядом со мной. Таким образом, я позволяю себе ненадолго забыться, все-таки это лучше, чем вечное забвение. Но отец проверяет свои карманные часы и в спешке тянет меня за собой. Он не задает вопросов, потому что давно перестал интересоваться моей жизнью.

Мы идем обратно к периферии старого города. В этой его части здания немного выше, чем в остальных. Сказочные башни и шпили. Обозначены безопасные линии тротуаров, чтобы держать людей без масок на расстоянии. С глаз долой и подальше от нашего воздуха.

Мы направляемся в сторону книжного магазина. Он последний в городе, и отец посещает его, по крайней мере, раз в неделю, чтобы посмотреть, какие сокровища обнаружались у людей на чердаках и в подвалах. Охранники привыкли приходить сюда. Они собрались в кружок возле двери, прислонившись к стене.

Владелец приветствует папу, называя его по имени, пока я брожу между рядами тяжелых томов. Я рассматриваю полки, но, когда поворачиваю за угол, замечаю отца в компании двух мужчин. Один из них протягивает руку для приветствия, а затем быстро убирает ее в карман. Я уверена, что между ними что-то произошло. Молодой мужчина замечает меня и смотрит сквозь толстые очки. Его взгляд не обещает ничего хорошего.

Я отступаю на пару шагов назад, нервничая из-за этой встречи.

Атмосфера в книжном магазине становится зловещей, с запахами земли и сырости. Морщусь от отвращения. Около стола владельца стоят ящики с книгами. Некоторые из них уже заплесневели. Видимо, недавно они были извлечены из гниющего подвала. Я поднимаю небольшой томик стихов, пытаюсь скоротать время в ожидании своего отца.

Непроизвольно я оглядываюсь назад. Туда, где папа разговаривает с молодым мужчиной. Теперь он хлопает его по спине. Эти двое ходят на ученых, но все ученые, кроме моего отца, отсиживаются в замке принца Просперо, прячась за толстыми стенами и зарешеченными окнами, чтобы обеспечить свою безопасность.

Я кладу книгу и медленно иду к двери. Отец проходит в переднюю часть хранилища и оформляет заказ, а затем мы вместе выходим на улицу. На мгновение блики заходящего солнца слепят меня. Вечереет. Этот день пронесся смазанным пятном, как и множество других. Когда мои глаза приспособляются к свету, я начинаю всматриваться в аллею. Наши стражи стоят все вместе, прислонившись к стене. Некоторые из них курят. Любопытные выглядывают из грязных окон над нами. Двое детей играют на улице у полуприкрытых дверей. Всё глубже нависают длинные тени, сквозь которые я не могу ничего рассмотреть.

Отец кладет руку на мою кисть, как бы говоря, что понимает — мне не по себе. Но не делает ничего, чтобы успокоить. И ничего не объясняет. Пытаюсь придумать, как бы спросить, во что он впутался, но прогулка обратно к Аккадиан Тауэр короткая, а у меня раскалывается голова. Мы оставляем стражу в лобби и в молчании поднимаемся наверх. Отец тянется рукой к своему карману.

— Я подумал, что тебе понравится это, — говорит он.

Это стихи, книга в кожаном переплете. Либо он заметил, либо знал, каким типом книг я могла бы дорожить.

— Отец... — я стою там, все еще протягивая руки, пытаюсь найти способ спросить его, что происходит, но так, чтобы не дать понять лифтеру, что отец мог совершить государственную измену. Тем временем мы поднимаемся на верхний этаж.

Позолоченная дверь отворяется, открывая взгляду Эйприл, притопывающую ногой. Она ненавидит ждать.

— Ты должна пойти со мной, — говорит она. На ней красный корсет, волосы художественно собраны на макушке и украшены сверкающими черными заколками.

Я поворачиваюсь, готовая сказать ей, что не одета для выхода, что сил нет, и что отец уже уходит. Я все-таки упустила шанс задать ему вопрос.

— Элиот будет там, — Эйприл знает, как любопытен мне ее брат. Я обязана ему за то, что он взял меня в клуб.

— Я не знаю... — указываю на пентхаус В.

— Сомневаюсь, что он останется в клубе надолго. Нам нужно торопиться.

Оператор лифта заинтересованно смотрит на нас. Эйприл с торжествующим видом протягивает мне мою сумку.

— Тебе больше ничего не понадобится.

Я запикиваю книгу в свою сумку, и, скрещивая руки на груди, перехожу в наступление. Она ведет меня через холл к своей смешной паровой карете.

Эта карета — и чудо, и чудовище, подарок от ее дядюшки. Транспортное средство имеет подвижную крышу, которая может быть закрыта в плохую погоду, чтобы дождь не испортил прическу, и окрашена в белый цвет, с инкрустацией золота, словно путешествует здесь сказочная принцесса. Кроме того, ведет ее вооруженный водитель, и еще спереди двое стражей. Сзади — мальчик, закладывающий уголь в печь, нагревающую воду до состояния пара.

Эйприл говорит, что ученый, который изобрел карету, взорвал башню в замке принца Просеро, но я не знаю, правда ли это. Мы нуждаемся в средствах для передвижения с тех пор, как чума убила всех лошадей.

Вечер пасмурный, но не дождливый. Эйприл смеется.

— Оставь окно открытым. Мне нравится ветер, я даже рискую, ведь летучие мыши

могут приземлиться мне на голову.

Летучие мыши. Их использовали, чтобы решить нашу проблему с москитами. Ученые что-то сделали, чтобы увеличить их, и теперь животы летучих мышей стали больше и могут съедать неограниченное количество кровососов.

Летучие мыши подхватили вирус от москитов, но не умерли. Они только переносят болезнь. Никто не говорит об этом. А еще о людях, которые переносят болезнь неделями или даже месяцами. Каждый обязан сразу же их убивать. И зараженных животных, и зараженных людей. Военные награждают тех, кто приносит им тела летучих мышей.

Эйприл передает мне фляжку, и я делаю большой глоток.

— Я не боюсь летучих мышей, — говорю, наконец, я.

Мы обе смеемся, но это не было бы так забавно, если б мы были трезвы или не вместе. Вместе проезжаем через руины некогда шумного города, а теперь всего лишь памятника нашим умершим.

Кто-то нарисовал большие черные буквы на стене здания. Силюсь разобрать их. ЖИЗНЬ СВЯЩЕННА. А СМЕРТЬ — ДАЖЕ БОЛЕЕ. Я смотрю на буквы, уродливые и кривобокие затем Эйприл задыхается и толкает меня вперед, впечатывая в обивку.

С глухим стуком камень врезается в бархатное сидение, где только что покоилась моя голова. Страж с левой стороны поднимает ружье и выстреливает, на лету разрушая следующий.

Эйприл дрожит больше, чем я когда-либо видела. Перепугана. Она поднимает первый камень, слишком большой для ее руки и к тому же неровный, и выбрасывает на улицу. Мы обе вздрагиваем от звука, который он издает при падении. Такой же мог быть слышен при столкновении с маской или костями моего отца. Если люди хотят кидаться в нас камнями, что ж, недостатка в них нет. Город разваливается на части, и эти части могут быть использованы для вооружения. Где угодно. Когда угодно.

Стражи Эйприл просматривают территорию, пока ее водитель поправляет свою собственную маску и ускоряется.

— Полагаю, я спасла твою жизнь. Снова, — наконец говорит она.

Полагаю, спасла.

Впервые я встретила Эйприл, стоя на кончиках пальцев на самом краю крыши Аккадиан Тауэрс. Менее двух лет назад.

Никто не приходил на крышу, но она поднялась ко мне и сказала:

— Что ты делаешь?

Я была так удивлена, что ответила честно.

— Представляю, каково это было бы — спрыгнуть отсюда.

Тогда она засмеялась. Это было типично для Эйприл, но я была в шоке от этого. Я пыталась скрывать свои суицидальные мысли ото всех, а эта девушка просто смеялась!

— Ты мне нравишься, — сказала она. — Я слышала о девушке, живущей в старых апартаментах принца. Мне нужна твоя помощь, чтобы заплести волосы.

Она сняла свою шляпу, показав мне волосы, половина которых была заплетена, половина — распущена. Ее мать слишком напилась, чтобы завершить прическу. — Не прыгай прямо сейчас, ладно?

Карета остановилась перед клубом. Эйприл начинает причитать из-за царапины на сусальном золоте, прежде чем направиться к немаркированной двери.

В мертвой тишине исследовательской комнаты я вздрагиваю, поймав собственное

изображение. Я тиха как мышь, не из числа девушек, которые принадлежат подобным местам.

— Я не планировала приходить сюда сегодня, — бормочу я.

— Тем не менее, ты здесь, — говорит он. Невозможно определить, радуется он или злится из-за моего прихода. Но не осуждает. Вообще никаких эмоций.

Потом его рука придерживает мою талию, помогая мне встать. Я хотела бы остаться и поговорить с ним, но он уже отвернулся, чтобы принять другого члена клуба. Не имеет значения. Не имеет значения, как я хочу с ним поговорить, я боюсь, что мне вообще нечего ему сказать.

Эйприл замечает, как я смотрю на него.

— Как плохо, что ты приняла целибат, — говорит она, когда я покидаю комнату исследований.

— Это не целибат.

Это больше, чем клятва. Это способ, которым я обязана прожить свою жизнь. У меня нет выбора.

— Как плохо, — повторяет она, притопывая ногой, обувью в дорожную туфельку.

Мы проходим весь первый этаж, прочесывая каждую комнату. Эйприл останавливается, чтобы взять себе выпить, а затем мы идем через несколько комнат обратно, просматривая все углы и даже лестничные пролеты. Я ищу светлые волосы. Эйприл настолько блондинка, что затмит летний лимонный сок. Потому что я думаю, что ее брат должен быть похож именно на нее.

— Это в привычке Элиота. Возможно, он нашел более важное место, где ему нужно быть, — подруга ставит один напиток и уже высматривает другой. Ее щеки ярко-розовые.

— Хочешь, посмотрим на других этажах?

— Где, думаешь, он может быть?

— Верхний этаж, возможно. Его больше привлекают книги, чем женщины. Он — позор семьи, — Эйприл позорит слово позор. — Причина, по которой он с нами не живет — призвание. Он поэт, живет в мансарде вместе с другими художниками и поэтами. Они не носят маски. И говорят, что умереть молодым — правильно, ведь они описывают состояние человека и то, что происходит с нами. Он пишет день и ночь и принимает наркотики в попытках постичь нечто большее.

Эйприл закатывает глаза.

Почему она так ненавидит поэзию? Внезапно я начинаю нервничать при мысли о встрече с ее братом, так как ничто не может очаровать меня больше, чем то, что она только что сказала.

— Он сказал, что может быть здесь?

— Он должен тебе понравиться, — она мгновение смотрит на меня. — И, я подозреваю, ты ему тоже понравишься. Но тебе нужны накладные ресницы, — она толкает меня на место для влюбленных позади себя и запускает руку в сумку. — Вот, — несколько мазков блеска на мои щеки. Я думала, что блеск будет жестким, но он пенящийся. Это то, что наши ученые создают, пока Матушка Природа пытается убить нас всех. Затем Эйприл открывает мою сумку и начинает искать накладные ресницы. Я удивлена тем, как уверенно движутся там ее руки.

— Теперь ты, миленькая. Даже Элиот заметит... — она перестает говорить и внезапно роняет мою сумку, разбивая красный блеск для губ и бутылку парфюма.

Двое мужчин останавливаются в дверях комнаты. Внутри у меня холодеет. Они принадлежали к членами клуба еще до чумы, и нам советовали избегать их.

Но Эйприл заметила не их. Она смотрит через всю комнату на молодого мужчину, наклонившегося к бару. Я знаю точно, что это не ее брат, так как в ее взгляде слишком много флирта. Он идет к нам, и Эйприл поднимается.

Даже не предлагает мне помочь собрать содержимое сумочки. Сделать это ей и в голову не пришло бы.

Подруга улыбается, глядя на него из-под полуопущенных ресниц. Я успеваю увидеть, как пожилой джентльмен проходит мимо.

И затем молодой мужчина остановился прямо около нас. Эйприл предлагает ему свою руку, прежде чем бросает мне через плечо слова:

— Мы здесь. Элиоту не на что жаловаться. Если захочет — найдет нас. А сейчас надо повеселиться.

Возможно, она права. Вот почему мы приходим сюда. Забыть. Повеселиться.

Я смотрю, как она улыбается, откидывая волосы назад. Если бы наш мир не взорвался, она была бы уже замужем, возможно, и женой, и матерью. А вместо этого она все ночи напролет гуляет без сопровождающего. Моя мать не одобряет ее поведение, но не может обуздать дикости Эйприл.

И мама не станет удерживать меня от общения с ней, потому что в ее семье есть связи. Эйприл утверждает, что ее дядя, принц — сумасшедший. Он живет за городом в средневековой замке, который сюда перевез из Шотландии — камень за камнем — прямо перед грянувшей чумой. Он контролирует все, включая войска. Мы делаем то, что он говорит. И я не могу с уверенностью сказать, как так получилось.

Отец Эйприл раньше был мэром, но он умер, и теперь они с матерью живут одни в пентхаусе А, Аккадиан Тауэр. Ее мать целый день напролёт пьет бренди, а Эйприл целуется с незнакомцами в районе Разврата. Ее новый парень протягивает ей высокий стакан, а другой предлагает мне. Я беру его, но не пью. Что-то в нем привлекает мое внимание. Вообще-то не в нем, а в том, что Эйприл все-таки начинает его целовать.

Я никогда не целовалась. Я дала клятву не делать того, что бы не стал делать Финн. И обычно меня это не беспокоит. Эйприл говорила, что причиной тому мое незнание того, от чего отказываюсь, но страсть кажется мне такой грязной.

Веки Эйприл фиолетовые. А у него синие, словно синяки. Они целуются очень тесно, прижавшись, друг к другу, словно эта связь что-то значит.

Я ставлю стакан на край стола и иду по клубу. Беспокойно.

Я вижу Эйприл, развалившуюся на бархатном кресле. Кто-то с помощью ножниц укоротил ее юбку еще на несколько сантиметров, в любом случае, она короче, чем была, когда мы выходили из дома. И этим ансамблем она окончательно перешагнула грань распушенности.

Возможно, это не имеет значения. Она сделала себя удивительно искусственной, и это нормально — не носить почти ничего — так как и мы больше не настоящие люди.

Лед уже растаял в моем забытом на краю стола стакане. Я поднимаю его, пока Эйприл не разглядела меня, быстро опустошаю и поднимаюсь вверх по лестнице на этаж, зарезервированный под шумные карточные игры. Но я не в настроении быть окруженной чужим счастьем. В попытке сбежать, я ныряю в тихую комнату. Когда мои глаза приспособляются к смене освещения, я ухитрюсь рассмотреть двух мужчин за столом,

играющих в шахматы при свечах. Они не заперты во влажном подвале, тем не менее, моя грудь сжимается.

— Хочешь сыграть? — спрашивает один. Его светлые волосы отбрасывают причудливые блики в свете свечей.

— Нет, нет, я не сильна в стратегии... — и только затем я понимаю, кто он.

Холодный воздух дует мне в лицо. Он ощущается более живым, чем тот, к которому я привыкла. Дрожа, я лежу в чужой кровати.

Холодно. Значит, почему-то я на улице. Но как кровать оказалась на улице? Я глубже закутываюсь в одеяла. Человек рядом со мной двигается. Остро ощущаю чье-то присутствие. Я поймана, закутана в одеяла, в незнакомой кровати и не могу открыть глаза.

Прижимаю руку к лицу. Мои глаза склеены. Это случилось и раньше — плохая смесь макияжа и клея для ресниц. Эйприл давала мне немного средства для снятия макияжа, но я знала, что сейчас не дома, потому что пентхаусы в Башнях Аккадиан никогда не были так неуютно холодны.

Моя маска сдвинута.

И кто-то сбоку прижался ко мне. Ближе, чем бывали остальные люди с тех пор, как мы с Финном выросли. Нахождение рядом с кем-то заставляло меня чувствовать себя потерянной. Я отпрянула, а потом вздрогнула, когда мой друг по постели перебросил через меня руку. Боль от того, что я разлепила веки была сильная, но мгновенная.

В комнате нет ничего знакомого. Это мансарда в античном стиле с низкими потолками и острыми углами. Я отхожу и с шоком осознаю, возле кого лежу.

Он даже симпатичней в приглушенном свете раннего утра, который играет на его высоких скулах. Я смотрю на его закрытые глаза. Я знаю, что они темные, но темно-голубые ли? Или карие? Я желаю, чтобы он открыл их, и я смогла увидеть. Так странно видеть его не в стенах клуба на освещенном полу.

Его волосы спутаны. Я немного шевелю рукой, представляя, что посмела бы прикоснуться к нему, запустить пальцы в эти волосы и увидеть, как далеко заходит татуировка.

Мои мечтания прерывает смешок на высоких тонах.

Единственная вещь в этой комнате — кровать, где мы вдвоем устроились вместе, и низкий диван, который многое видал. На диване устроились двое детей.

Они не носят маски.

Но мы же снаружи, может, воздух безопасен? Я волнуюсь за свою маску. Меня хорошо учили, чтобы я не доверяла незнакомым фильтрам.

Девочка снова нервно хихикает.

— Ты настоящая?— спрашивает она.

— Да, — я смотрю в её сторону.— Почему ты спрашиваешь?

— Он никогда не приводил домой девушек, — говорит мальчик. — Никогда, а ты выглядишь нереально. Волосы не бывают такого цвета.

Я поднимаю руку и пытаюсь пригладить волосы. Эйприл перекрасила прядь в фиолетовый. Цвет хорошо сочетался с моими темными волосами, но я попросила ее не красить меня снова. Фиолетовый — это цвет болезни, синяка, который возникает перед развитием болезни.

Дети усаживаются на край кровати и всматриваются в меня.

— Ты выглядишь так, будто плакала, — девочка тянется, чтобы прикоснуться к размазанному макияжу под глазами, и я отскакиваю. Я не привыкла подпускать кого-то без

маски так близко к себе.

Я сажусь, чувствуя невероятное облегчение от того, что все еще полностью одета.

— Не буди его, — говорит маленький мальчик. — Он тяжело работает. Не ложился всю ночь.

— Да, я знаю, — говорю я, потому что часто вижу его за работой ранним утром.

Я прикидываю, волнуются ли за меня так мои собственные родители.

— Как тебя зовут? — спрашиваю, наконец.

— Я — Генри, — говорит маленький мальчик. — А это Элис.

— И откуда... — я колеблюсь, глядя на спящего парня. — Откуда вы его знаете?

Девочка, кажется, что-то замечает в моём голосе.

— Ты хочешь быть его девушкой, — уверенно говорит она.

— Он, — мальчик специально подчёркивает местоимение интонацией, — наш брат.

Их родственник выбирает именно этот момент, чтобы открыть глаза и посмотреть прямо на меня. Он моложе, чем я думала. Мне всегда казалось, что ему за двадцать, но вижу, что он приблизительно моего возраста. Может, восемнадцать.

Маленькая девочка наклоняется и шепчет:

— Его зовут Уилл. Сокращенно от Уильям, — в этот раз я не отодвигаюсь, когда она присаживается ближе.

Уилл улыбается мне, улыбкой невообразимой сладости, улыбкой, которой я от него никогда бы не ожидала, с его волшебными руками и дрожащим шепотом.

Мое сердце порхает.

— Итак, ты жива? — спрашивает он.

— Жива?

— Мертвые вредны для клуба. Только пару дней назад девушка захлебнулась собственной рвотой. Я не хотел, чтобы то же самое случилось с тобой.

Мое чувство удивления исчезает. Он принес меня сюда для пользы клубу. Не для того, чтобы спасти меня. И даже не из-за того, что я ему понравилась.

— Вы двое надоедаете нашей... гостье? — спрашивает он у детей. Они двигаются в сторону входной двери, через плечи, бросая неопределенные взгляды, оборачиваясь и пристально глядя на нас, пока он не делает раздраженный жест, и они все-таки уходят, хихикая, в соседнюю комнату.

— Ваша гостья? — спрашиваю я так холодно, насколько способна.

— Я не знаю, как еще называть тебя. Человека, который, я надеялся, не умрет в моей кровати? Я нашел тебя без сознания за одной из штор, когда заканчивал работу.

Мой стыд переходит в холодную волну гнева.

— Ты не думаешь, что должен был отвезти меня в больницу?

Он приподнимает темную бровь.

— У меня не было времени.

У него не было времени? Он нашел меня без сознания, принес домой, но не побеспокоился остановиться в больнице или доставить меня к отцу, который мог бы оказать необходимую медицинскую помощь?

Я сердито смотрю на Уилла, пылая неистовой яростью.

Он смотрит назад. Я осознаю, что он ведь не использует подводку для глаз, но его глаза такие темные и такие удивительные. И злые.

— Послушай, — говорит он. — Каждая секунда моего дня заполнена тем, что я должен

сделать. Каждая секунда. Не я принимал наркотики прошлой ночью, и не я упал в обморок за занавеской из золотой парчи, и у меня нет друзей, которые оставили бы меня самого в клубе. Правильно?

— Я могла умереть.

— И чем это отличается от остальных ночей?

Это несправедливо, потому что я почти никогда не хожу в клуб чаще двух раз в неделю.

Дети вновь показываются в двери.

— Давайте немного позавтракаем, — говорит он к их радости, хотя слова, кажется, адресованы мне. Они уносятся прочь, и он встает с кровати. Уилл все еще одет в облегающую рубашку и брюки, что были на нем прошлой ночью.

— Уилл, — я нерешительно пробую его имя на вкус.

— Не рассказывай про свою жизнь, не перед Элизой. Она не знает других женщин, кроме нашей пожилой соседки, так что она непременно будет тобой очарована.

Он имеет в виду меня в клубе. Он не знает ничего другого. Но, возможно, это и есть все, что есть.

Парень проводит меня на кухню. Оба окна закрыты множеством одеял, которые, кажется, прибиты гвоздями, чтобы не допустить их открытия. По-прежнему проникает свет, создавая иллюзию приглушенного витража. Комната мягкая и, как ни странно, приятная. На столе шесть яблок. Уилл разворачивает полбуханки хлеба и начинает резать его большим ножом. Дети вытаскивают единственный стул и взбираются на него.

— Садись к нам, — говорит Элис. Я осторожно сажусь на пустой стул.

— Меня зовут Аравия, — говорю ей. Может быть, он на самом деле не знает, как меня зовут и кто я.

Уилл улыбается.

— Ты заботишься о них?

— Да. Наша мама умерла три года назад. — Он берет одно из яблок и кладет его перед Генри.

— Уилл, это вся еда, которая у нас есть до завтра? — глаза Элизы слишком большие для ее лица.

Я пытаюсь подсчитать, сколько еды для каждого из них, сколько кусочков. Он поджаривает хлеб на какой-то горелке.

— Воздух безопасен? — я кладу руку на свою маску. Это кажется странным — быть единственным человеком в комнате, у которого закрыто лицо.

— Нет, — говорит Уилл. — Не снимай маску. Я не хочу спасать тебя от нефильтрированного воздуха.

Я смотрю на детей, их голые лица. Воздух в нижнем городе, говорят, заполнен болезнью.

Уилл разбивает яйцо в маленькую сковороду и держит ее над горелкой.

— Итак, ты живешь здесь и растишь двух детей?

— Да.

— Это нелегко?

Он смеется.

— Да, это так.

— Как это произошло?

— Просто. Моя семья пережила чуму, поэтому казалось, что все в порядке. Я

околачивался по району, когда все только началось. Я очнулся, лишь, когда подошел к девушкам с необычного цвета волосами, которые шли в клуб, одетые в черные корсеты. К девушкам, которые уставились в свои бокалы пустыми взглядами, оплакивая тот мир, который они потеряли.

— Это своего рода поэтично, — говорю я.

— Это было безрассудно, — он улыбается. — Но я получил работу, начал копить деньги. Потом умер мой отец, и заболела мама. Я платил за квартиру, искал деньги на лекарства и еду. Позже привлек внимание принца. Ему принадлежит Клуб Разврата.

Он владеет практически всем.

Уилл отбрасывает волосы с лица.

— Иногда у нас было достаточно на еду. Иногда нет. Я, казалось, хорошо устроился, работая в Клубе Разврата. Соседка присматривает за детьми ночью, пока я на работе. Она много не берет, оставляя их спать в своей запасной кровати. Я должен быть дома до восхода солнца, потому что она работает кухаркой в какой-то богатой семье.

Какой-то богатой семье. Как моя. Насколько я знаю, его соседка могла бы быть нашей кухаркой.

— Я привык расставаться с ними, когда мне было пятнадцать или шестнадцать, потому что не смог придумать, что еще можно сделать. Но сейчас я более осторожен.

Оставляя детей в опасности. Если власти находят одиноких детей, они приказывают забрать такого ребенка, и он или она уже никогда не возвращаются.

Уилл протягивает мне ломтик поджаренного хлеба. Я не хочу, есть их еду, у них ее так мало, но не принять кажется невежливым. Так что я передвигаю свою маску в сторону, как мы обычно делаем, когда находимся в месте, где могут быть возбудители инфекции, и откусываю свой хлеб.

Генри ласково держит миниатюрную игрушку из латуни.

— Это игрушечная паровая карета? — спрашиваю я.

— Да. У меня есть также дирижабль, — с гордостью говорит он.

— Мой друг талантливо делает для него игрушки, — говорит Уилл.

— Можешь запустить, она и в правду работает!

Какими бы очаровательными они не были, своими ищущими взглядами и быстрыми движениями дети заставляют меня нервничать.

— Они ходят в школу?

Уилл ставит тарелку с несколькими яйцами передо мной.

— Я надеюсь, что пойдут в следующем году.

Мы едим не спеша. Я делю свой хлеб на три куска и отдаю большую часть детям. Яйца заставляют меня почувствовать себя намного лучше, более живой. Солнце украдкой пробирается вокруг покровов на окне, и Уилл выглядит полностью истощенным. Я хочу потрогать его растрепанные волосы, отодвинуть их от лица. Он видит, что я разглядываю его, и улыбается полуулыбкой. Я почти ожидаю от него неподходящую ласку, подобно тому, как парень делает это в клубе.

— Аравия твоя девушка? — неожиданно спрашивает Элис.

Уилл с трудом глотает, после чего говорит:

— Нет. — Так быстро, что это чувствуется, как пощечина.

Когда малыши не смотрят, он приподнимает одну бровь. Уилл знает, что обидел меня. В этот момент он парень из района Разврата, а не этот неожиданный домашний человек.

Пока он описывает девушек, которые ему нравились, мне кажется, что парень держит передо мной зеркало. Но я не догадываюсь, нравится ли ему также... тот тип девушек, к которым, как он думает, принадлежу я. Он сказал, что очень глупо, когда кто-то считает, что наше детство ушло в небытие. Его губы изгибаются снова, и я понимаю, что Уилла забавляет тема нашего разговора.

— Вот твоя сумочка, — он кладет ее на стол и подавляет зевок. Тени под его глазами делают Уилла еще более невероятно красивым.

— Ты выглядишь уставшим.

— Я обычно сплю дольше, чем сегодня. Ты нарушила наш маленький домашний быт. К счастью, у меня есть вся вторая половина дня для отдыха.

Все послеобеденное время?

— Но как я вернусь домой? — резкость моего вопроса приходит от страха.

— Я решаю эту небольшую проблему в уме с момента, как только выручил тебя. Так и быть, провожу тебя до дома по пути на работу вечером.

— Но я не могу остаться здесь на весь день. — Моя мама будет выкручивать свои руки, а отец, должно быть, даже выйдет из лаборатории на поиски меня.

— На этом участке небезопасно кому-либо разгуливать в одиночестве, особенно такой, как ты.

— Я не буду одна. Ты будешь со мной.

— Я не могу оставить Генри и Элизу.

— Хорошо, возьмем их с собой. Там есть парк неподалеку от моего дома. Я заплачу за проезд, конечно, — тянусь за своей сумкой.

— В нижнем городе нет платных транспортных средств.

Он отодвигает свой стул от стола. Деревянная ножка царапает древесину на полу, и шум заставляет нас двоих вздрогнуть.

— Кто хочет складывать пазл?

Уилл выбирает коробку на нижней полке и вытряхивает содержимое на стол. Дети борются за кусочки от цветной составной картинке головоломки. Приглушенный свет проскальзывает через слой из одеял над окном, становясь скорее тягостным, нежели успокаивающим.

— Ты никогда не берешь их наружу, не так ли?

Вдвоем смотрим через стол в глаза друг другу.

— Нет.

Он на длительное время удерживает мой взгляд. Я первая опускаю глаза.

— Ты хочешь помочь с пазлами?

— Я, пожалуй, прилягу.

Я возвращаюсь в его кровать. Чувствую себя странно, но в этой крошечной квартире нет другого места, чтобы побыть одной. Подтягивая одеяло к подбородку, я пытаюсь затеряться. Дверь его платяного шкафа немного приоткрыта. Я хочу открыть его, посмотреть на рубашки, которые он надевает в клуб, что-то более знакомое, чем это место. Но вместо этого я сворачиваюсь калачиком и пытаюсь заснуть.

Мне снится, что я на санках, на вершине холма. Мои руки обхватывают Финна, но, когда мы съезжаем вниз, я одна. Меня окутывает ледяной холод, и нет ничего, кроме снега, нет других детей с санками, нет отца, нет Финна, хотя я все еще могу ощущать его тепло.

Я одна. Плачу в кровати, принадлежащей незнакомцу, который не захотел, чтобы я

умерла в его смену.

— Не плачь, — говорит мне маленький Генри. Он беззвучно передвигается по деревянному полу, чтобы остановиться рядом со мной, но вместо того, чтобы просто смотреть, он прижимается своей щекой к моей, пытаюсь по-настоящему помочь мне. Я не могу не обнять его, этого ребенка, который занял место Финна в моем сне. Держа его в своих руках, я чувствую себя прекрасно и комфортно, но, тем не менее, рыдаю.

— Я не возражаю, чтобы ты плакала на моем одеяле, — говорит Уилл. — Но, может быть, лучше, если Генри уйдет, — он выхватывает Генри из моих объятий и мягко подталкивает его к двери.

Уилл проскальзывает на стул рядом с кроватью, и я не могу смириться с тем, как непривычно он выглядит здесь, несмотря на то, что на нем та же одежда, те же волосы и те же тату. Может, это потому, что я никогда прежде не видела его в дневное время.

— Ты в порядке? — звучит так, словно он искренне беспокоится.

— Ты должен достать маски для брата и сестры.

Он до скрипа сжимает зубы.

— Ты думаешь, я не знаю этого? Да ты хоть представляешь как это дорого? Конечно, нет. Как много их у тебя?

Я с трудом сплываю. Я привыкла жить в подземелье. И не хочу говорить ему, что у меня их пять: одна постоянная фарфоровая маска, одна полностью черная для случаев, когда я приглашена на костюмированные балы, — принц Просперо любит такие — фиолетовая маска с блестками и две запасные на случай, если первая расколется или испачкается.

Я не могу отдать одну из них детям. Как только ты вдыхаешь однажды через нее, маска становится бесполезной для остальных. Это сделали потому, что люди привыкли красть их. Однако теперь, даже после убийства, вы увидите, как тело жертвы отбрасывают в сторону вместе с маской, закрывающей лицо мертвеца.

— Иди сюда, — говорит Уилл и ведет меня в кухню. Дети собирают пазлы, не обращая на нас внимания. Открывая застекленный шкафчик, он достает коробку. Я узнаю и вес, и форму.

Единственная вещь, которая еще производится в городе — маски и коробки, чтобы хранить их внутри. Он открывает крышку, и хотя я видела тысячи масок, все еще благоговейно перед тихим звуком открытия коробки. В розовом бархате покоится маленькая маска.

— Эта принадлежит Элис. Я копил деньги, каждый пенни, не покупал ничего существенного целых три года, чтобы иметь возможность купить ее. Я приобрел ее лишь вчера, — эта маленькая маска и очаровательная, и пугающая.

— А для Генри у тебя есть?

— Я над этим работаю. Я решил положиться на волю случая и купить одну, таким образом, Элис сможет ее носить. Новый школьный семестр начнется через два месяца.

Мой желудок опускается.

Один из детей получит маску, другой — нет.

Я была самым первым человеком, который вдохнул через маску. До сих пор помню, как отец пришел после работы с ней.

— Попробуй это, — отец протягивает маску Финну.

Но Финн отказывается ее брать.

— Это выглядит глупо. Если я это надену, мое лицо станет как у китайской куклы.

Нам было по тринадцать лет, и он отказывался играть со мной в игры, которые считал девчачьими.

— Я использовал одну из кукол Аравии. Это не идеальный дизайн, но работоспособный, и изобретение отсеивает микробы, вызывающие Болезнь Палача.

Финн бросает маску прочь, и я подбираю ее.

Фарфор чувствуется хрупким и неприятным, запах раздражает, хотя я не могу его идентифицировать. Я не видела выражения ужаса на лице отца, но часто представляла его.

Я и не думала, что буду носить ее до конца жизни. Они изменили дизайн для массового производства, и той, первой, у меня больше нет. Видеть ее — больше, чем я могла бы вынести.

Что если бы Финн взял-таки ее первым? В конце концов, она была сделана для него.

Генри перехватывает пазл быстрее, чем Элис до него дотягивается. Она пытается отобрать его, но мальчик слишком быстрый. Они оба смеются.

Если Элис станет носить маску, тогда она будет более защищена, они оба будут более защищены. Но представление его, маленького мальчика без маски, наполняет меня холодом.

Уилл возвращается из спальни, одетый для работы, и я понимаю, что он не уходил спать сегодня. Он ведет меня домой — готовится работать всю ночь в клубе после всего нескольких часов, что мы спали. Я хочу сказать ему, что мне жаль, или, возможно, поблагодарить, но не могу найти слов.

Мы провожаем детей вниз по лестнице к соседке. Перед дверью он встает на колени и целует обоих. Ком встает у меня в горле, и я вынуждена на момент отвернуться.

— Ведите себя хорошо, — говорит Уилл.

— Мы будем спать, — говорит серьезно Элис.

— Ладно, тогда спите крепко.

Когда дверь открывается, оба ребенка срываются с места, чтобы обнять меня. Я удивлена тем, как они привязались ко мне.

— Нам пора идти, — говорит Уилл.

— Приходи к нам завтра, — просит Элис. Уилл наклоняется, чтобы расцепить ее тощие ручки от моей шеи и мягко подтолкнуть сестру к двери.

Он надевает маску, и мы выходим.

Тени удлиняются, когда мы начинаем идти. Я не привыкла видеть его в маске и мне это не нравится.

Здание, в котором он живет, кирпичное, и идентичное всем окружающим: четыре этажа в высоту, деревянная дверь и завешенные одеялами окна. Одинокое маленькое деревце растет прямо за дверью.

Мы с Уиллом на улице, идущие так близко, что наши руки соприкасаются, — это

аномально. Я никогда раньше не ходила по нижнему городу пешком.

— Держи сумочку поближе к себе, ее могут украсть, — говорит Уилл.

— Далеко идти?

— Да, но прогуливаться с тобой значительно проще, чем спасать тебя.

Эйприл на моем месте могла бы начать флиртовать. Даже будь на моем месте Аравия, идущая в клуб со сверкающими ресницами и нарисованной красным улыбкой, она могла бы придумать, что умное сказать. Но я только стеснительно смотрю на свои ноги, пока мы шагаем в тишине.

По соседству с ними еще больше граффити и разбитых окон, чем я привыкла видеть. Красной косой помечены очень многие двери. Некоторые уже покрашены белым, но символ заражения все равно проступает.

На некоторых окнах висят красные баннеры, украшенные черными косами. Я не уверена, что это значит, но пытаюсь держаться поближе к Уиллу.

Мы вынуждены переступать через следы засохшей крови не единожды. А еще кто-то высадил цветы вдоль края тротуара, и здесь есть несколько деревьев. Мы даже проходим мимо заброшенного открытого участка, на котором установлена ветхая надпись ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПАРК. Люди привыкли заботиться о таких местах, и, конечно, некоторые все еще этим занимаются.

Я отвожу глаза, когда мы проходим мимо черной повозки. Собиратели трупа приехали сюда рано.

На здании прямо перед нами большое, размашистое сообщение, нацарапанное огромными буквами: НАУКА ТЯНЕТ ВНИЗ. ВСПОМНИТЕ БОГА.

— Это же нонсенс, — говорю я, охотно отвлекаясь от тел в корзине.

— Наука нас разрушает, — говорит Уилл. Это меня шокирует. Как наука может нас разрушать? Наука спасает нас. — Религия тоже разрушает, — добавляет он. — Но, возможно, мы должны попробовать верить снова. Я не знаю.

Я видела граффити, но никогда не слышала, чтобы кто-то сомневался в науке.

Спотыкаюсь о выбоины в тротуаре. Уилл поддерживает меня.

— Надеюсь, ты будешь более осторожной, — вижу, он не дразнит меня. Совсем не как в клубе.

Так как не могу обещать, что буду более осторожна, не отвечаю. После долгого молчания он говорит:

— Я бы попросил тебя не рассказывать обо мне, о моей жизни.

— Кому бы я стала рассказывать?

— Богатым друзьям? Некоторые члены клуба бывают весьма агрессивны в некоторых вещах.

— Какого рода вещах?

— В охоте за подробностями личной жизни.

Итак, я не единственная, кто заметил, как он привлекателен. Ревность обжигает меня, а затем приходит волнение. Я знаю о нем то, чего не знают другие девушки, а он хочет, чтобы все так и оставалось.

Теперь мы приближаемся к границе между нижним городом и верхним. Вооруженные стражи стоят вдоль тротуара. Они поворачиваются к нам, но мы оба носим маски, поэтому причин останавливать нас у них нет.

Здания здесь более богатые, но витрины магазинов в большинстве своем закрыты, окна

заколочены, а товары убраны. Курьеры торопятся из одного места в другое, их нанимают состоятельные семьи, чтобы бегали по их поручениям, в то время как они могли бы не покидать своих домов.

— Вот здесь я живу, — говорю я, указывая вверх. Мама говорит, что Аккадиан Тауэрс были спроектированы, чтобы воспроизвести в действительности декорации сказки. Еще несколько башенок должны были быть достроены, но второе здание осталось незавершенным, так как ударила чума.

— Конечно, — говорил он. — Чем богаче вы, тем дальше от земли хотите жить, верно? — он посылает мне долгий ищущий взгляд. — Но ты в чем-то другая.

Я другая. Я не всегда была богата. Я была голодна и напугана. Я никогда никому не рассказывала о тех днях. Никогда не говорила о страхе, или холоде, или почему я все еще боюсь темноты.

Я никогда не рассказывала о дне, когда умер мой брат-близнец. Думаю, я могла бы рассказать об этом Уиллу.

Мы прямо перед входом. Страж хмуро смотрит на моего сопровождающего. Я избегаю зрительного контакта с ним, надеюсь, что он не подойдет к нам.

Уилл наклоняется вперед, сдвигает маску и целует меня в лоб.

— Я рад, что именно я спас тебя на этот раз, — шепчет он.

Я смотрю в его темные глаза, заставляющие меня представлять, что было бы, если бы маска не закрывала мой рот. Я вынуждена напомнить себе, что поклялась не целовать никого. Быстро разрываю контакт глаз, а когда смотрю снова, — он просто улыбается.

Я думаю, что он собирается сказать что-то еще, но он смотрит вверх на здание, где я живу, надвигает маску на лицо снова и уходит прочь.

Страж подходит ближе.

— Мисс Уорт?

— Да? — я все еще смотрю на Уилла.

— Позвольте проводить вас к лифту.

В здании Аккадиан Тауэрс есть единственный работающий лифт в городе. Это делает мой подъем слишком быстрым. Что я скажу родителям? Что делать с их обвинениями и волнениям?

Наш курьер отсутствует в холле, но дверь не заперта. Когда я захожу внутрь, меня никто не торопится встретить, чтобы спросить, где я была.

В конце концов, я проскальзываю в дверь отцовской лаборатории. Он склонился над своим экспериментом. Волосы его стали совсем белыми. Кажется, еще на прошлой неделе оставалось несколько серых прядей. Может быть, виной всему освещение?

— Отец?

— Секунду, дай мне кое-что записать, — он вообще не в курсе моих дел.

— Ты можешь рассказать мне, как заказываются маски?

Моргнув, он поворачивается ко мне.

— Знаешь завод на Оак Стрит, единственный, который используется для производства амуниции. Они производят маски там.

— Как мне заказать одну?

— Возьми деньги у матери и пошли курьера за ней, — он берет тетрадь и начинает писать.

Я оставляю его наедине с работой. До него не достучаться еще несколько минут. Он

забудет, что вообще разговаривал со мной. Отец не понимает, что я где-то провела, целую ночь, а может его это не интересует. В любом случае я расстроена.

Усевшись на мой любимый стул в ожидании матери, я достаю из сумки книжку стихов и пробегаю пальцами по обложке. Она пахнет как дом Уилла, как тепло, любовь и свежесдобитый хлеб.

Вчера я думала, что буду наслаждаться этими стихами, но я слишком не собрана.

Мама входит в апартаменты с потоком холодного воздуха. Я наблюдаю за эмоциями на ее лице. Злость. Отвращение. Беспокойство? Я пытаюсь не смотреть на темные круги под ее глазами, чтобы не допустить чувства вины в себе. Волновалась ли она, пока целых два года мы жили в подвале без нее?

Она пересекает комнату в три шага и обхватывает меня руками. Я пытаюсь обнять ее в ответ, но чувствую оцепенение, отталкиваюсь, несмотря на то, что думаю, как здорово она реагирует, в особенности, после невнимания отца.

— Спасибо всевышнему, что вы с Эйприл вернулись домой в целостности и сохранности.

— Эйприл? Она не вернулась домой прошлой ночью? — мама качает головой. — Я думала, что она оставила меня, — говорю я шепотом. Я должна была быть о ней лучшего мнения.

Мама поднимает руку, чтобы похлопать меня по плечу, но убирает ее, когда я отшатываюсь назад. Я не специально, но как ей об этом сказать?

— Эйприл вообще не вернулась домой? — снова спрашиваю я, отупевшая от удивления. Мой желудок начинает болеть, а грудь сдавливается.

— Ее мать неистовствует.

Я изучаю выражение лица матери, но я забыла, как его читать. А она в ярости?

— А где ее бронированная карета? — мой голос совсем тих. — На нее не похоже, она раньше никогда не оставалась вне дома всю ночь.

— Аравия, нам сказали, что карета была атакована летучими мышами.

Мне хочется рассмеяться.

Но не всерьез.

Эйприл и я шутили о летучих мышах прошлой ночью. Слишком уж интересное совпадение... хотя, отец спас человечество, а собственного сына — нет. Я не исключаю совпадений. Отвратительная, причиняющая боль ирония.

— Мама...

— В ее карете были клочья волос. Ты знаешь, люди говорят... летучим мышам нравятся волосы...

Говорят, если у тебя идеальная прическа, тебя атакуют летучие мыши. Я всегда завидовала прекрасным волосам Эйприл.

— По крайней мере, ты не была с ней.

— Да. Я такая счастливица! — на это раз мама слышит подтекст и вздрагивает. Она тоже чувствует себя виноватой за то, что выжила сама, или просто ненавидит дочь, которая выжила?

Я стою только благодаря опоре в виде спинки софы. Обезнадеженные массы смотрят на нас, когда мы проезжаем мимо в клуб Разврата. Иногда у них находятся силы, чтобы кричать на нас и трясти кулаками. Кто сказал, что они не могли напасть на Эйприл, богатую девочку в замысловатой карете? Возможно, она была пьяна. Я помню темные фигуры, которые материализовались между зданиями, пока молодая мать не желала отдавать тело своего

ребенка. А еще камень, который был брошен словно из ниоткуда.

И там был парень с голубыми тенями. Что было в тех стаканах, которые он повсюду раздавал? Он накачал Эйприл? Я почувствовала дурноту. Он накачал меня?

— Где наши карету? — спрашиваю я.

— Рядом с клубом, который принадлежит ее дяде, — мама посылает мне многозначительный взгляд. Она слишком леди, чтобы использовать такое слово как «разврат».

Я могла потерять Эйприл точно так же, как и Финна. Внезапно я слабею и радуюсь, что держусь за спинку софы.

— Ты бледная. Мне передать поварихе, чтобы она тебе что-нибудь приготовила? — мама кладет руку на мое плечо. Видимо, она будет меня трогать, даже если я рухну на пол.

Повариха... Уилл и дети съели свои последние яблоки, прежде чем мы ушли. В данный момент я не могу сделать ничего, чтобы помочь Эйприл, но я могу помочь Уиллу. Наша повариха будет счастлива, приготовить что-нибудь, она считает, что мы не ценим ее еду, пока у одного из нас не появляется дополнительный аппетит.

— Я рада, что ты дома, — мать не смотрит на меня. Я ей верю, но также знаю, что, как и я, она была бы счастливее, если бы здесь был Финн.

Она бы выменяла своего живого ребенка на умершего за один удар сердца.

— Мне нужны деньги на маску, — говорю я. — Курьер вернулся?

— Еще нет. Мать Эйприл заняла его. Она послала собственного во все места, куда Эйприл обычно ходит, и нашего — проверять повозки, на всякий случай.

Слишком много смертей, чтобы позволить каждому привилегию идентифицировать собственных близких. Люди умирают, и их увозят.

Она не может на меня смотреть. Постоянное напоминание в виде труповозки является той причиной, по которой она редко покидает наши апартаменты.

Мама дает мне сумку, наполненную тяжелыми монетами.

Я присаживаюсь, так как ноги дрожат. Я никогда не позволяла себе беспокоиться о легкомысленной Эйприл с ее серебряными тенями и злым юмором.

Я роняю сумку с монетами на стол, и этим сталкиваю книгу стихов на пол. Из нее выпадает кусочек бумаги.

«Встреть меня в саду в полночь» — написано там.

В саду?

В полночь?

Бросаю взгляд на нижнюю часть записки. Потом вглядываюсь сквозь внутренние окна в заросший сад, пытаюсь игнорировать неприятное чувство, что за мной наблюдают.

Пробегаю руками по царапинам кожаной обложки книги. Она принадлежала кому-то еще. Означает ли это, что сообщение тоже принадлежало кому-то другому? А если тот, кто должен был откликнуться на послание уже встретился в полночь в саду с тем, кто писал записку? Возможно, это произошло годы назад, и оба участника уже мертвы.

Хотелось бы, чтобы сообщение было от Уилла, но он всегда работает в полночь.

Могла ли Эйприл оставить мне сообщение? Я смотрю на рукописный текст, но он бездушный и не распознаваемый.

Я подхожу к внутреннему окну. В грязи замечаю нечто, что может быть частью следа. Но ты никогда не увидишь этого, если не ожидаешь увидеть.

Перемещаюсь по пентхаусу, пробегаю пальцами по стеклу. Окна не открываются. А дверь в сад заложена кирпичом.

Проходит час. Я жду. Мама стучит в мою дверь, прежде чем отправиться спать.

— Они могут ее найти, Аравия, — то, как она это произносит, только усугубляет мои страхи. Я дотрагиваюсь до клочка бумаги, надеясь, что он что-то значит. Я слышу, как мама вздыхает и идет через холл в свою комнату.

Нетерпеливо смотрю на часы, и, наконец, выскальзываю из апартаментов.

Если вход в сад не на нашем уровне, значит, он может быть выше или ниже. На крыше есть терраса, и я достаточно часто бывала там, пока доступ туда еще был, чтобы знать — люков там нет.

Хотя я никогда не была на этажах ниже нашего. Лифтер в гладкой белой маске всегда отправляет на самый верхний. Но здесь есть и лестницы.

Наш холл освещается мерцающими газовыми лампами, но они слишком слабые, чтобы разогнать мрак, а лестница в конце холла и вовсе не освещена. Я осторожно спускаюсь, осторожно ставя одну ногу перед другой, и держась одной рукой за стену.

В коридоре множество дверей. Должно быть, эти покои значительно меньше пентхаусов над ними. Я осторожно открываю каждую дверь, чтобы не потревожить жителей, но почти в самом конце холла роняю стул, очевидно, поставленный здесь для курьера, и он падает на пол с грохотом, а затем ударяется о стену.

Изнутри, из ближайших апартаментов, кто-то кричит:

— Кто здесь?

И затем дверь открывается. Я ожидаю увидеть слугу, возможно, семью, но вместо этого встречаю нескольких молодых мужчин в форме.

— Что ты делаешь на этом этаже? — спрашивает один из них, пытаюсь меня схватить. Я делаю шаг назад, прежде чем он дотронется до меня. Я не знаю, может, он с кем-то меня перепутал и теперь уверен, что мне здесь не место. Вторая дверь открывается, открывая взору других солдат, постарше.

— Остановите ее, — говорит он.

Еще больше дверей открываются. Форма подсказывает, что они работают на принца Просперо. Почему столько мужчин размещено прямо под нами? На лацкане старшего мужчины я вижу брошь. Если бы не часы, проведенные с Эйприл, при ее внимании к стилю и деталям, я бы никогда не заметила его. Открытый глаз.

Я вытаскиваю записку, словно это может как-то меня спасти.

— Встреть меня в саду в полночь, — читает он.

Его форма снабжена многими яркими знаками отличия, и я полагаю, что он здесь главный. Ни у одного из этих солдат нет замкнутого, жесткого взгляда людей, выросших из голодных детей, которых я видела по периметру верхнего города, но главный смотрит на меня так, словно считает сумасшедшей. Когда он смотрит снова на клочок бумаги, на этот раз замечает глаз, такой слабо проступающий, словно нарисованный карандашом в углу листка.

— Пропустите ее, — произносит он и кланяется мне. — Наслаждайтесь прогулкой по саду.

Он проходит по холлу взглядом вверх и вниз.

— Приготовьтесь выдвинуться утром в место менее роскошное, — даже в тусклом свете подчиненные ухитряются рассмотреть выражение его лица и удаляются в свои покои.

— Последняя дверь направо, — говорит он мне, заметив, что я не делаю попытки сдвинуться с места.

Ручка последней двери поворачивается легко. Я открываю ее и торопливо проникаю внутрь, радуясь тому, что спряталась от наблюдающих мужчин. Мама неоднократно предупреждала меня никогда не оставаться в темном коридоре, неосвещенной аллее или заброшенной комнате наедине даже с одним мужчиной. Я вздыхаю. Времена компаньенок и слабых женщин давно миновали, но ее предупреждения все еще пугают меня.

Я могу сразу же сказать, что комната небольшая, но я стою в темноте, кажется, несколько часов, ожидая когда глаза приспособятся ко тьме. Это эксплуатирующийся чулан с вениками и ведрами, а к задней стене прикреплена лестница. Я перевожу дыхание. Чтобы попасть в сад, нужно просто забраться наверх.

Потолок покрыт механизмами и блоками. Пересекая комнату, я кладу одну руку на перекладину, а затем встаю обеими ногами. Мои элегантные туфли не имеют сцепления, и к тому моменту как я оказываюсь на полпути наверх, руки уже влажные от пота.

Большая круглая латунная дверь накрывает верхнюю часть лестницы. Я толкаю ее, и она смещается вверх с громким скрежещущим звуком, в то время как земля осыпается вниз тонкой струйкой, скребет по моей щеке. Что ж, оказывается Райский Сад не так уж хорошо запечатан.

Мои руки находят почву, а затем и траву. Я ожидала, что влажность воздуха здесь выше — из-за капель, которые стекают по окну моей спальни. Душно, да, но терпеть можно.

Тонкая ветвь дерева ударяет меня по лицу, и я подавляю крик. Я переместилась из знакомой темноты холла на неведомую, впитавшую запах разных растений территорию. Виноградные лозы касаются моего лица и обвиваются вокруг лодыжек.

Мои ноги издают хлюпающие звуки в грязи, поэтому я останавливаюсь, напряженно прислушиваясь.

Я слышу, как чиркает спичка, и мои глаза выхватывают внезапную вспышку оранжевого цвета. Кто-то очень близко. Я слышу острый запах сигареты. Возможно, табак? Сделав напряженный шаг вперед, я могу разглядеть некоторые очертания: длинные ноги,

скрещенные лодыжки. Очевидно, мужские.

— Привет, — мой голос смущенно подрагивает.

— Ты рано. Мне это нравится.

— Предполагается, что сад закрыт.

— Я вырос в пентхаусе А. Было бы жестоко держать меня подальше от сада, где я еще мальчишкой играл.

— Ты брат Эйприл, Элиот?

Он подносит к губам нечто курительное. Я смотрю на огонек горячей бумаги. Его движения неторопливы.

— Да.

— Ты знаешь, где она?

Он вздыхает.

— Я подозреваю, что наш дядюшка устал от спектаклей, которые она устраивает со своим участием, и сделал ее подневольным гостем в его замке.

— Он не может вынудить ее остаться.

Он смеется.

— Принц может вынудить ее остаться. Он может и убить ее, если захочет, но я не думаю, что такое возможно.

— Он не должен... ты уверен, что он не станет... — я не могу произнести слово «убивать». — Он не причинит ей вреда? — я придвигаюсь ближе, прислушиваясь к ритму его голоса, пытаюсь понять кто он, прежде чем выскажу свое предположение. — Ты парень со шприцем.

— Да, — может быть, он протягивает руку для пожатия, но я недостаточно хорошо вижу, чтобы быть уверенной в этом.

— Светлые брови, — я пытаюсь вспомнить все, что знаю о нем. Он на год или два старше Эйприл, ему восемнадцать или девятнадцать.

Он снова смеется, но, когда начинает говорить, его голос абсолютно серьезен.

— Эйприл сказала, что мы можем тебе доверять, поэтому я собираюсь это сделать, — он докладывает другой наркотик в свою сигарету, производя на меня впечатление своими длинными аристократическими пальцами. — Не хочешь присесть?

Я вытягиваю руки вперед, пока не нахожу ими стену, а затем неуклюже приседаю рядом.

— Те солдаты, ниже по лестнице. Они как-то связаны с тобой?

Он дважды откашливается.

— Они тебя беспокоят? Мне нужно было место, чтобы поселить их, а несколько этажей этого здания заброшены. Это казалось достаточно хорошим решением.

— Они были одеты в форму принца Просперо.

— До сего момента.

— Зачем тебе солдаты? — спрашиваю я.

— Мятеж, — отвечает он. — Мы с Эйприл планировали мятеж.

Его тон меняется от несколько скучающего до низкого и насыщенного. Непреднамеренно я наклоняюсь к нему, слишком шокированная, чтобы издать хоть звук. Это же измена.

В этом городе люди, совершающие предательство, приговариваются к смерти. Однако у него есть солдаты.

— Мятаж? — наконец спрашиваю я. — Эйприл часть этого? — как может Эйприл быть частью мятежа? Для нее решить какое платье надеть — уже большая проблема.

— Она должна быть частью этого. Это восстание — то, кто мы есть, — он делает резкое движение, и даже в темноте я вижу, что он взволновал. — Эйприл и я спрятались за занавеской и видели, как достойный принц Просперо перерезал горло нашему отцу...

Я задыхаюсь.

Я не могу помочь. Я действительно кладу руку на собственное горло. Потому что знаю... как льется теплая кровь... я отталкиваю воспоминания прочь.

— Он убил нашего отца. Он вызывает к себе в офис бесправных жителей. Я был мальчишкой, и мой отец хотел мира, потому я не боролся. Я ждал. И теперь мы собираемся сокрушить принца. Я намереваюсь спасти город.

Я пытаюсь разглядеть выражение на его лице, но слишком темно. Странное место он выбрал для нашей встречи.

— Но другие силы начали движение в городе, и мы не можем позволить кому-либо другому захватить власть. Вскоре мы должны начать действовать. Я попросил Эйприл привести тебя на встречу со мной, чтобы я смог увидеть сам, насколько ты бесстрашна.

Я почти сползаю вниз по каменной стене. Это то, что сказала ему Эйприл? Я так много боюсь. И с прошлой ночи я определенно более заинтересована в своем будущем. Я не та, кто нужен Элиоту.

— Мы не смогли найти тебя в клубе, — говорю я.

— Меня задержали.

— И ты не сказал мне кто ты. Ты оставил меня в обмороке за занавеской.

— Нет. Я вышел поговорить... с другом. И ты вернулась домой, а моя сестра — нет.

— Я не уверена, что предполагалось, чтобы хоть одна из нас вернулась домой. Там был парень, который подсунил нам напитки...

— Как он выглядел? Я его найду, — то, как он это сказал, — с полной уверенностью, нашло во мне отклик. Он так отличается от моего отца, который тих и всегда напуган.

Я описываю парня так качественно, как только могу.

— Возможно, он работает на дядюшку, — говорит Элиот. — Но если он причинил вред Эйприл, я его убью. Итак... мы здесь, в неприступном саду. Ты поможешь мне, Аравия Уорт? Мне нужен кто-то вроде тебя. Готовый рискнуть.

Я смотрю в темноту. Он не может прочесть выражение моего лица, но я все равно пытаюсь сохранить маску бесстрастия.

— Не думаю, что смогу тебе помочь.

— Я могу дать тебе наркотики, — говорит он. — Хорошие.

Мне хочется рассмеяться. Вчера я хотела наркотиков. Вчера я нуждалась... мои руки дрожат. Может быть, мне они нужны до сих пор. Но его предложение облегчает давление. Может, виной тому его голос, бестелесный во влажной темноте, может быть то, какой дурочкой он меня считает. Я думаю о Генри и Элис, и, конечно, о Финне. Может ли кто-нибудь свергнуть принца? Элиот тих в ожидании моего ответа.

— У меня есть идея, — произношу я. — Предложение для твоего нового правительства.

— Да?

— Бесплатные маски, — говорю я. — Для детей.

Он кашляет и задыхается. От дыма сигарет или он так удивлен?

— Это великолепная идея.

Элиот тушит сигарету, а затем зажигает спичку. И в момент возгорания я могу рассмотреть, что он не носит маску. Это уже не так шокирует меня, как могло бы несколько дней назад. Он держит спичку между пальцами и смотрит, как она горит.

— Здесь есть одна проблема, — говорит он. — Очень немного людей знают, как изготавливать маски.

Он бросает спичку в землю. Она с шипением тухнет в грязи, а затем мы сидим в тишине, и, кажется, очень долго. Внезапно я понимаю, почему он так легко согласился, что он собирается спросить и почему действительно хотел встретиться со мной. Это игра в шахматы, и он разбирается в стратегии.

— Тот, кто может делать маски, сможет победить болезнь. В этом великая сила, — Элиот сдвигается в сторону, и пара камней падают с низкой стены. — Я говорил с рабочими на заводе. Фильтры изготавливаются тайно, во дворце принца.

Но я знаю, где отец хранит чертежи.

Я думаю о юной девочке, отдающей тело ребенка для того, чтобы его положили в черную корзину. О ее страданиях. Маска могла бы спасти ее ребенка. Спасти кого угодно от наблюдения за тем, как заражение опустошает его семью — это стоит любых средств, любого риска. Хотела бы я увидеть его лицо.

Я вывожу ногой полуокружность, проверяя сопротивляемость невидимой грязи.

— Я знаю, где лежат схемы, — признаюсь я тихо.

Он времени не теряет.

— У меня есть умные друзья. Если ты достанешь схемы, то начать производство — дело одной недели. Дней. Мы можем бесплатно распространять их среди людей, для их детей. Я, конечно, тоже думал, что нужно сделать маски более доступными. Но было бы гениально привлечь тебя — трагичную дочь ученого — к их распространению. Людям это понравится.

И это я? Трагичная? Вот что видит Уилл, когда смотрит на меня?

— Я достану информацию, — обещаю я ему.

— Будь осторожна. Твой отец окружен шпионами.

Теперь его слова заставляют меня рассмеяться.

— Мы знаем это, — и всегда знали.

— Я свяжусь с тобой. Теперь, когда Эйприл пропала, ты мне нужна, — мне нравится, что он уже не так самоуверенно говорит. Это заставляет меня думать, что мы могли бы стать друзьями.

Я спрашиваю, так как должна знать:

— Эйприл лгала мне, когда говорила, что ты беглый поэт?

Мгновение он молчит.

— Это правда, — его голос практически беззвучен. — Мой отец почти отчаялся, решив, что деньги мне не нужны.

Он берет мой локоть и ведет меня обратно к лестнице.

— Спускайся осторожно, мисс Аравия Уорт.

Морщась от горького вкуса, я проглатываю свое снотворное. Отец смешивает их для меня, он устал просыпаться от моих криков. Спасибо лекарствам — я могу спать без снов. Большую часть ночей.

Я пытаюсь не думать ни о чем. Ни о зажженных спичках в саду, ни о маленьких детях, беззащитных перед Болезнью Плача, ни о заточенной Эйприл. Ни о расположенных прямо под нами комнатах, наполненных солдатами. Я дышу осторожно, борясь с подступающей паникой, которая грозит овладеть мной.

После того, что кажется целой ночью бессонницы, я проваливаюсь в сон о лицах, неясных и в тенях.

Я проснулась с криком и села. Моя кровать дрожала. Я не могла проснуться до восхода солнца, не могла открыть глаза при темноте. Я неустойчива к лекарствам, потому медицина все еще на моей стороне. Стаканы разбиваются, и что-то сотрясает пол. На момент комната освещается как днем. И затем моя кровать снова начинает сотрясаться.

Я сжимаю руками матрас и молюсь, чтобы комната перестала двигаться. У меня галлюцинации?

Я слышу голоса матери и отца в соседней комнате. Они не пытаются говорить шепотом. Другой взрыв сотрясает мою спальню.

Взрывы случались и раньше. Один раз, два, но никогда дважды подряд так близко. Это плохо.

Спустив ноги с кровати, я прижимаю стопы к полу. Он не двигается, а потому я осмеливаюсь встать.

Через свое окно я вижу вспышки на фоне темноты.

Я иду к своим родителям. Дверь открывается бесшумно, но они, должно быть, чувствуют поток воздуха из моей комнаты, так как оба поворачиваются ко мне.

Третий взрыв сотрясает пентхаус. Еще больше стаканов разбивается в кухне. Мама причитает.

Я не поддамся страху. Я сжимаю зубы. Мама выглядит нелепо. Не хочу быть на нее похожа.

Дым распространился повсюду.

— Весь город горит? — Я хочу подбежать к окну и выглянуть наружу, как будто это способ увидеть все ли в порядке с Уиллом и детьми. Вместо этого я стою, примерзнув к месту.

— Идиоты, — бормочет отец. — Те, кто поджигает и грабит. Они делают их положение еще хуже.

— Люди, которые жгут город, чего они хотят? — спрашиваю я. Я думаю о спрятанных под плащами людях и беспокойстве Эллиота о том, что кто-то может захватить власть над городом, опередив его.

Отец предпочитает интерпретировать мой вопрос так, словно я совсем мелкая. Невежественная, какой была неделю назад.

— Они хотят изменить свои жизни. Бедность и отчаяние — состояние, в котором они вынуждены жить. Отчаяние и апатия — все, что у нас осталось... — отца обрывает череда

отрывистых взрывов. — Иногда я мечтаю, чтобы порох не был изобретен вовсе, — говорит он.

Я смотрю на него, потрясенная. И это человек, который живет наукой. Человек, который существует для открытий.

Я падаю на диван между родителями, и мы сидим в угнетающей тишине, пока не восходит солнце. Мать задыхается каждый раз, когда пол начинает трястись. Я держу ноги прижатыми к полу, а руки — к обивке дивана.

— Какой была бы наша жизнь, если бы чума не пришла к нам? — как только я произношу эти слова, мне безумно хочется забрать их назад.

Мама быстро отвечает:

— Ты ходила бы в школу. Мы бы путешествовали. Твой отец имел бы хорошую работу в университете. Ты и...

— Не существует «если бы чума не пришла к нам», — прерывает отец. — Она пришла. И все.

Мы сидим тихие и испуганные.

— Отец, — наконец выдавливаю я. — Можешь рассказать мне о масках? Как ты их делаешь?

Он дарит мне долгий взгляд. Он может подумать, что я хочу знать только то, что маска не может быть общей даже для близнецов. Но отец не жесток. Даже если подобное и вертится в его голове, он сохранит это в себе.

— Я не должен говорить об этом, — произносит он. — Принц грозил отрезать мне язык...

Мать причитает, а отец отворачивается, как если бы был ею огорчен. Или может виной всему шок на моем лице.

Я знаю, что мой отец живет в опасном месте, что он использовал свою популярность в народе для того, чтобы остаться здесь, вдалеке от тюрьмы принца, игнорируя при этом гнев принца из-за того, что его переиграли. Но я никогда не слышала о наказаниях принца. Кража планов для Эллиота может расстроить баланс сил, благодаря которому мы остались здесь.

Во время завтрака прибывают слуги, перепуганные, пахнувшие дымом. Они рисковали собой, чтобы прийти на работу. Устроиться на работу тяжело теперь. Наш курьер приходит позднее остальных, и маска его перекосилась. Тогда отец провожает его в лабораторию, чтобы исправить маску, а я следую за ними и слушаю.

— Как это случилось? — спрашивает отец, изучая маску.

— Люди жгут и грабят, — голос курьера падает, и мне приходится напрячься, чтобы его расслышать. — Если я заболею, пожалуйста, присмотрите за моей дочерью, — его голос прерывается снова.

— Тебе не о чем волноваться, — дружелюбно говорит отец, отдавая маску обратно. Но свою сохраняет строго на месте.

С восходом солнца вспышки больше не видны. Через свое окно я прослеживаю русло реки. Мы с Уиллом не пересекали никакого моста, когда возвращались ко мне, потому он должен жить по эту сторону реки. Я сканирую нижний город на наличие дыма, говоря себе, что все должно быть в порядке.

Город расположен близко. Верхний город приподнят, и гавань находится близко. Нижний город граничит с заросшим заливом в месте, где болото встречается с океаном. Река вьется вокруг самой низкой части города, а остатки улиц обрамляют все это, создавая сетку,

которую я могу увидеть, когда смотрю вниз, хотя там, где раньше были улицы, все еще есть деревья и трава.

Сегодня я не узнаю мир с нашей высоты, и комната, которую я занимаю в стерильных апартаментах, также совершенно мне незнакома. Если бы Эйприл была здесь, она могла бы посмеяться и предложить мне выпить. Мы бы выпили за что-то банальное. Мы не говорили бы о том, какими наши жизни могли бы быть. Но мы бы знали.

Я отворачиваюсь от окна, шагаю туда и обратно. Без Эйприл и ее паровой кареты я заперта здесь.

Часы пробегают мимо. В обеденное время повариха уверяет меня, что она отправила пакет с едой в нижний город по адресу, который я ей дала. После обеда мама играет на фортепиано. Так она забывается.

Вместо того, чтобы работать в лаборатории, отец сидит на диване и смотрит в окно. Если он не покинет апартаменты, я не смогу обыскать его лабораторию.

Убеждение, что я не смогу украсть у отца, наполняет меня ощущением облегчения. Но оно быстро проходит, сметенное чувством вины за собственную трусость.

— Мать дала мне денег, — говорю я ему. — Я хочу купить маску детского размера.

Отец пишет инструкцию на клочке бумаги и затем подписывает ее.

Наш курьер возвращается на пост в холле. Как и большинство людей нашего социального статуса, мы на самом деле не обязаны покидать здание. Мы платим ему за то, что он осмеливается взять на себя бактерии и насилие. Но я хочу выходить наружу. Стены на меня давят. В отсутствие Эйприл мне разрешено покидать здание только с отцом. И раз я не могу выйти в клуб — не смогу увидеть Уилла.

Я мягко инструктирую курьера. Он пожилой человек, лысый и худой. Я вспоминаю, как мама сказала мне вчера, что его отправили осматривать тела. Я вздрагиваю, так как он искал Эйприл, и потому что он вынужден был смотреть, трогать... Я пытаюсь отогнать эти мысли.

— У вас есть дети? — спрашиваю я, припоминая полуподслушанный их с отцом разговор.

— Дочь, — отвечает он.

— У нее есть маска?

— Еще нет. Она недостаточно взрослая для школы. Мы копим...

Я перечеркиваю то, что написал отец и аккуратно переписываю заказ на две маски детского размера, вместо одной.

— Мадам? — он смотрит на записку.

— Мои родители в состоянии себе это позволить, — говорю я.

Он осторожно складывает бумагу и кладет ее во внутренний карман, прежде чем направиться к лестнице — курьерам не разрешается пользоваться лифтом. Я представляю, что бегу за ним, вместе с ним, к заводу. Как и женщина на улице... он не получает столько денег, сколько стражи. Это было бы несправедливо по отношению к нему. Я возвращаюсь в апартаменты.

Я почти сталкиваюсь с отцом в фойе. Он хлопает меня по руке.

— Ты так выросла. Я всегда хотел заказать портрет. Это одно из моих самых великих сожалений. Я ждал, пока не стало слишком поздно.

Я не спрашиваю о том ли он, что я слишком взрослая, или о том, что хотел портрет обоих своих детей.

— Я собираюсь спуститься вниз и осведомиться об ущербе, — говорит отец. Его голос

приятный и не очень понятный. Возможно, он думает, что мама его слушает.

Как только он уходит, я проскальзываю в его лабораторию. Пробирки наполнены какими-то яркими жидкостями, булькающими над источниками управляемого пламени, не сильно отличающимися от того, на котором Уилл готовил завтрак для Генри и Элис. В правой части комнаты размещены полки, заполненные баночками с мертвыми насекомыми, по большей части сверчками.

Заметки отца разбросаны повсюду, кроме большого деревянного стола, который девственно чист. Я делаю один шаг через порог, затем еще один. Отец не останется внизу надолго. Я пересекаю комнату, направляясь к столу. Первый ящик пуст. Ни чернил, ни перьев, ни одного инструмента, который мог бы храниться в столе. Второй ящик также пуст.

Третий наполнен бумагами. Я хватаю сложенный лист из конца стопки. Это, кажется, должна быть схема какого-то ... воздушного корабля? На самом верху отец написал «Невозможно. Скажите мальчику, что это никогда не полетит».

Я слышу шум и отпрыгиваю прежде, чем понимаю, что это повариха, идущая в гостиную, чтобы спросить маму о предпочтениях.

В следующем ящике я нахожу склад аккуратно промаркированных бумаг. Схемы, диаграммы, расчеты. Все, что могло потребоваться для производства масок.

— Аравия? — зовет мама из гостиной.

Я закрываю ящик с чертежами слишком сильно, мама наверняка должна была услышать это. Я запикиваю бумаги в рукав, благодаря судьбу за то, что надела скромное платье.

— Аравия? — зовет она от дверей. — Что ты делаешь? — ее тон скорее смущенный, нежели обвиняющий, и это заставляет меня чувствовать себя еще более виноватой.

— Я искала отца.

— Он ушел вниз, разговаривает со стражами. Ты не видела, как он ушел? — теперь она подозревает. — Пойдем в холл. Ему не понравится, что ты здесь.

Я следую за мамой, но прежде чем я могу расправить кучу смятых бумаг в рукаве, передняя дверь открывается, и отец снова входит в наши покои.

Я жду, сердце стучит, но мама ни в чем меня не обвиняет.

Отец останавливается и ждет, очевидно, пытаюсь понять, почему мы обе стоим тут.

— Возможно, я проработаю в лаборатории до самого ужина, — наконец, говорит он, рассматривая дверь, которую я забыла закрыть.

— Ужин будет подан через час, — говорит мама. — Повариха приготовила грибы...

Ее прерывает громкий хлопок двери.

У меня перехватывает дыхание. Единственный человек, который хлопает дверью — Эйприл. Все остальные должны пройти через охрану на стойке регистрации. Слуга открывает дверь, и мы все смотрим.

Молодой мужчина стоит на пороге с букетом алых роз. Я почти не узнаю его, ведь я никогда не видела его в маске, но теперь он надел ее. Высокомерие видно в том, как он стоит, а его брови выдают насмешку. Они теперь даже более выразительны, раз остальное лицо скрыто. Мне нравится, как он выглядит в маске.

Одна его бровь темнее, слегка опаленная. Я вспоминаю, как он сидел в темноте, зажигая спички. Может быть, он поджег и себя. Или, может быть, прогулялся по городу прошлой ночью.

В любом случае, видеть его для меня волнительно.

Эллиот медленно входит, пожимает руку отцу, кивает матери и передает мне цветы. Я

неуклюже их беру, шипы впиваются в руку, оставляя тонкий кровавый след.

— Я Эллиот, — говорит он моим родителям. — Я... — он колеблется. — Брат Эйприл. Я надеялся, что ваша дочь можешь прогуляться со мной на крышу.

Крыша. Мне не разрешено туда идти, хотя я не думала прыгать уже достаточно давно. Я бесцеремонно кладу на край стола цветы. Мама смотрит на Эллиота, ее лицо бледное. Она идет к серванту и наливает напиток. Только непонятно: для себя или для Эллиота.

— Крыша?

Прежде чем мама может продолжить, наш курьер входит в комнату. Слезы текут по его лицу. Этот мужчина, который сидит за дверью, невозмутимо ожидая наших поручений, плачет.

— Бомбежка прошлой ночью ... — шепчет он. — Уничтожила завод, где выпускались маски.

Я задыхаюсь и кладу руку на прорезь для рта на моей маске, и, когда я это делаю, бумаги в моем рукаве издают громкий хрустящий звук.

Глаза Эллиота встречаются с моими.

— Конечно, его заново отстроят, — говорит мама.

— Люди на улицах говорят, что даже если и отстроят, рабочие будут вынуждены делать маски вручную. Только очень богатые люди смогут позволить себе их, — курьер падает на наш диван.

И мать наливает выпить ему, а не гостю.

— Люди сказали, кто это сделал? — спрашивает Эллиот.

Мои глаза возвращаются к его опаленным бровям. Что он знает?

— На тех стенах, которые еще стояли, были нарисованы черные косы, — говорит курьер.

Эллиот кивает.

— Мальконент¹¹, — то, как произносит он слово, выходит скорее как имя, чем настроение. Не похоже, чтобы мать и отец поняли это, но взгляд курьера резко устремляется вверх.

Отец опирается руками о подоконник и смотрит вдаль.

— Они пожалеют о своих действиях, как только болезнь снова ударит, — говорит он. Он яростно трет свой лоб, оставляя на нем чернильный след, и кладет платок обратно в карман. — Они уничтожили именно то, что давало им надежду.

В комнате душно.

Эллиот смотрит на отца. Тот говорит о возможности новой болезни и нашей уязвимости достаточно часто, чтобы я к этому привыкла.

— У многих людей все еще есть маски, — говорит мама.

Но не у маленького Генри. И не у дочери курьера.

Отец прочищает горло.

— Возможно. Завтра я пойду и предложу свою помощь. Еще есть человек, который может ускорить процесс. Я поделился с ним знаниями...

— Вы помогли, сэр. Никто и не сомневается. Но вы не поделились с ним знаниями, — говорит Эллиот.

Мать и отец поворачиваются, чтобы посмотреть на Эллиота — племянника принца. Тот не пытается их запугать своей злостью.

— Вы отдали знания моему дядюшке, и он спрятал их, — говорит он.

— Если вам больше ничего не требуется, я вернусь на пост, — курьер нервничает. Уходя, он поднимает розу, которая выпала из букета Эллиота, и протягивает мне. — Спасибо, — шепчет он. — Моя дочь ... было так щедро с вашей стороны попытаться.

Мы молчим, пока он торопливо идет по плитке пола к своему креслу в холле.

— Вы все еще можете помочь, сэр, — говорит Эллиот. — Вы могли бы отдать мне чертежи. Я бы нашел способ их распространить.

— Ты знаешь, что я не могу этого сделать, — резко говорил отец. — И ты знаешь причину.

Я перевожу взгляд с одного на другого. Бумаги царапают мою руку. Я готовлюсь сделать то, что отец не станет. И я знаю, что это неправильно.

— Я делаю все, что могу, — говорит отец. — Твои друзья-изобретатели могут привести меня к присяге за это.

Эллиот кивает. Отец отворачивается так, будто не хочет признавать понимание Эллиота. Его голос горек.

— Существует то, что мы никогда не сможем сделать. Не тогда, когда люди разрушают... — плечи отца опускаются. Он неуклюже заходит в свою лабораторию. Дверь не хлопает. Двери в Аккадиан Тауэрс никогда не хлопают.

— Нам нужно идти, — говорит Эллиот, грустно улыбаясь. — Никто из нас не может сделать что-либо для спасения человечества этим вечером, — его рука мягко сжимает мое запястье, опровергая сказанное.

Я отдаю розу, которую держу, матери. Она уже поставила остальные в вазу. Я хочу что-нибудь ей сказать. «Пока», или «все будет хорошо», или, может быть, даже «я тебя люблю», но она увлечена цветами.

Эллиот наклонялся ближе к ней, когда мы делаем три шага к двери.

— Было приятно увидеть вас снова, Катрин, — мягким голосом произносит он.

Глаза матери быстро перемещаются с меня на Эллиота, и обратно ко мне. Она качает головой, словно говоря, что ей видеть его снова неприятно, но она же не может сказать так. Она взволнована. Очевидно, они раньше встречались.

— Твоим родителям я не нравлюсь, — говорит Эллиот, когда мы спускаемся в холл. Я пытаюсь сказать что-нибудь приятное, но он не дает мне ни шанса. — Я привык к этому. Я редко нравлюсь родителям.

Я могла бы спросить, многих ли девушек он зовет с собой, но он может подумать, что меня это волнует. Потому вместо этого я спрашиваю:

— Твои люди все еще внизу?

— Еще на несколько дней. Я оставлю нескольких, чтобы присмотрели за тобой и моей матерью. И за Эйприл, конечно, когда она вернется.

Мы добираемся до запертой двери, ведущей на крышу. Я привыкла ею пользоваться каждый день, пока не приехала Эйприл. Она думала, что защищает меня, вешая на дверь тяжелый серебряный замок.

Эллиот отпирает дверь и посылает мне маленький кивок, чтобы я проходила.

— Зачем цветы? — бросаю я через плечо.

— Мне нужна была причина тебя навестить.

— Отдать мне розы?

— Да, потому что я страстно влюблен в тебя, — говорит он.

Я фыркаю.

Он смеется.

— Чем больше я кручусь вокруг тебя, тем меньше твои родители будут спрашивать о моих визитах.

— Понятно, — радуюсь, что не спросила о других девушках.

Узкая лестница заканчивается другой дверью.

Сомнения заставляют меня застыть, держа руку на дверной ручке. Эта крыша хранит столько воспоминаний. Мое одиночество, с тех пор как мы переехали сюда. Я никогда не была так одинока как здесь. Иногда, еще ребенком, я хотела бы оставаться наедине лишь с собой, но не так. Не навсегда.

А затем Эйприл вернулась из дворца принца в дом ее детства.

Я открываю дверь на самом верху лестничной клетки и останавливаюсь на площадке. Ветер захлестывает нас.

Я хорошо помню это чувство. Я была уничтожена, когда Эйприл отрезала путь на крышу от меня. Я не собиралась прыгать, но она полагала, что я могла бы. В тот день она настояла, чтобы я перекрасила волосы, пытаясь заставить забыть о ее вмешательстве. Когда все было сделано, она подтолкнула меня вперед, к зеркалу.

— Посмотри, какая ты хорошенькая, — сказала она.

Я продолжала смотреть на свои яркие волосы, не узнавая себя.

— В первый раз ты смотришь в зеркало больше полсекунды, — говорит она мягко. — В первый раз ты смотришь в зеркало и не видишь там его.

Теперь холодный ветер бросает мне в лицо мои ненатурально яркие волосы.

— Это приводит в уныние, не так ли? — Эллиот думает, что причиной выражения боли на моем лице является состояние города.

— Ужасно, — говорю я.

— С уничтожением завода план по производству масок еще более важен. Чем быстрее мы добудем информацию, тем быстрее начнем выпускать маски для детей.

Он достает из кармана фляжку, так отчетливо напоминая мне об Эйприл, что больно.

Я доверяю ему. Может быть, мы сможем найти Эйприл. Я смогу иметь маску, сделанную для Генри. И, может быть, мы действительно свергнем принца. Я собираюсь предать отца, и я ненавижу себя за это.

— У меня уже есть чертежи, — говорю я.

— Правда?

Мне нравится его удивление.

Я хотела скопировать чертежи, прежде чем отдам ему. Но его рука уже протянута, и я достаю схемы из рукава, отменяя эту возможность на его одобрение.

— Ты потрясающая, — он просматривает документы, удерживая их так, словно это самые ценные бумаги во всем мире. Ну, как минимум важность их он оценил. — Потрясающая, — повторяет он. Я удерживаю его взгляд. Он делает глоток из фляжки, а затем предлагает мне. Ликер прожигает весь путь до моего желудка, но я не гримасничаю.

— Хорошая девочка, — его восхищение наполняет меня теплом. — Ты не такая, как я ожидал.

Не уверена, хорошо это или плохо.

— Мне нужно идти, — внезапно говорит он. — Это самое полезное.

— Пожалуйста, скопируй схемы и верни их мне, — говорю я. — Они были в единственном экземпляре в папке. Если отец ее откроет, он поймет.

Эллиот кивает.

— Конечно, — Но я не думаю, что он меня слушает. Он оглядывает город. — Сейчас все такое унылое, — говорит он. — Но это изменится.

Мне нравится идея сделать мир лучше, вместо того чтобы прятаться ото всех кошмаров. Я не знаю, сможет ли Эллиот сдержать свои обещания, но перспектива это выяснить — первое, что наполняет меня надеждой за долгое время.

Элиот проводил меня до пентхауса. После того как он ушел, я принялась расхаживать взад и вперед по своей спальне. Без него мое волнение сменилось своего рода отчаянием, и я рухнула на кровать и заплакала.

Ближе к ночи я проглотила снотворное. Сегодня взрывов нет, но я сплю плохо. Я не рассказывала отцу, что его снотворное больше на меня не действует. Сны, которые, как предполагается, видеть я не должна, мрачные.

Следующее утро длинное и скучное. Я опустошаю свою сумку с косметикой, высыпая бутылочки и флаконы на туалетный столик.

Мать входит в мою комнату без стука.

— Я хочу знать, почему ты была в лаборатории отца, — говорит она.

Я замираю. Мой виноватый ответ подтверждает ее подозрения. Я вижу отвращение в ее глазах.

— Племянник Просперо послал тебя туда. Он хочет, чтобы ты предала семью. Я знала его ... уже, когда вы с Финном жили под землей с отцом. Он несет беды. Аравия, держись от него подальше.

Я быстро подсчитываю.

— Он был всего лишь мальчиком.

— Достаточно взрослым, чтобы я смогла увидеть, кем он был, и кто он есть, — она останавливается, ожидает, пока я спрошу, что она имеет в виду. Ожидает, что я повернусь и посмотрю ей в лицо. Я играю с кисточкой для макияжа. Она кладет руку мне на плечо.

— Есть люди честные и благородные, как Финн. Есть люди такие, как ты и я, которые пытаются стать лучше. И есть такие, кто презирает все хорошее в этом мире.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

А сама она не видит, что оставить своих детей ради роскошной жизни и есть презрение чего-то хорошего?

— Он брат Эйприл, — я открываю бутылочку с блеском. Как минимум, я могу спрятать красные глаза.

— Эйприл была избавлена от большей части ... того, через что их дядя заставил пройти Элиота.

Мы слышали, как папа расхаживает по комнате. Наши полы, должно быть, истончились под его шагами. Я опустила бутылку и ожидала увидеть, что мама скажет что-то еще, но она покачала головой и вышла.

Час спустя отец все еще расхаживал по дому, когда я вышла из своей комнаты. Я хочу прокрасться к буфету и налить себе попить, но не делаю этого.

— Мы можем позже прогуляться вместе, — предлагает отец. Он начинает говорить что-то еще, лицо его грустное и серьезное, и я наклоняюсь вперед в ожидании, но затем звук фортепиано заставляет нас обоих вздрогнуть. Мама играет, и не одну из ее звонких приятных мелодий, а нечто драматичное и резкое.

Это все разрушает. Отец выглядит расстроенным, убитым горем, будто музыка напомнила ему о чем-то ужасном. Что бы это ни было, в данный момент оно закончилось.

Мама продолжает играть одну и ту же песню снова и снова. Она играет что-то неверно?

Пытается исправить ошибку? В наших апартаментах нет места, куда бы я могла сбежать от этих звуков.

Отец, кажется, чувствует что-то подобное.

— Возможно, мне стоит надеть пальто, — говорит он. — Как думаешь, на улице холодно?

Музыка останавливается.

— Не выходи наружу, — говорит мама. — Там опасно.

Отец поворачивается, чтобы ее разуверить, но его прерывает решительный хлопок входной двери.

Дюжина белых роз почти скрывает лицо Элиота.

— О, какая прелесть, — говорит мама прежде, чем может себя остановить.

Он вручает половину цветов маме и протягивает остальные мне.

— Я надеюсь, Аравия не откажет мне в удовольствии сопровождать меня в ... в мой клуб. Согласна? — спрашивает Элиот. Вопрос скорее мне, чем моим родителям.

Мама качает головой.

Я встречаюсь с ним глазами. Он указывает на цветы и смущенно пожимает плечами. Я не могу не улыбаться.

— С удовольствием, — говорю я.

Как будто я могла сказать нет. Моя потребность выйти из этих апартаментов граничит с отчаянием.

Мама делает шаг вперед, готовясь что-то мне сказать, но я протягиваю ей остальные розы и отворачиваюсь. Элиот сжимает мое запястье, и, чувствуя быстрый прилив вины по отношению к отцу, я ухожу от них.

Элиот ведет меня вниз по коридору, к лифтам.

В зеркальной стене лифта я вижу не экзотическое существо, в которое превращаюсь с помощью косметики и пайеток, а себя. Я ненавижу смотреть на себя.

Если бы Эйприл была здесь, она могла бы наложить на мои щеки блеск, чтобы заставить меня почувствовать себя лучше.

— В следующий раз пришли сообщение, — я дотрагиваюсь до собственных волос. — Я не готова к выходу.

— У меня нет курьера, чтобы посылать сообщения, — говорит Элиот. — Жди меня в любое время, и всегда будешь готова.

Я одариваю его противным взглядом, и по тому, как наморщился его лоб, могу сказать, что его позабавило мое раздражение.

С тех пор, как мы принялись носить маски, мы стали экспертами по чтению выражения за ними. Глаза и брови — лучшие показатели. Чтобы знать, что кто-то улыбается, я редко смотрю на его рот.

Прежде чем я могу ответить на его ухмылку, лифт начинает трясти. Служащий неистово нажимает на клавиши. Элиот тянется ко мне, словно предлагая какого-то рода защиту. Я отступаю от него на шаг, и он роняет руки, пожимая плечами, все еще забавляясь.

Лифт смещается, и меня резко бросает на Элиота. Его руки не протянуты ко мне, потому щекой я ударяюсь о его плечо. Это больно. Не глядя, он обнимает меня одной рукой, а другую прижимает к стенке лифта, удерживая нас обоих.

Он кажется полностью спокойным, но его рука на моей голой коже слегка влажная. Я останавливаю взгляд на бледном лице лифтера.

Лифт грохочет, и я задыхаюсь.

— Итак, ты боишься смерти, — Элиот наклоняется, чтобы прошептать это мне на ухо.

Пока мы едем вниз в лобби, я пытаюсь подражать спокойствию Элиота. Наконец, лифт останавливается с внезапным рывком, почти ударяющим по моим ногам.

Лицо служащего абсолютно белое, когда он открывает дверь.

— Мне так жаль, мисс Уорт. Взрывы, должно быть, повредили трос, а ваши апартаменты так высоко.

Мне нужно чувствовать твердый мраморный пол под ногами. Элиот выжидает, улыбаясь. Я напоминаю себе, что его руки липкие. Он тоже переживает насчет смерти.

У Элиота есть маленькая паровая карета, она разработана так, чтобы быть быстрее и легче, чем у Эйприл. Сидения расположены близко друг к другу, и я ощущаю его рядом с собой, когда мои голые колени касаются его ног, но, когда мы проезжаем по улицам, я забываю о нем и рассматриваю обломки. Город размывается дождем, и серые здания сливаются с выжженными черными громадами. Это намного хуже, чем единичные акты вандализма, которые случаются, время от времени. Это организованный хаос. Мы проезжаем мимо того, что осталось от красивого собора: крыша пропала, стены почернели.

— Что еще они поджигают?

— Они сосредоточились на церквях.

Я удивлена, что мы проезжаем мимо стольких обгоревших строений. Я удивлена даже тем, сколько церквей в нашем городе. Спрятанные между более высокими зданиями, или высокие, стоящие на углах. По одной на каждый квартал Верхнего Города.

Церкви заставляют меня думать о летучих мышах, а мыши — об Эйприл.

— Слышал что-нибудь? Она у дяди?

Он знает, что я говорю об Эйприл.

— Это стиль моего дяди — захватить ее, чтобы доказать, что он может. Если бы ее пленил кто-то другой, например, мятежники, которые жгут и бомбят город, мы бы знали. Они бы попросили что-то взамен, выкуп.

— Я беспокоюсь, — говорю я мягко.

Мы проезжаем мимо обломков, которые раньше были многоквартирным зданием, и я думаю о том, были ли внутри люди, когда оно взорвалось. Оно должно было быть пустым. Не хочу думать об альтернативном варианте.

— Когда мы доберемся до клуба, мне нужна будет твоя помощь, чтобы достать кое-что, — он смотрит на меня и выглядит очень серьезным. — Слишком рискованно делать это самому.

Мое сердце немного ускоряется, когда он объясняет. Он хочет, чтобы я взяла особенную книгу в зеленой обложке с верхнего этажа клуба, а затем принесла ему. О людях, населяющих этот этаж, шепчутся по углам. Я слышала странные шумы оттуда, однажды — крик, хотя Эйприл сказала, что она не слышала ничего.

Я соглашаюсь на все, что он просит. Теперь я не покажу ему ни малейшей слабости.

— Удостоверься, что книга спрятана, — говорит он. — Не позволяй ее кому-нибудь увидеть. Если кто-то с тобой заговорит, притворись, что потерялась.

Если они со мной заговорят, я не уверена, что мне хватит сообразительности на притворство.

Мы въезжаем в тень высокого здания, когда карета сбивает что-то. Элиот сворачивает, яростно управляя. Я падаю на него, и он обхватывает меня рукой, защищая от удара, а затем

его лицо ударяется о стенку кареты, сильно.

У меня перехватывает дыхание. Боюсь, что он разбил свою маску.

Я бросаю взгляд через плечо.

— Мы переехали кого-то?

— Я так не думаю, — говорит он. — Это нечто слишком плоское, не думаю, что это человек, — его голос дрожит. — Мы не должны останавливаться.

— Мы должны увидеть, с чем столкнулись, — говорю я. — Мы должны убедиться, что это не человек.

— Хорошо.

Штука на улице должна бы быть тенью, но мы оба почувствовали удар, когда переехали через это. Элиот подгоняет карету ближе, доставая меч из-за сидения, и отклоняется, чтобы ткнуть мечом темную массу.

Я подавляю крик, когда он поднимает лезвием рукав.

— Пустой плащ, — ровно произносит Элиот. Что-то выпадает из ткани и со стуком ударяется об асфальт. Элиот спускается и протягивает мне два предмета. Первый — крест. Когда он отдает его мне, я удивляюсь насколько он тяжелый. Второй — череп рептилии. Как только я дотрагиваюсь, зубы сжимают мой палец.

Тонкая кровавая линия появляется на моей руке.

— Крокодильи зубы в крокодильей челюсти, — он забирается обратно в карету. — Это пересечение имеет значение. Думаю, если кто-то это потерял, он за ним придет.

Я поднимаю череп, глядя в глубоко расположенные глазницы.

— Что хорошего в сообщении, которое мы не можем понять? — бормочет он.

— Может, это никакое не сообщение? Должно ли это иметь злое значение?

— Не обязательно, — произносит Элиот. — Но я думаю, что имеет.

Он хватается за маску, пытаясь привести ее в порядок.

— Ненавижу эту штуку.

— Эйприл говорила, что ты отказываешься носить маску, — она называла его поэтом-революционером. Пока что я видела только часть про революционера.

— Я ненавижу контроль, который они дают дядюшке. Я протестовал против того, чтобы носить ее в течение всего года. Но то, что мы сейчас делаем, слишком важно, чтобы так рисковать.

Он запускает карету снова, и мы продолжаем движение.

— Риска заразиться — глупый способ жить, — говорю я. Мне не нравятся маски. Никому не нравятся. Но они нам нужны. Они работают.

— Это то, что я выбираю, — он оглядывает город. — Ты веришь в то, что люди заслуживают возможность делать собственный выбор?

Мы въезжаем в Нижний город, и местность здесь злое. Окна защищены толстыми досками снаружи, и одеялами изнутри. Одеяла, видимые сквозь загорода, напоминают мне о моментах, когда я собираюсь увидеть Уилла.

Мое сердце бьется чуточку быстрее.

— Конечно, я верю в возможность выбора.

— Хорошо.

Элиот паркуется, и мы выходим из кареты на аллею. Он открывает дверь и провожает меня в клуб. Как только дверь закрывается за ним, он срывает маску с лица и задыхается. Я уверена, что его «почти паника» искренняя.

Я кладу руку на его лицо.

— Ты привыкнешь носить ее. Все привыкают, — его щека теплая. Я бы отдернула руку назад, шокированная тем, что стою и трогаю его, но он выглядит таким уязвимым.

— Я так не думаю, но хорошо, что тебя это волнует, — его голос почти теплый, но не такой гладкий, как другой, от двери за нами.

— Надеюсь, это может подождать, так как, раз уж вы в клубе, мне нужно провести вашу проверку.

И теперь я чувствую вину за то, что стою так близко к Элиоту, касаясь рукой его лица.

Так много вещей, которые я хотела сказать Уиллу, задать вопросы. Бомбили ли рядом с его домом? Боялись ли дети? Они здоровы? Не кашляют? Нет ли у них сыпи? Получили ли еду, которую я присылала? Но нахождение рядом с ним делает меня косноязычной и неуклюжей. Я не могу рассказать ему, что собиралась достать маску его брату, так как жест этот бессмысленный теперь, и мои намерения останутся бесполезными, пока мы с Элиотом не добьемся успеха нашего плана.

Я шокирована, что Элиот сопровождает меня в комнату исследований. Я хочу всего несколько секунд наедине с Уиллом, но Элиот доминирует в комнате с его высокомерием, и Уилл едва смотрит на меня, показывая, чтобы я закатала рукав.

— Кто убирал паровую карету моей сестры? — спрашивает Элиот.

— Вам лучше спросить одного из швейцаров. Они заботятся о транспортных средствах, — пальцы Уилла холодные на моем предплечье. Может быть, он и не смотрит на меня, но его пальцы очень задержались на моей руке.

— Выясни.

Уилл указывает мне дыхнуть в подобный часам механизм, а его рука на моем плече. Циферблат на часовом устройстве изгибается и поворачивается.

— Она чиста? — спрашивает Элиот.

— Конечно, чиста.

Брови Элиота ползут вверх.

Они стоят и смотрят друг на друга. Мне полагается идти. Торопиться в одиночестве наверх. Для Элиота. Но Уилл сжимает мою руку.

— Мне нужно, чтобы отперли мои комнаты, — говорит Элиот. — Должно быть, я взял не тот ключ.

Я пытаюсь поймать взгляд Уилла, но он не отводит глаз от Элиота. Я вырываю руку из его захвата. Он подходит ближе к Элиоту, предположительно, чтобы проверить его, а я тем временем выскальзываю из комнаты проверки. Представляю, что слышала тихий шелкающий звук, когда прохожу через болтающую толпу. Я потеряла смех Эйприл с другой стороны. Клуб Разврата сегодня ночью отличается.

Вместо того, чтобы гулять по комнатам нижнего этажа, я напрямик направляюсь к лестнице и поднимаюсь дальше от людных комнат, иду через библиотеки, где мужчины шепчут секреты хихикающим девушкам.

После семи или восьми шагов по длинному коридору, я спотыкаюсь на неровности пола, и вынуждена сделать два шага вниз. Холл выглядит таким же — тот же ковер, те же темные панели, но я вполне уверена, что я зашла в другое здание, соединенное с оригинальным. Следуя направлению данному Элиотом, я нахожу дверь. Внутри та же тяжелая, вычурная мебель, которую можно найти внутри клуба.

На дальней стене висит гобелен. Яркие красные птички выют гнездо на дереве из сухих

фиолетовых листьев. За гобеленом я нахожу дверь, а за ней — очень тускло освещенные лестницы. Я хочу вернуться на нижние уровни, где есть смех и выпивка. Темнота здесь подавляющая и спертая.

Я расправляю плечи и на цыпочках поднимаюсь по лестнице, вхожу в тихую прихожую, наполненную дверями. Некоторые открыты. Внутри комнат я вижу старых членов клуба, играющих в карты. В одной из них мужчина смотрит прямо на меня. У него самые холодные глаза, которые я когда-либо видела.

Элиот говорит, что чума унесла их семьи и состояние. Они знают все, что происходит в клубе и фанатично преданы принцу, который предоставляет им убежище.

— Предполагается, что они остаются на собственном этаже, — рассказывал мне Элиот. — Мой дядя знает, что они могут оказаться вредны для его дел, но он также знает цену безжалостности людей, живущих в состоянии отчаяния.

— Кем они были прежде? — спросила я.

— Люди, которые делали грязную работу. Преступники, террористы. Очень неудачно, что нужная мне книга на их территории. Они не смогут выяснить, что это я ее взяла.

Наконец, я выхожу в коридор, расчерченный книжными полками, точно такой, как Элиот описывал. Я планировала найти книгу в зеленой обложке, книгу, полную карт города, но, как только вижу весь этот массив и представляю, как буду искать там одну, делать вид, что просто случайно взглянула на полки, чувствую головную боль.

Я так нервничаю, что почти не вижу ее. Открытые глаза смотрят на меня с корешка. В тусклом свете золото теряется на зелени обложки. Я хватаю ее и еще одну, чтобы закрыть ей выпуклость на одежде, и поворачиваюсь. Мое сердце скачет.

Прежде чем я успеваю сделать два шага к холлу, мужчина выходит из тени и преграждает мне путь.

— Ты потерялась? — это мужчина с холодными глазами.

— Я кое с кем должна встретиться, — говорю я, подсказывая, что я не одна.

— В мое время юные леди не мечтали прочесть подобные книги, — он смотрит на выпуклость, прикрытую прижатой к груди книгой.

На обложке вытиснена фигура. Я гляжу на нее и понимаю, что вообще-то это две фигуры. Мои щеки горят. Смех пожилого мужчины превращается во влажный кашель.

— Я уже видел тебя прежде, — говорит он. — Мы тебя видели, — его глаза стреляют назад, к его друзьям. — Твои волосы такие очаровательно фиолетовые.

Костлявые пальцы ласкают мои волосы. Я борюсь за дыхание.

— Я должна встретиться с другом, — повторяю я и шагаю прочь, осторожно пряча зеленую книгу.

— Ты должна взять друга с собой.

Теперь он смотрит на мои ноги, доказывающие, что я не больна. Я быстро разворачиваюсь.

— Спасибо за помощь, — бросаю я через плечо, готовая бежать, если он приблизится. Другие мужчины стоят, отбросив карты и отодвинув стулья.

Мои ноги слишком тяжелые, я едва могу оторвать их от пола.

— Если тебе когда-нибудь понадобится найти свой путь — только попроси, — что-то в его голосе заставляет других остановиться.

— Я попрошу, — говорю я. — Попрошу, — и теперь я тороплюсь пройти в холл.

— Мы всегда рады помочь, — наконец кричит он.

В конце лестницы я падаю на пол, прислоняясь к гобелену. Я так сильно дрожу, что не уверена в своей способности встать. Я могла бы сидеть здесь, на этом восхитительно грязном ковре, вечно. Элиот, должно быть, ждет меня. И Уилл... как я хочу к Уиллу.

Но здесь никого, и я не могу встать. Кто-то может войти в комнату в любой момент, а обе книги лежат позади меня. Я поднимаю книги и встаю. Птицы на ковре смотрят на меня своими глазами-бусинками.

Я открываю дверь частных комнат Элиота, вхожу внутрь, закрываю ее за собой, затем стою, прислонившись к ней и слегка задыхаясь.

— Слишком много ступенек? — спрашивает он легко, давая мне момент, чтобы успокоиться. Когда мое дыхание выравнивается, я понимаю, где я. Насколько мне известно, даже Эйприл никогда не приходила в эти частные комнаты. Мы шутили, что это именно то место, где разврат и происходит.

Что бы сказала моя мама, если бы узнала, что я побывала в спальне Элиота?

Но комната, в который мы находимся, скорее кабинет, чем спальня. В центре широкий стол, толстый и угловатый, более функциональный, нежели декоративный. Открытая дверь ведет в спальню.

Он подставляет руку. Я отдаю ему книгу.

— Хорошая девочка.

Я сажусь и делаю глубокий вдох. Воздух здесь, как и во всем клубе, пахнет потом и чем-то напоминающим упадок.

— Ты говорил, что это опасно, — говорю я. — Но там был мужчина, который сказал, что видел меня раньше, — я хотела, чтобы он понял, как я напугана.

— Один из них говорил с тобой? — он отрывает взгляд от книги.

— Да. Он дотронулся до меня, — я кладу руку на волосы. Они кажутся маслянистыми.

— Должно быть, он заметил тебя, — говорит Элиот.

Через комнату я смотрю на наше отражение в позолоченном зеркале.

— Вдруг они ... смотрят на нас?

— О, да! Мой дядя — хитрый бизнесмен. Если скучающие молодые женщины будут платить непомерные суммы за то, чтобы их унизили, найдутся и те, кто заплатит, чтобы посмотреть на это.

Я чувствую дурноту.

— Я думала, ты сказал, что у них нет денег.

— Есть разные типы денежного обращения. Ты, конечно, это знаешь.

Он качает головой и улыбается сам себе, забавляясь моей наивностью. Но я видела, как он посмотрел в сторону спальни, когда говорил о денежном обращении. Пытаюсь представить, бывает ли у него здесь компания. Комнаты достаточно элегантны. Я могу разглядеть тяжелые шелковые портьеры в спальне, и цвет — глубокий синий — повторяется на стенах кабинета. Впечатление, что подушки и постель помяты. Я отворачиваюсь.

Книжные полки полны научной литературы, но книги выглядят непрочитанными. Формальная кожаная классика. Возможно, это тот тип книг, который ему нравится. Буфет со львами прижат к стене перпендикулярно книжным полкам.

— Интересный выбор, — Элиот указывает на книгу большего формата, которую я использовала, чтобы спрятать первую, и теперь я краснею снова.

Он останавливается, ожидая услышать, что я скажу, но я не говорю ничего, и он фокусирует свое внимание на зеленой книге. В тишине звук рвущейся бумаги неожиданный и громкий. Элиот сгибает страницы и кладет их во внутренний карман жилета.

— Что такого важного в этой книге? — спрашиваю я.

— Эти документы касаются постройки города. Человек, который выучит эту книгу, будет знать все способы, как пройти, не будучи замеченным, будет знать секреты города. Были напечатаны всего четыре экземпляра, и один был у моего отца, но он исчез. Я прочесал город в поисках остальных. Одна горничная сказала мне, что на верхнем этаже была полка с пыльными книгами, но не смогла достать одну из них. Мужчины наверху умеют допрашивать людей. Они бы поняли, что я хочу за книгу, и спросили, почему. И они не могли бы достать тем же путем тебя.

Газовая лампа мерцает, бросая тени на его лицо.

— Ты заверяешь, что они бы могли поколебаться, прежде чем начать меня пытаться, — говорю я. — Ты это имеешь в виду, не так ли?

Он игнорирует вопрос и начинает листать книгу.

— Я люблю этот город, все его глубины и секреты. Я хочу его спасти, — странно. Я никогда не слышала, чтобы кто-то говорил о городе с такой страстью. Его выражение лица серьезное, и я хочу ему верить. — И я бы хотел увидеть смерть моего дядюшки, — так мягко произносит он, что я почти его не слышу.

Он находит нужную карту и окунает свое птичье перо в бутылочку чернил, затем выводит большую красную букву X на соборе, мимо которого бы ехали сюда. И еще на одном, затем еще одном.

— Почему, как ты думаешь, они жгут церкви? — спрашиваю я после мгновения тишины.

Краем ладони он размазывает чернила и ругается.

— Это новый лидер, пытающийся организовать некоего рода восстание. Он зовет себя Преподобный Малконент.

Он упоминал это имя прежде. Малконент. Неприятное слово, и еще более неприятное имя. Я думаю о разрушенных и сожженных церквях, их прекрасном интерьере, беззащитном перед стихиями.

— Малконент — не может быть это имя настоящим, — говорю я.

— Очевидно, что нет. А ты думаешь, что имя моего дядюшки действительно Принц Просперо?

Не хочу признаваться, что никогда об этом не думала.

— Но почему священник жжет церкви? — мой рот сухой. Я надеюсь, он предложит мне что-нибудь выпить из его богато украшенного серванта. Даже если это будет просто вода.

— Если люди негодуют по поводу поджога церквей, они думают о церквях. Может быть, даже сожалая, что не посещали их.

— Они могут молиться. Они могут просить помощи у Бога или у Преподобного Малконента, — я отрываю глаза от графина.

— Да, именно. Он провозгласил себя пророком. Если он окажется достаточно убедительным, то сможет победить принца, — Элиот говорит медленно, словно думает, что я глупая.

Я пытаюсь побороть собственное раздражение, глядя как Элиот элегантно пишет пером. Красные чернила стекают словно кровь.

— Тебе стоит взять уроки актерского мастерства, если ты собираешься продолжить убеждать моих родителей, что влюблен в меня, — наконец говорю я.

— Ты могла бы быть менее надоедливой.

— Возможно, — я откидываю волосы на манер Эйприл, как если бы ее разозлил какой-

нибудь парень. Элиот изучает книгу, игнорируя мое раздражение. — Итак, Преподобный Малконент — сила, о которой ты беспокоишься, — единственный, кто поднимет восстание прежде, чем эта возможность появится у тебя? — спрашиваю я.

— Мы ничуть не в лучшем положении с безумным фанатиком, чем с Просперо.

— Если Принц Просперо — не его имя, почему ты так его зовешь?

Элиот хватается за меня, притягивает ближе и заводит мою руку под его черную рубашку на спине. Его кожа теплая и гладкая, но как только я начинаю неистово вырывать руку, пальцы находят бугры на коже. Шрамы.

— Рад, что ты спросила, — говорит он самым скучающим и аристократическим голосом. — Я допустил промашку однажды, когда назвал его прежним именем. Он меня отхлестал кнутом. Его правление сочло это забавным развлечением, — его тон остается разговорным. Мои пальцы ощущаются неестественно теплыми в том месте, где соприкасаются с его кожей.

— Это должно быть ужасно больно, — произношу я слабым голосом.

— Да. Но не волнуйся. Я не собираюсь говорить тебе его настоящее имя. Не хочу, чтобы ты оступилась, как это сделал я. Видишь, я так тебя люблю, что даже защищаю, — под сарказмом скрывается боль, но я не могу проигнорировать уродство его слов.

— Ты так защитил свою сестру?

— Ааа, — протягивает он. — Обвинения. Эйприл должна была защищать себя сама.

Знаю, что он на меня смотрит, ждет, осмелюсь ли я спорить, но я не стану. Он пришел ко мне с цветами, притворяясь, что влюблен в меня, и хотя сказал, что Эйприл у Принца, не предоставил никаких доказательств. Принц, должно быть, хочет причин, чтобы обвинить моего отца в измене. И то, что я сделала для Элиота, может навлечь гнев принца на мою семью. Я могу никогда не увидеть Эйприл снова. И это место, клуб — мое убежище, оно стало теперь пятном, окрашенным в страх.

— Ты скопировал планы? Ты можешь мне их вскоре вернуть?

— Вскоре. И, да. Я очень аккуратно скопировал их. У меня есть друг — изобретатель. Он уже работает над прототипом.

— Хорошо, — говорю я. — Очень хорошо. Я хочу первую маску. Она должна быть наименьшего размера.

— Конечно, любовь моя.

Я встаю. Мне нужен глоток воздуха и что-нибудь выпить. Элиот плохой хозяин, раз не предложил мне ничего.

— Вернусь через несколько минут.

Он не пытается меня остановить. Когда я выйду из комнаты, он сможет корпеть над страницами, которые действительно интересны ему. Над теми, которые он так тщательно скрывал от меня.

В коридоре частных апартаментов Элиота пусто и темно. Я спешу к более знакомому мне клубу, на всякий случай, не сводя глаз с парня, которого целовала Эйприл в ту ночь, когда она исчезла.

Подойдя к бару, я удивленно замечаю Уилла. В непривычных для него обстоятельствах. Обычно он стоит около входа, бесконечно проверяя патроны.

— Аравия, — говорит он.

Я останавливаюсь. — Я не была уверена, что ты запомнил мое имя, — говорю я.

— Да, — говорит он, — я запомнил. Конечно, запомнил.

Я подаю бармену знак, чтобы он принес мне выпить, потому что если у меня ничего не будет в руках, я буду без толку стоять здесь, уставившись на Уилла. Но бармен занят девушкой на другом конце бара.

— Мне нужно на свежий воздух, — говорю я.

— Тогда сделай одолжение — выйди на улицу. Затуманенная голова может убить тебя, — Уилл мог пошутить. Я не могу сказать точно.

Бармен, наконец, заметил меня. Он налил что-то в высокий стакан и подтолкнул ко мне, в то время как Уилл схватил меня за локоть и потянул в сторону.

— Ты выглядишь другой сегодня.

Не уверена, что он имел в виду под словом «другой». Я схватила стакан и сделала большой глоток. Я боюсь его ожиданий.

— Аравия? Я выведу тебя на свежий воздух. Я пошутил насчет того, что это убьет тебя.

Я иссушила стакан и последовала за ним. Он провел меня вниз на два лестничных пролета, покрытых ковром, к двери, которую я никогда не замечала. Я думала, что знала планировку клуба «Распущенность», но сегодня он казался незнакомым, будто я знала о нем только из снов.

— Хочу тебе кое-что показать, — прошептал он.

Мы надели наши маски и вышли в крохотный внутренний дворик. Здание возвышалось над нами в четыре или пять этажей.

Лунный свет был прямо над головой. Я знаю, что было холодно — я могла видеть облака нашего дыхания — но не мерзла. Мы прошли шесть шагов вдоль каменной плиты.

— Вот что я хотел показать тебе.

Я оторвала взгляд от его лица. В центре внутреннего дворика стоял древний цветочный горшок, частично раскрошившийся с одной стороны. Из него прорастала виноградная лоза.

На ней расцвел один белый цветок.

— Он открывается только в лунном свете, на несколько часов, когда полная луна в точности над головой. Возможно, кто-то посадил его сюда до чумы, когда мир еще был полон надежды. В конце дня, после подметания полов и вычищения рвоты, я прихожу сюда. Цветок напоминает мне, что еще остались прекрасные вещи.

— Это великолепно, — говорю я, но вместо цветка смотрю на него, чувствуя легкомыслие и странность ситуации. Счастье. Я думаю, что это чувство называется счастье. Я поворачиваюсь, чтобы изучить цветочные лепестки, неровные от росы. Уилл все еще держит мою руку и наклоняется ко мне. Он так близко.

Больше всего на свете я хочу, чтобы он меня поцеловал.

Но я поворачиваю пальцы, стараясь вежливо освободить руку. Он игнорирует мои попытки сохранить дистанцию и мягко придвигает меня к себе. Но я верна клятве, которую дала у могилы Финна. И если не жертвовать, тогда какой в этом смысл? Я резко отступаю назад. Это лишает его равновесия, и я наклоняюсь вперед. Мои ноги ударяются о цветочный горшок.

Он наклоняется на мгновение, и Уилл бросается вперед, но он недостаточно быстр, и горшок падает на плиты, разбиваясь. Виноградная лоза сломана. Уилл смотрит на нее.

— Я ... не могу держаться за руки с кем-либо, — говорю я ему быстрым шепотом.

Я слишком смущена, чтобы на него взглянуть, хотя и могу сказать, что он повернулся ко мне. Слезы набегают за закрытыми глазами.

— Я должен отвести тебя обратно к другу, — говорит он, его голос почти шепот.

Пока мы идем обратно к зданию, я вспоминаю, как наши руки случайно соприкасались, когда он провожал меня домой, и как я скучала по тихому ощущению товарищества.

Пока мы возвращаемся со двора, можно практически беспрепятственно разглядеть бар. Слишком уж знакомый мужчина стоит именно в том месте, где я находилась, когда Уилл подошел ко мне, и держит стакан, который, вероятно, был моим. Уилл издает звук отвращения и толкает меня к лестничной клетке, подальше с глаз.

— Они никогда не спускаются вниз, — говорит он. — Если увидишь кого-нибудь из этих джентльменов — избегай их. Привлечь их внимание ... небезопасно.

Голоса и смех поднимаются из бара. Я не скажу ему, что уже привлекла их внимание. Что я уже вовлечена.

— Я должен вернуться к работе, — говорит Уилл. Я снова киваю, задуманная сожалением. Он делает два шага назад, а затем ждет, как будто хочет посмотреть, что я буду делать. Я посылаю ему кривую улыбку и направляюсь на третий этаж, к частным апартаментам Элиота.

— Вот ты где, — Элиот размещает в центре стола серебряный шприц, словно это стимул слушаться его команд. Напоминает, какой жалкой он меня считает.

— Взгляни, пока я зажигаю больше ламп, — он толкает ко мне стопку бумаг, флаеры выглядят так, словно могли бы быть листовками на стенах зданий или сложенными памфлетами. Даже с дополнительными лампами освещения недостаточно для чтения. Слова расплываются, и все что я вижу — символы. Красные косы, черные.

Мои пальцы ложатся на черную косу.

— Я видела такие в Нижнем Городе.

Его брови ползут вверх, возможно, от удивления, что я там была. Но он не спрашивает, и я не буду предлагать ему информацию.

— Наш правильный преподобный использует этот символ для своего восстания. Ты видела эти флаеры?

— Нет, — я перелистываю страницы, читая заголовки. Принц — Злодей. Наука Спасет Нас. Болезнь в Воде, Не в Воздухе. Ложь и полуправда придуманы, чтобы пугать читающих. Я сминаю памфлет, в котором говорится, что чума — проклятие, прежде чем понимаю, что делаю, и пытаюсь разглядеть его.

— Эти памфлеты следуют настроению людей или, напротив, формируют определенное мнение в массах? — спрашиваю я.

— Это хороший вопрос, и никто, как и я, не может ответить. В последние несколько лет затишье в антинаучном движении, спасибо твоему отцу. Его изобретение подарило людям надежду, а теперь эту надежду отобрали. Мой дядюшка не представляет, как беззащитен... Когда маски были созданы, должна была установиться своего рода эпоха ренессанса. Не эта отчаянная борьба за единичные экземпляры.

Я переворачиваю памфлет с наброском принца и понимаю, как сильно я его презираю. Мой отец хотел спасти жизни, но принц превратил это в индустрию избавления от смерти и болезни.

— Ожидается, что уровень насилия возрастет, Аравия, — говорит Элиот.

Мой желудок крестится. Насилие бессмысленно. Оно не зависит от причин. У Элиота, кажется, есть подготовленные к борьбе люди, но как много? Больше чем у принца?

— Возможно, только возможно, мы сможем использовать недовольство на благо города, — его глаза ловят мои и удерживают.

Часы бьют из спальни за нами. Сейчас середина ночи, а мы тут, в личных покоях, которые принадлежат ему одному.

Элиот встает, потягивается и идет к бару. Он наливает напитки в тяжелые резные стаканы и протягивает один мне.

— За благо города.

Легкий стук прерывает наш тост. Это Уилл.

— Я нашел паровую карету вашей сестры, — говорит он. — Воры содрали золотую облицовку с боков, и швейцар отогнал ее к стойлам.

— Стойлам? — прерывает Элиот.

— Где лошади раньше находились...

— Я знаком с термином. Я хочу изучить карету утром.

— Скоро уже утро, — Уилл смотрит на меня, не на Элиота.

Я выдвигаю стул из-за стола.

— Мне нужно домой.

— Езда по городу может быть опасна. Мы должны провести ночь здесь, — Элиот указывает на спальню. — Так безопаснее.

— Нет, — говорю я, потому что Уилл слушает. Потому что я трогала Элиота, когда он боролся с маской, и затем дотрагивалась до его шрамов. Потому что он странно смотрел на меня, пока наливал мне выпить.

Ненавижу интимную насмешку в голосе Элиота, и то, что Уилл это слышит и может подумать, что все правда.

— Улицы больше не безопасны, — говорит Элиот.

— Моя мать волнуется, — говорю я. — Я не могу остаться здесь.

Я слышала, как он говорил с моей мамой, словно она одна из тех, кто нуждается в защите. Потому что я не удивлена, когда он произносит:

— В таком случае... — он поворачивается к Уиллу, который не делает попытки притвориться, что не слушал наш разговор. — Были ли ночью возмущения?

— В нашем районе было тихо, — говорит Уилл. Он смотрит на шприц. Я и забыла, что он лежит на столе.

Элиот прослеживает за его взглядом и убирает в карман шприц.

— Мы не хотим расстраивать миссис Уорт. Или почтенного доктора Уорта, — его тон несколько неприятный, но он делает то, что я хочу, а потому я ничего не говорю.

Мы следуем за Уиллом по коридору и двум лестничным пролетам. Несколько человек все еще в клубе расселись по углам, комнатам и альковым.

— Карету вашей сестры пригонят сюда, когда вы будете готовы ее осмотреть, — говорит он Элиоту. — Будьте осторожны.

— Она всегда со мной в безопасности, — я перевожу взгляд с одного на другого и обратно. Измученная, молчаливая. Элиот в карман за словом не лезет. — Идем, любовь моя.

Я вспыхиваю.

Уилл бледнее, чем обычно, его тату выступают на коже. Он настолько сильно принадлежит этому месту, что почти невозможно поверить, что и другим он принадлежит тоже. Он беззвучно что-то произносит, но я никогда не умела читать по губам.

Элиот берет мою руку, и мы выходим наружу, погружаясь в темноту.

— Раньше в некоторых частях города использовались газовые фонари.

Он зажигает два фонаря и вешает их на переднюю часть кареты, ну, теперь наша

видимость немного лучше, чем нулевая. Полная луна не освещает так хорошо, как можно было бы ожидать. Здания, обрамляющие улицу, выпивают почти весь свет.

Когда мы отъезжаем от Клуба Разврата, тьма очень бедно разгоняется фонарями. Закутанные в плащи фигуры скользят в зону видимости и из нее. Глаза Элиота следят за ними сквозь мглу. Я тяжело вдыхаю и указываю на них, хотя фигуры двигаются быстро и уже растворились.

— Люди Малконента, — он ведет медленно, беспокойно.

Полная луна удлинняет тени. И затем, на мгновение, все погружается во тьму. Что-то загоразивает луну. Я вспоминаю игрушечный воздушный корабль Генри, когда смотрю вверх, но небо полно лишь облаков.

Элиот дергает рычаг, и паровая карета совершает скачок вперед.

— Если тебе когда-нибудь понадобится спрятаться, знай, что по всему городу расположены входы в катакомбы. Они выглядят, как канализационные крышки, но промаркированы открытым глазом.

— Катакомбы обозначены в твоей книге, — говорю я.

Он быстро кивает.

— Многие переходы по всему городу были уничтожены, но теперь я как минимум знаю, где они были.

— Ты ищешь способ разместить своих солдат, — предполагаю я. — Или способы провести их через город.

— Мне нужны способы организации. Мой отец знал, что архитекторы и каменщики, сконструировавшие город, построили и секретные комнаты, и туннели, просто ради соревнования.

— У солдата в Тауэрс была брошь с глазом на лацкане. Как на записке, что ты мне прислал. И на книге.

— Это был символ секретного сообщества отца. Я перенял его. Просперо убил всех членов сообщества, потому их секретные места в большинстве своем все еще неизвестны, и теперь у меня есть то, что может быть полным набором их карт, спасибо тебе.

Я рассматриваю здания по обе стороны дороги, представляя, как много людей верны Элиоту, желая, чтобы мы могли спрятаться в катакомбах уже сейчас. Если кто-то атакует нас, это будет моя вина, это я потребовала отвезти меня домой.

— В следующий раз я буду настаивать, чтобы мы подождали с выездом до утра. Ты можешь спать в моих апартаментах.

Он принимает мое молчание за дискомфорт и продолжает.

— Не переживай. Я могу спать в гардеробной.

— Я не волнуюсь, — говорю я, напрягая зрение, чтобы посмотреть сквозь толстый ночной воздух. — В действительности я даже не нравлюсь тебе.

— Ты себя недооцениваешь, — его голос напоминает мне о первой нашей встрече, когда он спросил, что такая девушка как я жаждет забыть.

— Нет. Это не так. Даже моим родителям я не нравлюсь. Они хотят, чтобы я была мертва, а мой брат выжил. Мой брат нравится всем.

Он смеется.

— Так значит, я рискую жизнью, отвозя тебя, домой посреди ночи, а твоих родителей это даже не волнует?

Я не смеюсь вместе с ним, и, конечно, он это замечает. Он всегда замечает. Когда он

снова начинает говорить, его голос мягче.

— Мой отец хотел, чтобы Эйприл была его сыном. Он был беспощаден, а я был мечтателем.

Луна тускло светит из-за облаков. Мы живем во влажном тумане. Даже ночью, когда прохладно, воздух тяжел от влаги.

Здания наклонились над улицей, которая немного больше не заасфальтированной дорожки. Карета Эйприл никогда бы не пролезла по переулкам, какие, кажется, предпочитает Элиот. Бельевые веревки протянуты через улицу, одежда покачивается от ветра. Это был рабочий район, раньше, когда рабочие места еще имелись. Воздух здесь пахнет жиром жареного мяса, и еще один аромат, кажется, это какие-то специи. Руки Элиота на рулевом колесе теперь менее напряжены, я делаю глубокий, успокаивающий вдох.

Что-то мерцает на дороге перед нами.

— Элиот!

Провода натянуты через дорогу, я обхватываю себя, когда паровая карета кренился влево, и мы оказываемся в гряде щебня.

Я обнаруживаю темные, завернутые в плащи фигуры, что-то движется.

— Они установили для нас ловушку, — тихо говорит Элиот.

Я обхватываю свою руку прямо над локтем, так сильно, что это причиняет боль. Мы уязвимы с фонарями, горящими в темноте.

Я вижу вымпел с черной косой, вывешенный на соседнем окне.

— Элиот, — мой голос дрожит. Я хочу, чтобы он повернул назад, вытащил нас отсюда, но вместо этого он шарит в темноте за сидением. Улица тиха, за исключением мурлыканья нашего двигателя. Элиот приклеивает флаконы с жидкостью к маленькой свече. Он передает мне спички.

— Подожди фитиль.

Я зажигаю его непослушными пальцами и отдаю обратно. Мгновение он смотрит на конструкцию, затем бросает на улицу перед нами.

Она разбивается, и вспышка света перед взрывом сотрясает узкую улочку.

Элиот улыбается и поворачивает карету в плотном круге.

— Кого из нас с тобой, думаешь, хочет заполучить Преподобный?

Я смотрю на распятие в задней части паровой кареты.

Элиот хватается крокодилий череп, швыряет его на улицу, где тот разбивается на миллион белых кусочков. Он не избавляет от золотого распятия. Мы развернулись. Огонь позади нас. И некому его потушить. Дерево начинает гореть, а затем и черепица на самом верху крыши.

— Когда буду руководить городом, я снова обзаведусь пожарной командой, — говорит он.

Моя рука пульсирует в месте, где ее ранили крокодильи зубы.

Воздух такой плотный в этой части города, что я могу положить руку и почувствовать конденсацию, оседающую на коже. В свете пламени я вижу ряды арочных окон. Стекло бесследно исчезло, и летучие мыши визжат внутри, бьют крыльями в темноте.

Путь до дома бесконечный. Элиот сворачивает обратно на главную улицу и придерживается ее. Внешний вид церквей, мимо которых мы проезжаем, меня угнетает. Они связывают вместе районы, высокие и гордые твердокаменные здания со шпилями и колокольнями.

Наконец, силуэт Аккадиан Тауэрс вырисовывается перед нами.

— Почти на месте, — говорит Элиот.

Я хочу быть дома. У кареты Эйприл хотя бы были стражи.

— Когда представится возможность, осмотрись еще разок в лаборатории отца. Ищи, если получится, письма от моего дядюшки. И он, и мятежники захотят использовать твоего отца. Мы должны знать, что они придумают, и решить, как помочь ему.

Я видела, как Элиот смотрел на моего отца, и не уверена, что он хочет ему помочь. Элиот готов пожертвовать чем угодно ради своего плана, я начинаю это понимать. И он думает, что я такая же.

— Я посмотрю, — говорю я, но в действительности только нарушаю тишину.

Мои родители всегда предупреждали меня об опасностях города. Мне приходит в голову, что хотя я видела бесчисленные всполохи из окна, единственным человеком, который действительно что-то взрывал при мне, был Элиот.

Швейцар поклонился и проводил нас в богато украшенное фойе Башен Аккадиан, в то время как мое внимание привлекло движение в дверном проеме через дорогу. Инстинктивно я подошла ближе к отцу. Но было что-то знакомое в этих движениях. Это Уилл. Мое сердце пропустило несколько ударов.

Я не знала, как отделаться от отца и охраны. Но уже почти темно, поэтому Уиллу нужно будет идти в Клуб Распущенности, и у меня нет времени подняться наверх и спуститься обратно.

Прежде чем я смогла обдумать план, мы завернули за угол здания. Охранники сидели на их оббитых стульях. Один из них тасовал колоду карт.

Я коснулась папиной руки.

— Я ненадолго останусь в вестибюле, — сказала я.

Отец был слишком подавлен, чтобы спорить.

Все его внимание занимало ненавистное нападение, сопровождаемое выстрелами, которое мы не должны были слышать.

Кажется, на меня никто не смотрел, поэтому я шагнула на улицу, сама открывая дверь, чтобы у швейцара не было шанса задавать мне вопросы. Я поколебалась перед зданием, когда мимо проехали два паровых экипажа. Странно видеть больше, чем одну за час, но в это время дня люди искали развлечений.

Уилл встретил меня на полпути через дорогу. Он потянулся ко мне, но затем опустил руки и жестом показал мне вернуться к алькову, где он прятался от дождя. Это был вход в магазин, который закрыли годы тому назад. Дверь заколотили досками, а витринные окна были покрыты лишь слоем пыли и разлагающимися останками насекомых. В дальнем углу алькова лежали обрывки ткани. Я тронула их ногой. Это маленькая тканевая кепочка. Кто бы ни был ее владельцем, он, вероятно, уснул здесь, укрываясь от ветра и дождя. А я входила и выходила в задекорированную дверь на улице напротив, никогда не осознавая, что ребенок жил в пустом дверном проеме этого заброшенного здания.

— Что ты здесь делал? — спрашиваю я у него.

— Ждал. Тебя, — я ощущаю вспышку полного счастья. А затем закрадываются сомнения.

— Ждал?

— Прошлой ночью, после твоего ухода, я не мог перестать думать о тебе. Я волновался.

Дождь превратился в тонкий туман. Влажные бусины усеивали его оголенные руки, а его темные волосы прилипли к лицу и шее. Через дорогу наш швейцар быстро осмотрелся вокруг, шагая туда и обратно. Он обернулся, с кем-то разговаривая. С охранником?

— Давай прогуляемся, — предложила я.

— Хорошая идея, — сказал он, даже несмотря на то, что он долго шел по пути сюда. Даже не смотря на то, что это опасно и ему скоро нужно будет тащиться обратно в город на работу.

— Ты в порядке? — наконец спросил он. — Ничего не случилось прошлой ночью?

Я думала о пугающей поездке домой, о веревках, протянутых на нашем пути. О разломанных крокодильих черепах. — Я в порядке.

— Этот клуб не безопасен для тебя. Больше не безопасен, — сказал он. Прочистил горло. — Мужчины на верхнем этаже редко спускаются вниз, но прошлой ночью они были заинтересованы тобой. Девушка с фиолетовыми волосами. Обыскали все частные комнаты Элиота.

Когда Элиот покидал клуб, у него в руках была книга, но кто мог знать, что еще они могли найти?

— Эти мужчины были убийцами, пока смерть не стала повседневным случаем, — сказал он.

Я вспомнила глаза пожилого мужчины. Уиллу не нужно было убеждать меня, что он опасен.

Он посмотрел на меня быстрым взглядом, который я не смогла разобрать. — Выглядело так, будто они ожидали найти тебя в спальне Элиота.

— Как хорошо ты его знаешь? — спросила я. — Элиота.

Мы дошли до конца городского района и развернулись, чтобы идти вниз по аллее, которая пробегала как раз за Башнями Аккадиан.

— Не очень хорошо. И у меня нет ни малейшего желания узнать его больше.

Я начала задавать ему вопросы, но отвлеклась на что-то частично скрытое за стопкой деревянных корзин. Ботиночек. Когда я присмотрелась, смогла увидеть и тоненькую лодыжку.

Детская ножка в добротном ботиночке.

Снова начало моросить. Никто не будет лежать в грязи под дождем... Мальчик мертв. Он умер на аллее такой узкой, что коллекционеры трупов не смогли забрать его. Мы в тени Второго здания Башен Аккадиан, незаконченного, по словам людей проклятого строения.

Уилл издал звук, похожий на нечто среднее между ужасом и не удивлением. На мертвом мальчике была маска. Может, он беглец. А может, украл ее. Уилл уставился на маску мальчика. Изначально белая, непривычно чистая для детской маски.

— Не могу поверить, — начал он, и я уже знала, что он собирается сказать.

— Я знаю это лучше остальных. Ты не можешь оставить ее. — Я схватила его за вторую руку и встала лицом к нему, несмотря на то, что не могла смотреть ему в глаза. — Предполагалось, что мой брат будет носить самую первую маску. Он был хилым, и отец очень за него переживал. Мы жили под землей почти два года, стараясь оградить его от воздуха с поверхности.

Я никогда никому не рассказывала эту историю. Было сложно найти слова.

— Я схватила маску у отца и надела на лицо. Я смеялась. Мы смеялись над странными вещами, потому что нас мало что могло развлечь. Я подышала через маску Финна. Я не знала.

Я отпустила руки Уилла.

— Маска подстроилась под меня так, как и должна была, и не работала на Финне.

— Что произошло?

— Он умер. Когда отец пытался изменить, как он решил, сбой в маске, принц запретил ему. Он был доволен тем, что бедняки не смогут красть маски с лиц богатых людей.

Уилл посмотрел на мертвого мальчика. — Это не твоя вина, — сказал он. — Ты не можешь думать, что твоя. — Когда я ничего не сказала, он взял меня за руку. — Я прошел всю дорогу сюда не для того, чтобы стоять под дождем и мерзнуть.

Он думал, я собираюсь рассыпаться на куски. Но я не собиралась.

— Аравия? — он начал снова.

— Ты брал детей раньше вниз? — спросила я, отчаянно желая сменить тему.

— Я никогда не ходил домой.

— Никогда?

— Я поднялся сюда этим утром. И ждал тебя. Я надеялся, что ты, в конечном счете, выйдешь наружу. Я не осознавал, как редко люди ходят в эту часть города.

— Ты прождал весь день?

— Вынужден был. Ты не выходила из дома, а когда, наконец, вышла, с тобой была охрана. Послушай меня. Если ты вернешься в клуб, боюсь, ты исчезнешь, и я ничем не смогу тебе помочь. Элиот не должен больше возвращаться. Но я переживал не из-за него.

— Это то, что случилось с Эйприл?

— Нет. Я так не думаю. Я видел, как она уходила. Она, должно быть, исчезла из своего экипажа за пределами клуба.

Я не могу позволить себе заглянуть в его глаза.

— Кто присматривает за детьми?

— Друг. И спасибо за то, что присылаешь еду.

Мне так много нужно было ему сказать, но уже почти стемнело. Я знала, что ему пора уходить. Поэтому не сказала ни слова. Только он нарушил тишину.

— И спасибо, что рассказала о своем брате.

В том, как он прижал меня ближе, не было ни флирта, ни намека на что-то помимо комфорта. Но мое сердце забилося быстрее.

— Мне жаль, что ты потеряла его. И что ты решила наказать себя за это.

Это была моя вина. Но тут было нечего обсуждать. Мы уже почти в конце аллеи и я знаю, что он вынужден, будет оставить меня уже через несколько шагов.

— Будь очень осторожна, — сказал он. — Если не будешь, у меня не будет шанса убедить тебя, что ты ошибаешься.

Мы вернулись к фасаду Башен Аккадиан, и, когда моя рука снова невольно тянется к нему, он этого снова не замечает. Он уходит прочь, сторбив спину под ветром и дождем.

Все изменилось. Эйприл пропала, в клуб посторонним вход запрещен. Я не хочу входить внутрь, но двое папиных охранников проталкиваются в дверь. Швейцар выглядит нервничающим.

Я улыбнулась им всем и помчалась в здание. Моя бравада пронесла меня на четыре пролета вверх, но с все еще сломанным лифтом это будет долгое восхождение в наступающей темноте. Остановившись, чтобы перевести дыхание, мне показалось, что я слышу шаги за спиной.

Наша прихожая пуста. Курьер ушел домой на ночь, но мама и отец, возвышающийся за ее спиной, ждут меня.

— Письмо было доставлено тебе, — сказала она, как только я вошла внутрь. Она вручила мне конверт с красной восковой печатью в форме глаза.

Я несколько мгновений держала конверт, не желая открывать его при маме, но она стояла, ожидая.

Я сломала печать ногтями и быстро прочитала.

«Прекрасно провел время с тобой прошлой ночью. Нас пригласили посетить замок Принца Просперо. Я заеду за тобой завтра до полудня.

Э.»

Первой мыслью было то, что он что-то узнал об Эйприл, но, уставившись в записку, поняла, что приглашение выглядело странно. Поднеся его к свету, я увидела, что он начинал писать что-то еще. Вызов? Это на самом деле не приглашение. Я свернула и снова развернула бумагу.

Мама пересаживала розы в инкрустированную драгоценными камнями вазу, делая вид, что не наблюдает за мной.

— Что мне надеть на встречу с Принцем? — спросила я.

Ваза разбилась о плиточный пол.

— Не ходи, — сказал отец. — Это опасно, Аравия.

— Так же, как и дышать.

— Это не одно и то же. Аравия...

Он дважды произнес мое имя, не сделав и двух вдохов. Я почти могла согласиться с тем, что произнося так мое имя, он переживает.

Распахнулась наша входная дверь. Два солдата из ливреи принца переступили через порог.

— Мы хотели убедиться, что Мистер Уорт в безопасности, — сказал нам один из них. — Принц сказал нам, что мы должны периодически проверять здание изнутри. — У них обоих было оружие. В нашем доме. Я осмотрела их униформу на предмет эмблемы с изображением открытого глаза, что значило бы, что они действительно работают на Элиота. Ничего.

Мать без чувств упала на диван, а отец последовал за ней. — Я оценю, если в следующий раз постучите, — сказал он. — Моя жена очень нервная.

Солдаты переминались с ноги на ногу. Они были смущены, но не так вежливы, как папина постоянная охрана.

Я привела их сюда. Из-за моей связи с Элиотом, или по какой-то другой причине. В любом случае, это моя вина.

Мама и папа сидят рядом друг с другом и завтракают.

Безмятежным светлым утром кажется невозможным, что мы с Элиотом рисковали собственными жизнями, потому что я должна была находиться здесь, с моими родителями, едва признающими меня.

Розы уже завяли. Мама грызет какой-то хлеб. Она очень мало ест, часто оплакивает разные овощи, которые недолгое время выращивали здесь, или импортные фрукты. Она говорит, что я ничего не понимаю в этом, потому что никогда не приветствовала деликатесные соусы или крошечные грибы, о которых она просто бредила. Когда отец оставался в лаборатории, чтобы подытожить прошедшие дни, Финн и я готовили себе «еду». Финн придумал игру: мы смешивали самые разные продукты, и смело поглощали их. В результате таких ужинов, я все время болела.

Мама жалуется, что это не лучший хлеб. Я беру большой кусок, даже не задумываясь о том, что он сухой. Я ем, чтобы не умереть, потому что если я скончаюсь здесь, в этой квартире, мама будет одной из первых, кто найдет мое тело. Дело даже не в том, насколько сильно мы разочаровываемся друг в друге, а в том, что я просто не хочу расстраивать ее.

Я вздохнула, и оба родителя повернулись, чтобы посмотреть на меня, но все же не спросили, что случилось. Возможно, они боятся моего ответа. Возможно, мой ответ их не волнует.

— Я хочу пойти на какую-нибудь благотворительную работу, — говорит мама.

— Не забывай, что бедные могут сжечь то место, где ты будешь работать. Один человек не сможет спасти мир. Не тогда, когда его не хотят сохранить, — разрушил все иллюзии папа.

Это было необычным разговором. Конечно, в молодости они расходились в интересах, но что будет с этими двумя сейчас.

— Пойду, спущусь вниз и узнаю об обстановке в городе, — сказал папа. — Это безопасно, Аравия, может быть, ты захочешь прогуляться со мной?

Я киваю. Не могу перестать думать о том, что же я натворила. Даже малейший неправильный жест может навлечь на мою семью опасность. Легко стараться не беспокоиться в накал страстей, когда Элиот выглядит таким уверенным. Но теперь, вдали от него, ломая оковы принца, обстановка в городе кажется невыносимой.

Мама исчезла в одной из ее причудливых гостиных. В вазах цветы тоже увяли. Когда папа вернулся, я была рада провести с ним немного времени, несмотря на чувство вины. Прогуливаясь, мы шли к его охране через всевозможные помещения и улицу.

— Твоей маме нужны цветы, — сказал он. — И она невзлюбила розы, которые принес твой друг.

Он имеет в виду, что не понравился ей Элиот, а покупка цветов дает нам повод покинуть пентхаус. Покинуть здание. За нами присматривает охрана. Возможно, они считают это странным, то, как часто мы приходим и уходим. Большинство людей остается внутри, особенно если они достаточно богаты, чтобы жить здесь, на третьей авеню.

Это короткая прогулка до рынка.

Папа поднял воротник моего пальто.

— Ты должна носить шарф.

Он посмотрел вниз, смущенный своим отцовским комментарием.

— Если там есть цветы, мы сможем взять их домой, для твоей мамы. Если их нет, то мы пойдем на пристань.

Нищие толпятся у местного рынка и их намного больше, чем покупателей, и ни у одного продавца нет цветов. Мне кажется, мы слишком легкомысленны в такой пасмурный день. Я все удивлялась, где же Элиот нашел такие красивые розы в нашем городе, где красота не очень-то ценится.

Взамен цветов папа купил два бушеля яблок, и мы тащили их за забор, которые поставили для того, чтобы не пропускать нищих. Он отполировал яблоко краем рубашки и отдал его маленькой девочке. Другие дети выстроились в ряд, их глаза полны надежды. Голодные и грязные дети — секрет главы города. Если кто-то из нищих и пытался выбраться из города, то потом им было не позволено вернуться обратно, мимо контрольно-пропускных пунктов не пропускали. Люди никого из бедных здесь не ожидали.

Многие дети обмотали тканью лицо, чтобы сделать себе маску. Эти временные маски давали только ощущение защищенности, но идея дышать через холщевую ткань заставляла меня ужаснуться.

Самый старший мальчик протолкнулся вперед. Отец наклонился вперед и стал говорить с ним. Мальчик пытается выхватить яблоко из корзины. Один из охранников отца напрягся и положил руку на мушку, но отец только улыбается и указывает головой в конец очереди. Мальчик смотрит на стремительно уменьшающиеся фрукты и выстраивающихся позади ребят, некоторым из которых не более пяти лет.

— Аравия, — позвал папа, — купи еще яблок.

Я покупаю все яблоки и тащу их к отцу. К тому времени, когда мальчик, который протолкнулся вперед, опять становится первым в очереди, за ним выстроилось еще много детей. Отец вручает ему яблоко и монетку, и мальчишка уходит, светясь от счастья.

Я отвожу взгляд от отцовского милосердия, отвлеченная маленькой девочкой. Она два раза кусает свое яблоко, а потом осторожно кладет его в карман. Трудно представить, что она хочет сохранить яблоко для другого, хотя еще тяжелее представить, что она сохранила яблоко для кого-то более голодного, чем эта малышка. Я хотела дать ей второе яблоко, чтобы она смогла доесть первое, а другое забрала домой. Я смотрела на нее, но там было так много детей. Я потеряла ее из вида.

Когда охранники увидели, что папа отдал последний фрукт, они окружили нас и поспешили увести прочь от протянутых рук. Отец мельком взглянул на яблоко в моих руках и поднял одну бровь, но ничего не сказал. Бок о бок мы шли вниз к гавани.

Мы проходили мимо многочисленных красных кос, развешанных на дверях зданий. И затем одна черная коса. Умно вывесить символ восстания так близко к символу болезни. Если вы его не ищите, то и не заметите различие.

Вода в гавани пахнет солью, рыбой и смертью. Новенький пароход «Открытие» такой блестящий и чистый среди отходов нефти. Я рассматриваю судно: медное оборудование, большое колесо, которое будет крутить капитан; я верчу холодное яблоко, перекидывая его из одной руки в другую.

Папа пристально смотрит на волны.

— Случилась кое-что неожиданное, — говорю я.

Я борюсь со словами. Трудно держать все в себе. Эйприл ушла. Мама — не вариант.

Элиот просто посмеялся бы. И, конечно же, я не могу поговорить с Уиллом. Остается только папа.

— Твоя мама сказала, что ты влюбилась.

От такого сюрприза я потеряла дар речи.

Влюбиться — самое большое предательство моей клятвы Финну.

— Скажи мне. — Это был приказ, но его голос оставался мягким. Так же он говорил, когда мы были детьми.

После борьбы с Финном я закрылась в своей комнате. Мама думает, что лучше всего игнорировать меня, но папа приходит и сидит со мной, иногда по часу, а иногда и по несколько. В итоге, когда я потерпела неудачу и заплакала, он просто сказал, — Скажи мне. — Естественно, я хочу. И он хочет слушать, и лучше всех поймет.

— Я не влюбилась, — мягко сказала я, — но есть кое-кто, кто делает меня счастливой.

Меня пугает говорить о чем-то необъяснимом, что не покидает мой мозг.

Элиот делает важное дело, и я хочу помочь ему. Но на каждом шагу мои мысли возвращаются к Уиллу. Я позволяю себе чувствовать. И это заставляет меня ужаснуться.

Я не могу рассказать отцу обо всех моих желаниях. Я напоминаю себе, что Финн вообще не встретил никого, кто мог бы сделать его счастливым. Чувство вины сдерживает меня, но я пытаюсь найти в себе смелость, чтобы говорить.

— Он воспитывает двух своих младших братьев, — говорю я, — один из них нуждается в маске. Самый младший.

— Один ребенок без маски. Это опасно, — его голос мягок. Я получила маску. Финн умер. Ничего не забывается.

Прямо сейчас я хочу сказать отцу, чтобы он обвинил меня. Если он думает, что я была права, давая клятву, что будем счастливы и я, и Уилл. Но что я должна делать, если он согласен со мной? Как я могу дальше жить с этим чувством вины. И если бы он не согласился со мной, как я смогла бы довериться ему снова?

— Я рад, что ты не думаешь, будто влюбилась в принца-племянника, — сказал он и затих, ожидая пока охранники проверят пристань и махнут рукой. Еще я рада, что не влюбилась в Элиота. Это была бы... катастрофа.

Какая-то часть меня верила, что папа готовится сказать что-то значительное и глубокое, но когда он прервал молчание, все что он сказал:

— Я всегда хотел домик у воды. Море завораживает меня.

Он сменил тему. Я могла попробовать на вкус свое разочарование, но все, что я ощущала — солоноватый привкус морского тумана.

— Как ты думаешь, в этом городе когда-нибудь настанет мир? — мой голос был нормальным. Разговорным.

— Я думаю, что мы способны изучить наши ошибки. Но сейчас я в этом не уверен. Есть вещи, которые могут держать нас всех вместе, и мы найдем таких людей.

Жестом он показал в сторону новенького судна.

— Ты думаешь... — мой голос понизился до шепота. — Ты думаешь, здесь есть такие люди? Во всех городах, которые беспокоятся за свое выживание? — Просто он один из всех ученых, кто сохранил хоть каплю человечности.

— Это кажется невозможным, как если бы микроб мог достигать своей цели сам. Но факт остается фактом: мы можем взять этого микроба и направить в нужное нам место.

— Мы можем дать людям маски. Фабрики разрушены, но мы знаем, как построить их

заново.

— Мы сами не сможем полностью обеспечить всех свободных людей. Почему же тогда наш доброжелательный принц ничего не дает народу?

Папины охранники тоже не были согласны с его обнадеживающими словами.

Я отвожу взгляд и вижу ребенка, сидящего на краю пристани, свесившего с нее ноги и смотрящего на корабль. Он цвета гниющей пристани, весь коричневый, как неприметная тень. Я делаю два шага к нему и держу в вытянутой руке яблоко.

В этот момент мальчик пристально на меня смотрит. В отличие от других детей у рынка, он не бежит ко мне и окружающим нас охранникам за едой. Он не хватается нас своими руками, но после длительного наблюдения за мной переводит взгляд на яблоко, мальчик хватается его и опять усаживается на пристани, прижимая к себе еду, как большую награду.

Глухой стук бегущих ног пугает нас и, повернувшись, мы видим мужчину в коричневой одежде, он спотыкается о пирс. Когда он видит наши внимательные взгляды, начинает кричать.

— Наука убивает нас!

Он скидывает одежду, показывая нам яркие пурпурные шишки и кровоточащие раны. Он поднимает руки. Черная коса вытатуирована на его ладони.

Я хватаю отцовскую ладонь, в то время как несколько охранников встают перед нами. Другие отходят в оборону. Они не хотят прикасаться к нему.

Я пристально смотрю на него. Поразительно. Его оставшаяся одежда недостаточно скрывает степень его болезни. Он уже должен быть мертв.

Его лицо искажено ненавистью, он без маски. Охранники направляют пистолеты ему в лицо. Они не рискуют напрямую касаться его. Я поправляю свою маску, чтобы быть уверенной, что не дышу исходящей от этого мужчины болезнью, и вижу, как один из охранников делает то же самое. Он толкает мужчину, заставляя отойти от нас. Тот, сверкнув взглядом, дернулся в нашу сторону, но только прошептал:

— Наука потерпела неудачу, — его голос печален и мягок, мы едва слышим его. Охранники снова толкают его.

— Он не ранен, — говорит папа.

— Конечно, нет, доктор Ворс.

Папа и я притворяемся, что не слышим выстрела позади здания.

— Дождь пойдет, — сказал охранник, стоящий рядом с нами.

Океан отображает пасмурное небо.

Мы бредем к Аккадским Башням.

— Он был болен, — говорю я низким голосом.

— Да, — отвечает папа. — Некоторые из них держатся дольше, чем обычно.

Я содрогнулась.

Охранник был прав. Начался дождь. Я думала, что папа тайно с кем-то встречается в книжном. Я могла бы спросить отца, ставят ли нас под угрозу его действия, но тогда он может спросить меня о том же. Был только один звук, сопровождающий нас на всем пути до Аккадских Башен — капли дождя, барабанившие по тротуару.

Пока вечер перетекает в ночь, мы разговариваем меньше чем обычно, зная, что стражи слушают прямо за дверью. Отец приходит в мою спальню и сам смешивает мне снотворное.

— Аравия.

Я держу в руках письмо Элиота.

— Это не приглашение.

— Нет. Но я и раньше обходил его приказы. Есть способы...

Самое время спросить у него, что происходит.

— Кто были те мужчины в книжном магазине? — спрашиваю я.

Он искренне удивляется.

— Юные ученые, о которых принц ничего не знает, — говорит он. — Они нуждаются в руководстве.

Я думаю о чертеже с загадочной подписью в его столе. «Скажите мальчику, что это никогда не полетит». Он ненавидит то, что принц контролирует науку. Это единственное, что связывает его с теми мужчинами?

Он заканчивает смешивание лекарства и наклоняется вперед, чтобы заключить меня в неуклюжие объятия. Я слишком удивлена этим жестом, чтобы спросить о чем-то еще.

Утром наш курьер опаздывает на пару минут. Я замечаю это, потому что мама делает ему замечание.

— Твой отец ушел вниз, чтобы поговорить со стражами о новых солдатах. Он очень волнуется, — она ждет, но я никак не комментирую ее высказывание. — Твой отец, — говорит она осторожно. — Говорит, что, возможно, мне стоит гулять с вами обоими...

Я давлось сухим хлебом. Она редко покидает апартаменты и никогда не выходит из здания.

— Я бы пошла, если бы ты была с нами, Аравия, — я вздыхаю, но не отвечаю. Ненавижу, когда она игнорирует вещи, которые ее расстраивают. Я должна поехать в замок принца. Даже если бы я могла так или иначе спрятаться за отца, есть еще шанс, что во мне нуждается Эйприл. Мама идет к фортепиано и начинает играть гаммы. Отец вышел, и мне предоставляется последний шанс пробраться в его лабораторию, пока он отсутствует. Элиот хочет, чтобы я нашла доказательства связи Малконента с моим отцом. Я проскальзываю в заднюю дверь, уделяя большое внимание ее положению. Не полностью прикрыта, не полностью открыта. Лаборатория выглядит так же, как и в последний мой визит. Прилавки загромождены разноцветными жидкостями, стол пуст. В прошлый раз я остановилась на ящике с чертежами. В этот раз я достигаю последнего. Он пуст. Но когда я толкаю его, чтобы закрыть, тот застревает. Я тяну сильнее, вынимая его из стола полностью, и опускаю руку в нишу. Мои пальцы дотрагиваются до маленькой книги в кожаном переплете, такой тонкой, что почти не ощущается в руке. Журнал падает, открывается на странице, где говорится «Это все моя вина». У меня перехватывает дыхание, и я прижимаю журнал к сердцу. Я в точности знаю, что он чувствует. В этот момент я ближе к отцу, чем была когда-либо.

Но я не могу остановиться. Размещая дневник на полу, я открываю второй ящик, наполненный квитанциями и документами. Если там есть сообщения, я их найду. Я стою на

коленях, шелестя бумагами, когда возвращается отец. Он входит в лабораторию беззвучно, кладет бумаги на стол, прежде чем поднимает взгляд и видит меня. Я слежу за эмоциями, блуждающими по его лицу. Шок. Злость. Чувство предательства. И что-то, что я не могу разобрать. Чувство вины?

— Аравия? — его голос почти нормальный. Но он знает, что я искала не его. Он не говорит ничего кроме этого достаточно долго. Возможно, не может.

— Твой друг скоро будет здесь. Я видел его в лобби.

Мой друг? Я понимаю, что уже почти полдень, и Элиот идет, чтобы забрать меня во дворец принца.

— Отец, — он не встречается со мной глазами.

Время останавливается на несколько секунд, пока отец собирает разбросанные вещи, не глядя на них, и укладывает их обратно.

Элиот стучит то ли заносчиво, то ли сердито, а может и все вместе. Отец поворачивается ко мне спиной, и я, наконец, встаю, задвигая открытый мной ящик. Дневник лежит на полу. Я могла бы отдать его отцу. Но вместо этого я подбираю его и прячу темную кожаную книжицу в складках своей темной юбки.

Элиот входит в апартаменты без цветов. Когда я выхожу в фойе из отцовской лаборатории, он играет с серебряной ручкой своей трости.

— Мне нужно переодеться, — говорю я, сбегая в свою комнату.

Мать следует за мной. Она ждет, что я заговорю, но когда я просматриваю наряды в своем шкафу, неприязненно глядит на мое разорванное платье.

Я выбираю красный корсет.

— Это не годится, — говорит мама. — Принц ненавидит красный. Позволь мне что-нибудь тебе одолжить, — она торопится в ее комнату и возвращается с темно-фиолетовым платьем. — Оно будет незабываемо.

Я не хочу его брать, но не уверена, что хоть что-то из моего гардероба подходит случаю.

— Принц ненавидит хвастливость новой моды, — говорит она. Мама теребит мои волосы, убирая их с лица умелыми, живыми пальцами. Когда они оказываются, скреплены жемчужной заколкой, фиолетовые пряди почти не видны.

— Ты можешь сделать это для твоего отца, — мягко говорит она. — Когда вернешься. Аравия, — продолжает она, — я всегда хотела тебе сказать... — она кладет руки на мои плечи и разворачивает к себе. Взгляд на ее лице прямой, сильный. Но там нет признания, которого я от нее хочу. Не сегодня.

Дергаюсь назад. Она так нервничает, что этот жест останавливает готовое сорваться с губ признание. Я быстро пакую сумку и кладу в нее украденный дневник отца.

Элиот и отец стоят вместе в некомфортной тишине. Тяжелые шаги, приближающиеся и снова удаляющиеся, напоминают всем присутствующим, что в фойе полно стражи. Элиот постукивает тростью по плиточному полу, кажется, наслаждаясь издаваемым звуком.

Мама входит в дверь позади меня, звук ее длинного платья, волочащегося по полу, напоминает мне времена до чумы, мир шелестящих юбок. Мир без масок.

— Будьте осторожны, — говорит отец. Элиот встречается с отцом глазами, и тень понимания пробегает между ними. Меня ранит, что отец смотрит на Элиота, а не на меня.

Моя книга стихов лежит на столе, забытая. Я поднимаю ее, записка Элиота с просьбой встретиться с ним в саду, падает на пол.

Мама пытается ее поднять, но Элиот шагает вперед. Его нога наступает на листок, когда

он встает перед моей матерью, доставая маленькую коробочку из кармана.

Он открывает ее и показывает маме.

— Как вы думаете, ей понравится? — спрашивал он.

— Нет.

Она понимает, как ужасно это звучит и прикрывает рот ладонью.

— Просто Аравию не заботят такие вещи как бриллианты, — говорит мама. — Другой девушке бы понравилось.

Элиот коротко смеется. Его неуместный смех — мое любимое качество в нем. Он приседает и поднимает кусочек бумаги.

— Возможно, нас попросят остаться на ночь, — говорит Элиот матери. — Не волнуйтесь. Она будет в безопасности.

Глаза родителей устремляются к моему лицу, словно запоминая меня. Интересно, как часто они проделывали то же самое с Финном? На секунду мне кажется, что я смогу их оставить. Я хочу бежать к отцу и молить о прощении, стереть выражение страха с лица матери. Но если я это сделаю, я окажусь здесь в ловушке, не будет способа помочь Эйприл, не будет способа помочь вообще никому.

Мы идем к двери, где стоят недружелюбные стражи. Не думаю, что они блокируют дверь намеренно. Один из них смотрит на меня, а я дергаюсь, чтобы поправить юбку, прежде чем вспоминаю, что одета в мамино степенное фиолетовое платье. И хотя мы уже добираемся до холла, я все еще чувствую их тяжелые взгляды.

Три стула стоят в холле, а раньше был один. Могут ли солдаты принца сидеть, пока они шпионят за нами?

— Еще члены личной гвардии принца, — поясняет Элиот.

— Что это значит?

— Это значит, что принц крайне обеспокоен безопасностью твоего отца.

Элиот передает мне сложенный листок бумаги.

— Тебе стоит быть более осторожной.

— Я буду стараться, — говорю я. — Сложно быть такой же хитрой, как ты.

— Ты мне льстишь, — говорит он, улыбаясь. Он смотрит в точности на меня впервые за сегодня. — Ты очень элегантна, — говорит он, снимая невидимую пушинку со своего рукава.

— Спасибо, — я не представляю, как принимать его комплименты, даже не уверена искренние ли они.

Мы спускаемся вниз по лестнице вместе, иногда рядом, иногда он на несколько шагов впереди. Наконец, мы оказываемся в лобби.

— Я никогда не была во дворце принца, — произношу я, разглядывая привычных стражей, бездельничающих в лобби. Они видят, что отца со мной нет, кивают Элиоту и возвращаются к игре в кости на низеньком столе.

— Должна бы быть благодарна, — мрачно говорит Элиот. — Это доказательство, как сильно отец тебя любит.

И все же он поднимает меня в свою паровую карету, увозя туда. Отец меня любит. А Элиот нет. И я предала отца по требованию Элиота. Я закрываю глаза, пока город проносится мимо.

Только мы выезжаем из города, я открываю глаза и внимательно смотрю. Прошли годы с тех пор, как я в последний раз покидала родной город. Воздух здесь кажется другим, но как бы я ни хотела снять маску, это все равно небезопасно. Лесные существа тоже переносят

заразу.

Когда Финн был жив, отец нанимал лошадь с повозкой и возил нас за город на пикники. Меня приводила в восторг мысль, что жизнь никогда не изменится. Мы ездили по три часа и более, но я все рассматривала пейзажи, мимо которых мы проезжали.

Стройные вечнозеленые деревья выстроились в ряд у дороги, когда я гуляла среди них, прикасалась к зеленым иглам.

Словно прочитав мои мысли, Элиот останавливает паровую карету. На нем надеты вроде бы защитные очки, но мне не нравится, как они действуют вместе с маской, скрывая все его лицо.

Мы находимся на хребте с видом на крепость дядюшки Элиота. Ниже нас огромный замок, укомплектованный башенками и подъемным мостом.

Может быть, это действие водительских очков, но его глаза далекие и печальные.

— Элиот, — его утешение позволяет мне забыть собственные страдания.

— Ненавижу это место. По дороге я всегда здесь останавливаюсь, — он указывает на распростертый пейзаж. — Чтобы напомнить себе о том, что мы не так уж далеко от города. Даже пешком дороги не больше, чем на полдня, и есть пути сбежать из замка. Видишь эти пещеры? — он указывает на темные места утеса, которые, если долго присматриваться, могут действительно быть прорезями пещер.

— Проходы замка ведут к этим пещерам, — говорит он.

— В этом городе вообще есть строения, не имеющие подземных туннелей? — я подавляю смех, потому что это слишком глупо — все эти проходы, я никогда их не видела и на самом деле не верю в их существование. Но Элиот даже не улыбается.

— Согласно книге, которую ты так ловко стянула, все проходы в городе соединяются. Если бы я знал, я бы сбежал в город, вместо того, чтобы оставаться здесь на годы в качестве заключенного нашего Просперо.

Я смотрю на впечатляющий пейзаж.

— Так очевидно, что ты ненавидел здесь жить. Обнадеживает знать, что мы отсюда уйдем.

— Я не собирался тебя обнадеживать. Ты должна бояться, Аравия. Ты достаточно беспокоишься за Эйприл, чтобы войти внутрь?

Даже отсюда, в тоскливом свете полудня я могу видеть, что каждое одиночное окно в замке заколочено. Мы можем развернуться, можем вернуться в Башни Аккадиан прежде, чем сядет солнце.

Но там внутри Эйприл, и она бы за мной пошла. Я в этом уверена. И, несмотря на это нам все равно приказали явиться. Элиот, должно быть, знает, о чем я думаю.

— Кто бы пришел за мной, если бы я оказался заперт? — спрашивает он.

Я не могу ответить, я не знаю.

Элиот тянется к карману и достает оттуда крошечную коробочку, которую показывал моей матери.

— Ты это наденешь? — спрашивает он. Он бросает коробочку мне. Когда я ее открываю, солнечные блики играют на гранях огромного бриллианта.

— Нет.

— Это не будет ничего значить, — сказал он быстро. — Только для дядюшки, — его волосы упали на очки, и он выглядел практически юным и задумчивым. Я взяла кольцо.

— Иногда мне нелегко не доверять тебе, — признаю я.

— Не верь мне. — Кольцо на пальце крутится и вертится. Бриллиант острый и очень холодный.

Мы едем вниз по узкому склону и проезжаем через окаменевшую охрану башни. Элиот замедляется, и охрана кланяется и машет ему по пути. Дальше железные ворота. Высокий забор простирается так далеко, как я могу видеть. Ворота с лязгом закрываются за нами.

— Итак, мы внутри. Теперь, я надеюсь, мы отсюда выберемся, — он кладет свою руку на мою. — Не верь мне, — снова говорит он. — Это заставило бы меня чувствовать себя еще хуже, если бы тебя убили.

Теперь в меня просочился страх. Я не хочу умереть здесь.

Мы резко поворачиваем, и над нами вырисовывается замок. Я не могла подготовиться к его необъятности. Словно огромная неповоротливая жаба, присевшая на островке, угрожающе холодная и изящно серая.

— Мой дядя специально проложил дорогу таким образом, чтобы поворот был именно в этом месте — просто для того, чтобы получить такую реакцию от людей.

— Какую реакцию?

— Такую же, как у тебя. Благоговение? Страх?

С этого угла я смогла увидеть, что это не просто средневековый замок, это и собор, и аббатство, все переплетено вместе во что-то великолепно-угрожающее.

— Омерзение, не так ли? — Элиот направляет паровую карету в заключительный арочный проход и останавливается. — Будь осторожна. Не говори моему дядюшке ничего о твоих родителях, не давай ему понять, что мы сходим с ума от любви.

— Мы не безумно влюбленные?

— Ты меня презираешь. Но я, увы, увлечен тобой.

— А ты лжец лучше, чем я думала, — беспечно говорю я.

— Я непревзойденный лжец. — Он выпрыгнул из кареты, обошел вокруг и помог мне. Прижав меня ближе, он сказал:

— И тебе тоже необходимо быть такой.

Во внутреннем дворике, несмотря на влажность, было солнечно. Но когда мы вошли внутрь, стало холодно и темно. Резкий перепад температуры был шокирующим. Лестничная площадка и примыкающие комнаты были абсолютно пустые, и мне показалось, что любое мое движение вызовет эхо по всему замку.

Служащие в фиолетово-голубых ливреях выскочили из тени и последовали за нами. Элиот не обращал на них внимания, остановившись, лишь, когда мы достигли огромной открытой двери. Геральд поспешил обойти Элиота и войти в комнату. — Ваш племянник! — объявил он громким официальным голосом. — Ваш племянник и его друг женского пола.

Комната огромная, но тоже полна людей.

Мы ступаем в тронный зал. Элиот кланяется.

— Здравствуй, дядя. Я привел мою невесту, мисс Аравию Уорт, познакомиться с тобой. Как ты хотел.

Его невеста. Я чувствую, как лицо становится розовым. Бриллиантовое кольцо врезается в мой палец.

Принц поворачивается, и вес его внимания заставляет меня захотеть спрятаться за Элиотом.

Он выглядел так, будто позировал для портрета, стоя сбоку его трона и положив руку на вырезанную на нем голову дракона. Он выше, чем я ожидала, лысеющий и с резким взглядом

темных глаз.

— Для тебя хорошо, что ты пришла, — сказал он так, будто у нас был выбор.

Он не был большим или внушительным, но как только он заговорил, я ощутила холод.

— Я знаю, как сильно ты занят, — говорит Элиот.

— Для семьи слишком занятым я не бываю, не так ли?

Мышцы выступают на челюсти Элиота. Этот человек убил его отца. Принц смотрит мимо него на меня.

— Однажды твой отец сделал мне великое одолжение, — говорит он.

Я не хотела позволять ему видеть мой гнев. Мой отец сослужил хорошую службу человечеству не для власти или денег, и уж тем более не для того, чтобы стать принцем.

— Мы очень гордимся его достижениями, — говорю я.

Принц задумчиво потирает подбородок.

— Вы и должны. И с тех пор, как ты тут, у меня есть просьба для тебя. Я надеюсь, что твой отец будет жить здесь, в моем дворце.

Голос принца звучал размеренно, хоть я и почувствовала опасность за каждым его словом. Встретившись с ним взглядом, меня накрыла волна тошноты. — Твой отец настаивает на том, что вам с матерью лучше в городе. Но с тех пор как ты начала дружить с моим племянником...

Я жду, что он скажет, что Эйприл тоже здесь, что он использовал ее как приманку. Но он не говорит, и, несмотря на то, что я чувствую себя все более и более нездоровой, я знаю, что должна ответить. Это ненадежная почва. Я устояла за его спину, изо всех пытаюсь найти ответ, который его не разозлит. Черное пятно, тень, вспыхнуло на каменной стене в задней части тронного зала.

Принц проследил за моим взглядом и стал выглядеть обиженным.

— Не всем моим ученым везет так, как твоему отцу, — сказал принц. — Доктор Рот вызвал прискорбный взрыв, когда работал на паровой карете. Я хотел казнить его, но понял, что его паровые кареты весьма полезны. У вас есть такая?

Я качаю головой. Он уже это знает. Никто не может заказать карету без его одобрения.

Сажа, покрывавшая стены, выглядела такой свежей, что осталась бы на пальцах, если бы я потянулась и прикоснулась к ней.

— Кстати, он был наставником Элиота. Он говорил тебе? Элиот проводил много времени с ним, изучая все, что касалось паровых двигателей.

Эта комната пахнет страхом. Дорого одетые люди, слушая, собрались вокруг трона. Принц поднял одну бровь, на мгновение, напомнив мне Элиота.

— Хорошо, что я ничего случайно не взорвал, иначе вы могли бы расстрелять меня.

Элиот попытался придать своему голосу беспечности, но у него не вышло. Он выглядел необъяснимо невиновным, что не было тем словом, которым я могла обычно его описать. Может, лучше уязвимым?

Пока смотрю на Элиота, я надеюсь, что выгляжу как влюбленная девушка.

Люди вокруг нас сильнее прижались друг к другу. Со времен чумы это самая заполненная людьми комната, в которой я когда-либо была, но было одно место, которого все избегали. Столы, выстроенные в ряд под витражными окнами возле левой стены. Зеленый свет просачивался через цветные стекла. Я узнала некоторые предметы, расставленные на столе. Микроскопы. Сложные устройства с часовым механизмом. Части паровых карет. Но мой взгляд задержался на незнакомых устройствах.

— У нас есть способы, чтобы помочь гениям среди нас найти вдохновение, — сказал принц. Сейчас он сошел с возвышения и стоял так близко, что я могла почувствовать резкий запах, похожий на корицу. Я заставила себя не двигаться. — Ты любишь вечеринки, дитя?

Орудия пыток. Он хотел притащить сюда моего отца и пытаться. И сейчас он спрашивает меня о вечеринках?

— Конечно, — запинаясь я.

Принц улыбнулся пугающе доброй улыбкой. Его зубы были грязными. — Возможно, мы могли бы отметить вашу... — он остановился. — Вашу дружбу, на моем следующем балу.

Он целенаправленно не прибегал к приказам. Потому что знал, что мы притворяемся? Потому что не мог позволить племяннику жениться на мне?

— Звучит замечательно, — я не узнаю свой тоненький, на несколько тонов выше голос.

— Так и будет, — сказал принц. — Ничто не изменит твое восприятие так, как костюмированный бал. Элиот сможет пройти прямо мимо тебя, и ты никогда не узнаешь об этом. — Его угроза направлена на Элиота, или на меня? — Костюмированный бал звучит так захватывающе, — продолжил он.

— Кроме того, мы всегда носим маски, — ровным тоном произносит Элиот.

— Эта анонимность в масках может быть опьяняющей, не правда ли?

Несмотря на саму себя, несмотря на опасность, перспектива костюмированного бала была заманчивой. Это выглядело как что-то, что могло бы понравиться Эйприл. Я задумалась, почему она никогда не предлагала посетить один из балов своего дяди.

И я поняла, что если Эйприл боялась идти на вечеринку, она, должно быть, была действительно ужасной.

— Ты уже назначил дату следующего события, дядя?

— Да. И, конечно, мы отпразднуем возвращение твоей сестры. Если она вернется.

Последовательность негармоничных курантов призывает нас к обеду. Элиот проводит меня в роскошную обеденную комнату. Точно так же, как и в тронном зале, повсюду стоят изваяния драконов. Люстра состоит из какофонии только что вылупившихся птенцов.

— Это одна из причин, по которым я не люблю Клуб Распущенность, — сказал Элиот. — У моего дяди специфический вкус в декорировании.

— Он скажет нам... — начала спрашивать я, но Элиот сжал мое колено, тем самым дав мне знак молчать.

Обед подавали слуги, не желавшие встречаться с нами взглядами. Пока мы ели, Элиот держал руку на моем колене. Я хотела откинуть ее, но с тех пор, как я начала носить длинные юбки, это выглядело бы по-ханжески, особенно когда он положил ее туда для общения со мной.

Мужчина, сидящий напротив, проткнул свое мясо ножом и объявил:

— Каждый день я говорю себе, как нам повезло, что чума не убила коров так же, как лошадей. Не прошло и недели, как каждая лошадь в нашей стойне упала замертво.

— Эйприл любила лошадей, — тихий голос Элиота предназначался только мне. — Все свое детство она провела в стойнях. Меня, конечно, учили ездить верхом, и я катался каждый день на занятия и дышал свежим воздухом, но Эйприл любила это. Она была печальнее в день, когда умерла ее лошадь, чем в день смерти нашего отца... — он понял, что собирался сказать и остановился. Люди вокруг слушали.

Я встретила с ним взглядом, и то ли потому, что он чуть ли не совершил ошибку, то ли из-за прозвучавшей в его голосе грусти, когда он говорил о пропаже Эйприл, он мне действительно понравился.

Во время последней смены блюд слуга выкатил в комнату пианино.

— Ты играешь? — спросил принц. Прошло несколько мгновений, прежде чем я поняла, что он обращается ко мне.

— Нет, — сказала я.

— Жаль, — сказал он и жестом подозвал молодую женщину к пианино. Вдруг я затосковала по дому, по маме, играющей эту песню снова и снова, особенно в мрачные дни. По завершении концерта, гости начали выходить, и Элиот встал и взял меня за руку. Я шла за ним, не задавая вопросов, когда мы выходили из основной части замка. Он оттолкнул в сторону гобелен, и мы вышли в темный коридор.

— Мой дядя хочет видеть меня. Пока я не ушел, мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделала.

— Забрала книгу? — мой дразнящий тон был еле слышен в полутьме. Элиот снял маску и наклонился ближе ко мне. Если кто-то появится из-за угла, он подумает, что мы обнимаемся. Когда он придвинулся ближе, я захотела отстраниться, но он говорил так тихо, что отодвинувшись от него, я бы не услышала. Я больше чувствовала его слова, чем слышала их, когда его губы скользили по моим волосам.

— Девушка, — сказал он. — У нее есть информация. Встреться с ней в подземелье, — он давал указания быстро, но движения его губ отвлекали.

— Я надеюсь, что Эйприл не в подземелье, но если кто и знает, где она, то только Нора,

— он бросил взгляд на карманные часы. — Мне пора идти. Дядя ненавидит ждать.

Я сделала шаг назад, но он схватил меня.

— И еще одно напоследок. Что бы ты ни делала, не заходи ни в какие клетки.

И затем он ушел.

Несколько минут я стояла в одиночестве, наблюдая за движением теней по каменным стенам. Раствор, который держал их вместе, был положен густо и толстым слоем, будто камни не подходили друг другу точно и их склеили вместе. Принцу пришлось переносить весь замок из-за моря. Для поддержки своего величия. Я вздрогнула.

Поспешив вниз по сырой каменной лестнице, я сняла свечу с канделябра в холле и бережно держала ее, пока спускалась в подземелье. Замок пах темно, сыро и неправильно. Я слышала снующих повсюду мышей и почти запаниковала. Еще три шага. Потом пять. Потом десять. Пол неровный, поэтому я шагаю осторожно. Потолок такой низкий, что если бы со мной был Элиот, он едва ли смог идти прямо, а Уиллу пришлось бы присесть. Мысль о Уилле была непрошеной, и больше всего я хотела убраться из этого грязного места и оказаться в его квартире. Или в Клубе Распущенность. Где угодно, но не здесь.

Но я двигалась вдоль широкого прохода, в стенах которого были железные двери, предположительно ведущие к клеткам.

Я услышала тихий звук, возможно, шаги, или, может, жизнь замка надо мной.

Поворачивая по направлению к звуку, я почти закричала. Девушка стояла так близко, что я могла бы коснуться ее, если бы протянула руку. Она ждет, прижавшись к каменной стене, и я не знаю, как она стоит так близко к ней. Стена покрыта грибком, сверкающим зеленым в слабом свете. Вода просачивается между камнями, собираясь в зловонные лужи на полу. Камни блестят. Капает вода.

Влага на стенах напомнила мне о Болезни Плача.

Я вынудила себя снова обратить внимание на девушку. Она держит фонарь, но он накрыт. Она оттолкнула его, слегка улыгнувшись, обрадованная моим дискомфортом. Она очень красива.

— Меня послал Элиот, — тихо сказала я ей.

Она поправляет передник и смотрит на меня.

— Скажите мистеру Элиоту, что его сестры нет во дворце, — говорит она. Смысл сказанного доходит до меня лишь через несколько мгновений. Я отвлекаюсь на то, как изгибаются уголки ее рта, когда она произносит его имя.

— Она должна быть здесь, — сказала я. Где еще ей быть?

— Ее здесь нет. Ноги ее не было во дворце с тех пор, как в прошлом году они приезжали вместе. Скажи ему, что ему нужно уходить как можно скорее.

Звук в одной из клеток поражает нас обеих. Она прикрывает фонарь, делает два шага назад и исчезает, оставляя меня одну в почти непроглядной тьме. Мои глаза бегают в поисках тени в свете моей свечи. Это место с влажными стенами, кажется, является точкой схождения бесчисленных коридоров. Я насчитала пять проходов, расходящихся в разные стороны.

Я оборачиваюсь вокруг себя дважды, и с ужасом понимаю, что потерялась. Не уверена, какой коридор ведет обратно к Элиоту и к безопасности. Я выбираю один и начинаю двигаться, осторожно, чтобы не оказаться достаточно близко к дверям клеток, чтобы никто не смог дотянуться и схватить меня. Я слышу скрежет, дверь открывается, и я ныряю в коридор, прислушиваясь к... Сзади меня что, шаги?

Наконец, я нахожу лестницу. Мои пальцы ног уже болят от соприкосновения с неровными камнями, но я продолжаю идти, поднимаясь так быстро, что слабый свет в коридоре наверху кажется практически ослепляющим. Я слышу неясный звук, и поднимаю голову. Это летучая мышь. Большая мышь, бьющая крыльями. Я падаю в сторону, готовая закричать, но прежде чем я набираю воздух, кто-то хватается за меня.

И толкает к грубой стене, стягивает маску в сторону и целует мою шею.

— Испугалась? — спросил Элиот.

Стук шагов раздается за нами, и он сжимает мои плечи сильнее, словно это сделает более убедительным то, что мы обнимаемся на фоне средневековых гобеленов.

Слуга проходит мимо, и когда она скрывается из виду, Элиот так внезапно меня отпускает, что я почти падаю.

— Прости, — он использует край гобелена, чтобы помочь мне убрать грязь под земелья с обуви. — Мы не хотим, чтобы кто-то узнал...

— Она не здесь, — мой голос, полный разочарования, звучит странно.

— Нет.

— Ты не кажешься удивленной.

— Я никогда не кажусь удивленной. Но это не значит... — второй звук приближающихся шагов. Я напрягаюсь, когда он тянется к моим плечам, но его руки на этот раз нежные. Он наклоняется, глядя мне в глаза, и на мгновение я уверена, что он действительно собирается меня поцеловать, потому что хватаюсь за маску, удерживая ее так, чтобы он не смог сдвинуть ее с моего лица. Не имеет значения, на какие риски он готов пойти, мне некомфортно дышать воздухом в этом месте. И я не хочу его целовать.

Не уверена в эмоциях на его лице, я недостаточно хорошо его знаю. Вина, недоверие, может быть желание. Чувствую, как деревенею, даже когда пытаюсь расслабиться в его объятиях.

— Ты слишком напряжена. Никто не поверит, что ты наслаждаешься этим, — говорит он.

— Я не наслаждаюсь этим, — промямлила я.

Двое слуг проходят мимо. Я смотрю, но ни один из них не является красивой служанкой Элиота.

— Не думаю, что кто-то поверит, будто ты привел меня в этот промозглый переход, чтобы... пообниматься, — наконец говорю я.

— Ты была бы удивлена, если бы узнала, в каких местах люди обнимаются.

— Люди... любовники... спускаются сюда для таких целей?

— Известных целей, — что-то в его голосе заставляет понять, что его губы изгибаются под маской.

Не могу сама быть такой.

— И ты? — спрашиваю я.

— Когда был младше.

— С той девушкой? Так вот почему она смотрела на меня как...

— Я не помню, — говорит он. — Разные девушки. Разные места.

— Это отвратительно.

— Возможно. Мой дядя держал меня узником здесь годами. Он не использовал клетки, но, тем не менее, я был узником. И все это знали. Я делал множество глупостей, стараясь его разозлить. Например, виделся с девочками в большинстве мест его ненаглядного дворца. И

ничто из этого не имело значения.

— Не для тебя. Но, возможно, это что-то значит для них.

— Они были дурочками. Дружить со мной не было безопасно ни для кого, — голос Элиота низкий и злой. — И, вероятно, небезопасно до сих пор.

— Это я ненавижу здесь, — говорю я.

— Как и я.

— Мы завтра уедем? — спрашиваю я.

— Мы уедем, когда принц позволит нам, — мы выходим из холла к другой лестнице, затем спускаемся по длинному коридору, увешанному развевающимися гобеленами, за которыми можно легко спрятаться. Элиот останавливается возле двери. — Это твоя комната. Я буду напротив. Если тебе что-то нужно, — он усмехается, — просто постучись ко мне. На самом деле, кое-что нужно мне. Нам нужно попрактиковаться. Каждый раз, когда я кладу руки на тебя, ты застываешь. Люди обязательно заметят, — он притягивает меня ближе. — Некоторые девушки получают удовольствие...

Я толкаю его, и он делает полшага назад.

— Я не уверена в этом, но ты назвал их дурочками, и меня не интересует неожиданная близость.

Он все еще слишком близко, но я не отойду от него.

— Так долго, как мы будем играть в эту игру, жди моей близости. Тогда она не будет неожиданной.

— Нет, — я кладу руки ему на грудь и отталкиваю сильнее, чем раньше. — Это не часть нашего соглашения.

— Забудь соглашения. Просто попытайся не выглядеть такой расстроенной, когда я до тебя дотрагиваюсь. Мой дядя все замечает. Мы в опасности.

Открываю свою дверь.

— Аравия? — он сбрасывает часть своего раздражения и выглядит просто печальным. — Придешь ко мне в комнату выпить перед сном?

— Не сегодня, — говорю я и возвращаюсь в свою комнату. Я осторожно закрываю дверь, запираю ее.

Комната роскошная, но неудобная, украшенная так, чтобы произвести впечатление на гостей. Я сажусь на кровать, но час спустя становится, очевидно, что я не смогу уснуть без снотворного. Я представляю лицо отца.

Говорю себе, что когда вернусь домой, мы пойдем вместе к пристани. Боль уходит со временем, и, может, отец прислушается к моим причинам. Но я боюсь, что все знакомые вещи в моей жизни почти изменились. И, вероятно, я никогда больше не пойду с отцом на прогулку.

Часы разглядывают меня через всю комнату — золотой дракон с красными глазами, под кристальным куполом — он постоянно тикает, всего чуточку медленнее биения моего сердца.

Думая об Элиоте и его почти обьятиях, я понимаю, что подошла слишком близко к нарушению моих обещаний, что заставляет думать об Уилле. Ну почему спать так трудно?

В коридоре раздается звук приближающихся шагов. Я хочу, чтобы они прошли мимо, но вместо этого они затихают. Кто-то вошел в комнату Элиота.

Прислушиваясь к шагам, я мысленно возвращаюсь к напряженности Элиота во влажном скрытом саду, когда он сказал мне, что его дядя перерезал горло его отцу. Он ничего не

говорил насчет крови, но я предполагаю, что она так и осталась на Восточном ковре, скажу даже больше — она никогда оттуда не исчезнет. Я просыпаюсь с криком, покрытая испариной, дезориентированная от сна, который кажется реальней, чем эта темная незнакомая комната. Чья-то рука отодвигает одеяло и отбрасывает волосы с моего лица. Мое сердце забилось, как отбойный молоток.

— Все хорошо. Ты в безопасности, — матрас прогибается, когда Элиот садится на кровать позади меня. — Что-то не в порядке? Тебе приснился кошмар? — мои сны о крови, фонтанирующей красной крови. Я начинаю спрашивать, как он оказался в моей комнате... может быть, я не заперла дверь в итоге... но мое горло болит. Я кричала до срыва голоса. Снова. И теперь я рыдаю. — Я думал, что кто-то напал на тебя. В противном случае я бы не вошел, — он забрасывает обе ноги на кровать и сидит, прижавшись к спинке.

— Нет, — говорю я. Я дрожу, испуганная, но я не позволю ему использовать это в качестве оправдания. Я не позволю пасть моей защите.

— Знаешь, мы ведь не враги.

— Знаю, — шепчу я. Но мы и не друзья.

— Я останусь. Я сохраню тебя в безопасности.

— Не в постели, — он поднимается и подсаживается достаточно близко к стулу, чтобы иметь возможность дотронуться до моих волос.

— Я и не представлял, что настолько тебе не нравлюсь, — говорит он. Я открываю глаза и смотрю на него. Его голос почти такой же уязвленный, как мой. Я его ранила.

— Ты мне не нравишься, — это правда. На самом деле. Мне нравится его уязвимость, но даже и заносчивость может быть притягательной.

— Здесь есть кто-то еще? — профиль Уилла всплывает на краю моего сознания, но на его лице отвращение. Я вспоминаю, как он смотрел на меня, когда я сломала белый цветок во внутреннем дворе. Уилл очарован, и в то же время испытывает отвращение к таким девушкам, как я.

— Нет, — говорю я. — Никого.

— Ты самая близкая подруга Эйприл. Я не ожидал, что ты упадешь ко мне в постель, но вы обе жили не совсем уж целомудренно.

— Я жила так, — мой голос слаб.

— Что?

— Целомудрие. Я дала клятву, — это я пыталась объяснить впервые.

Всякий раз, когда я думаю об отказе от клятвы, когда думаю, что, может быть, счастливой быть нормально, я вспоминаю, как стою над могилой Финна, которая пуста, так как его тело забрали собиратели трупов.

— Итак, ты — выпивающая, принимающая столько наркотиков, что теряла сознание, — оставалась в стороне от лучшей части разврата? — он не заинтересовался моей историей. Я почти выложила ему все, а его это и не интересует.

— Мне это не надо знать.

— Если захочешь узнать — скажи мне, — его тон полон флирта, но когда он заговаривает снова, многозначительность уходит. — Я сидел так с Эйприл, когда ей снились кошмары, — говорил он мягко.

Уже середина ночи, и мы оба устали. Может быть, если я спрошу, он ответит искренне.

— Элиот, почему мы здесь? Ты действительно думаешь, что это улучшит ситуацию?

— Да, — говорит он. — Если мы не будем работать над изменениями, в чем тогда

смысл?

Проблема в том, что прямо сейчас я не вижу смысла, и не уверена, что когда-либо увижу. — Расскажи мне о том, что мы действительно сможем сделать.

— Переселить людей из нижней части города, подальше от болот и комаров. Отремонтировать здания вдоль реки и позволить семьям переехать туда, дав им маски. Открыть магазины и фирмы. Напомнить людям, что есть причины жить.

— И как ты это сделаешь? — спрашиваю я.

— Начать с масок, нанять рабочих. Работать по всей окраине, ремонтируя по зданию за раз и двигаться дальше.

Я вспоминаю магазины. Особенно кондитерскую, где Финн когда-то украл леденец на палочке, а обвинили в этом меня. Будет замечательно, если людям будет куда пойти. Будет что купить. Будут маски, чтобы они не боялись дышать.

— Мне бы хотелось думать, что ты все это можешь сделать.

— Мой дядя не заботится о городе, но я буду. И не я один, — он зевнул, все еще поглаживая мои волосы. Было хорошо, и рядом с ним я впервые за многие годы сплю глубоко.

Я просыпаюсь в спокойном утреннем свете. В свете, который тут, в мрачном замке, ничем не отличается от того, который в нашей квартире на верхнем этаже. Элиот крепко уснул, сидя в кресле. Я выскальзываю из кровати, поэтому могу умыться и одеться до того, как он проснется. Расчесывая волосы, я встречаюсь с его глазами в зеркале. В свете, струящемся через окно, они голубые как никогда. Обманчиво невинные под этими светлыми бровями.

— Доброе утро, моя дражайшая Аравия, — ему удастся поймать равновесие на краю кровати. — Я не собираюсь рекомендовать сон на стуле, не тогда, когда ты хочешь нормально двигаться следующим утром.

— Мне жаль.

Он улыбается. — А мне нет. Считаю это моим хорошим поступком за день, а день только начался. Это значит, что я могу быть очень плохим сегодня. — Он вздыхает так, будто ждет, что я что-то скажу ему в ответ, что-то кокетливое. Я нервно верчу на пальце обручальное кольцо.

— Ты ей доверяешь? — спрашиваю я.

— Кому?

— Девушке, которая сказала, что Эйприл здесь не была.

— К сожалению, да, — он идет к умывальнику. Набирает воду в раковину. — Я хорошо подбираю информаторов. Она знает все, что происходит во дворце.

Обувь Элиота стоит у изножья моей кровати. Правая туфля измазана грязью подземелья.

— Элиот?

Он подошел снова ко мне, разглаживая рубашку и прослеживая глазами за моим взглядом.

— Я встречался прошлой ночью с некоторыми моими людьми. Вот как я услышал, что ты кричишь. Я был в коридоре, возвращался в свою комнату.

— Встреча была полезной? — он не говорит мне всей правды, не упоминает о посетителе, которого я слышала у его двери, но я позволяю ему хранить это в секрете.

— Да, но ничего конкретного об Эйприл, — он смотрит на свое отражение в зеркале. — Я хочу заглянуть в башню, прежде чем мы уедем.

— Думаешь, она может быть там? Может быть?

— Нет.

Его ответ простой и хриплый. Я не хочу спрашивать больше, но чувствую, что должна.

— Нам разрешат уехать?

— Не уверен. Но я придумаю, как нам действовать наилучшим образом так, чтобы он позволил нам уехать, когда захотим.

Его ответ не обнадеживает. Но я уверена, что он и не пытался.

Элиот проводит меня дальше по коридору, двумя этажами выше в другой коридор с античным оружием. — Мой дядя коллекционирует диковинки, — говорит он.

Мы идем в конец коридора и поднимаемся по лестнице, которая устремляется к башне.

— Тут принц держит особо важных заключенных. Комнату в башне продолжают готовить для Эйприл. — Мы поднимаемся на еще один пролет. Он прочищает горло. — И для меня с моей матерью. По крайней мере, здесь он будет держать Эйприл, если захочет, чтобы люди узнали о ее местонахождении. Иначе она будет в темнице.

Комната пуста. За исключением кровати и стола в ней ничего нет.

— Ты был так уверен, что это он забрал ее. — Я не могу сдержать обвинения в голосе.

Он ударяет по стене и роняет голову в ладони.

Я не могу не думать, что у нас с Финном могло бы сложиться лучше. Я бы никогда его не потеряла.

Но я потеряла. Из-за смерти и болезни. И убийства.

Элиот шагает туда-обратно перед зарешеченным окном, сжимая кулаки. Он трогает различные предметы, детские драгоценные шкатулки. Куклу.

— Пыльно. Он не готовил эту комнату. Он оставил все так, как было, — на его лице облегчение, затем он вздыхает.

С другой стороны комнаты дверь окрашена в те же цвета, что и стена.

— Что за этой дверью? — спрашиваю я.

— Ничего.

Я вижу, как он тянется ко мне, но я уже открываю дверь. Эта комната такая же, как остальные, за исключением того, что стены покрыты толстыми текстурированными обоями. Такими, которыми моя мать обклеила бы все комнаты, если бы отец не возражал. Я вижу кровать, письменный стол, шкаф. У единственного окна стоит фортепьяно.

— Аравия? — Элиот кладет руки мне на плечи. — Ты была права. Нам пора.

Какое прекрасное фортепиано. Я подхожу ближе, чтобы почувствовать отделку, коснуться клавиш из слоновой кости пальцами. Ноты все еще открыты, лежат на прикроватном столике.

Очень тихий тук в открытую дверь. Элиот поворачивается. Не могу не заметить, как он грациозен. Страж стоит в дверях. Он быстро салютует Элиоту.

— Сэр, мисс Аравии Уорт не разрешается находиться в башне, — кажется, стражу крайне неудобно.

Я иду к шкафу и тяну на себя дверцу. Платье за платьем висят в ожидании, все очень скромные. Ни одного красного.

— Моя мама была здесь, — говорю я мягко.

— Ты, должно быть, подозреваешь...

— Нет, — я никогда не подозреваю, но все это вызывает странное чувство. Как отец работал день и ночь. И невроз мамы...

На окне решетки. Дверь тяжелая, оснащенная несколькими железными замками. Мать была заложницей. Я провожу пальцами по очертаниям бабочки на обоях. Он запер ее здесь и окружил бабочками. И обращался с ней ужасно.

Второй страж шагает в дверной проем, и трое мужчин подозрительно смотрят друг на друга. Этот страж не салютует Элиоту, и выражение его лица сердитое.

— Я должен увести молодую леди, — говорит он. — Принц приказал.

Элиот делает шаг вперед. Когда я хватаю его за руку, чтобы удержать, бриллиант на моем кольце вспыхивает. Я перемещаю руки ему на плечи и чувствую его напряженность.

Элиот многозначительно смотрит на кровать.

— Мы хотим несколько минут побыть наедине.

Я задыхаюсь, но позволяю ему меня коснуться. Его рука на затылке у основания моей шеи.

— Сэр, — первый страж нервничает.

— Все в порядке, Элиот, у нас есть комната, — я тяну его к двери. Страж позади нас смеется, и нервозность проходит. Он один из людей Элиота, я уверена.

Палец Элиота скользит от моих волос к плечу одним движением, и я чувствую, как краснею.

— Да, у нас у обоих есть комнаты, — он наклоняется ближе и целует мое лицо сбоку, вдоль края маски, мягкий поцелуй, но обещающий. — Но вид из этого окна чудесный.

Он ведет меня к зарешеченному окну, и я смотрю на аккуратно подстриженные зеленые газоны, за ними идут деревья и края болот, окружающих замок. Элиот отворачивает меня немного в сторону к склону. Я не могу видеть пещеры, о которых он говорил, но понимаю, что он о них напоминает.

— Вы должны уйти, — второй охранник, похоже, готов вызвать подкрепление. Элиот вытаскивает меня из тюрьмы, спроектированной точно для моей матери, через внешнюю комнату, при этом возвращая свою маску на место. Он переплетает свои пальцы с моими. Мы идем медленно, хотя мои инстинкты кричат бежать, мимо пушки, вниз по спиральной лестнице башни. Когда мы возвращаемся в основную часть крепости, он бросает мою руку.

— Великолечно. Они не станут говорить о племяннике принца, шныряющем везде, где ему быть не положено. Они будут говорить о мистере Элиоте и его прекрасной невесте, которые друг от друга не могут оторваться, — это глупо, но я думаю о служанке, шпионке Элиота. Представляю, как она будет себя чувствовать, когда услышит эти шепотки. Если она рискует жизнью ради шпионажа для него, вероятно, она в него влюблена.

— Идем, самое время пожелать моему дядюшке доброго утра, — говорит он. Я чувствую себя так, словно кто-то схватил руками мое горло. Как я смогу находиться в одной комнате с его дядюшкой? Я бы хотела никогда не видеть Принца Просперо снова. — Прости, — говорит он, оборачиваясь, когда понимает, что я остановилась за ржавыми доспехами. — Я был уверен, что ты знаешь.

— Нет, — признаюсь я.

— До прошлой ночи я думал, что причиной была... — он колебался, а я ждала, что он продолжит. — Я думал, что причинами того, что ты не хотела моих прикосновений, был мой дядя и твоя мама.

Я качаю головой.

— Я избегаю любых прикосновений. Не только твоих, — его дядя и моя мама. Правда дает ростки. Он не забросил меня. — Элиот, я не могу на него смотреть.

— Ты должна. Улыбайся. Веди себя нормально. Не позволяй ему увидеть, что ты сердисься, — необходимость забвения сейчас сильнее, чем когда-либо, сильнее, чем ночью, когда я впервые встретила Элиота. Я не должна просить его об этом. Он достает шприц из кармана.

— Это поможет?

Я не должна это принимать. Я знаю, но должна перестать думать некоторое время. Потому я протягиваю руку.

Почти как раньше, но только теперь я знаю Элиота и почти ему доверяю.

После, я могу ходить и делать такое выражение лица, которое хорошо напоминает улыбку. Я совершенствовала свою фальшивую улыбку. Это не трудно, когда ты полностью онемел.

Я смотрюсь в зеркало, представляя, как выглядели бы мои глаза, если бы были больше.

— Ты выглядишь хорошо, — говорит Элиот. — Ты всегда выглядишь хорошо. Это восхитительно. Впервые, когда я тебя увидел, ты лежала на ковре в зеленой комнате Клуба Разврата. Я подумал, что ты умерла. Полагаю, это первая возникающая мысль о том, кто лежит на полу. Ты была красива, я обрадовался, когда твои ресницы задрожали, и я увидел, что ты жива.

Он тянется пальцами к вороту моего платья, будто хочет поправить его, хотя я вполне уверена, что поправлять его не нужно.

— И красотой меня непросто впечатлить, — добавляет он.

Элиот останавливается, чтобы собраться с духом, глубоко вздохнув несколько раз перед тем, как мы заходим в тронный зал. Я должна ощущать страх, или отвращение, или испуг, но не чувствую ничего.

Людской поток устремляется к одной из дверей, и слуги следуют за ними, несут бутылки вина и корзины с угощениями.

— Мы собираемся выйти наружу, — говорит Принц Просперо. — Насладились временем, проведенным вместе?

— Колесный пароход? — спрашивает Элиот, игнорируя инсинуации в вопросе дяди.

Придворные изучают меня. Я играю с бриллиантом на пальце, думая о том, какое имеют значение бриллианты в мире, в котором болезнь скользит через воздух в наши горла. Ненавистный бриллиант разлагает свет газового канделябра на тысячи цветов, прекрасных и бесполезных.

— Как красиво, — говорит придворная дама. Взгляд на ее лице полон неподдельной зависти. — Элиот недостаточно часто посещает дворец.

— Истинная правда, — Элиот сжимает руки на моих плечах.

— Но ты мог бы здесь жить, — говорит девушка.

— Да, — его тон нейтрален. — Я не могу представить ничего более ужасающего, а ты? — шепчет он прямо мне в ухо.

— Мы живем в страхе перед недовольством твоего дяди, — она вздрагивает. — Перед отсылкой обратно в город. И ты все еще выбираешь эту жизнь. Должно быть, ты очень смелый.

Элиот убирает руки с моих плеч.

— Уверен, вы никогда не разочаруете принца, — по-доброму говорит он девушке.

— Надеюсь, нет. Мой кузен рассказывает ужасные вещи о том, что происходит в городе.

Девушка подносит носовой платок к маске, словно чтобы заблокировать ужасный запах. Я никогда раньше не видела такого жеста, но леди двора кажется снова и снова его повторяют. Даже при наличии масок, они боятся воздуха и ошеломлены идеей вернуться в город.

Слуги привозят нас к самой кромке воды на повозке, оснащенной большим паровым двигателем. Лодка, которую украшают две палубы с красочными вымпелами и маленькие павильоны, расположенные на них, также движутся силой пара.

— Сегодня в воде крокодилы, — слышу, как кто-то произносит.

Он прав. Канал кишит рептилиями, я делаю шаг назад от перил. Элиот смеется. Сейчас его смех мне очень не нравится.

— Знаешь, они едят людей, — говорит он. — Несколько лет назад собиратели трупов выяснили, что проще сбрасывать тела в реку и позволять крокодилам доделать остальную работу.

Я представляю ребенка, крошечное тело, завернутое в одеяло. Едят ли крокодилы одеяла? Или оставляют их плавать в воде? Скольжение рептилий заставляет меня почувствовать слабость. Даже волны воды, мягко разбивающиеся о борта лодки, ужасают меня.

— Мне всегда нравились лодки, — говорит Элиот, и я на момент вспоминаю пароходик

Генри, едущий вперед-назад по столу, пока я завтракала с Уиллом. А затем и благоговение отца перед гаванью.

— В гавани появился оборудованный пароход, — говорю я.

— Да. Это была моя идея. Он был заказан, чтобы поставить меня во главу морского пути.

— Ты веришь, что за пределами города есть люди? — у отца есть книги, в которых нарисованы знаменитые места мира. Места здоровые и прекрасные. Я хочу, чтобы Элиот сказал мне, что да, там другие люди. Что однажды мы сможем посетить другие города.

— Если мы пережили чуму, тогда и другие должны. Может быть, там есть методы, предотвращающие болезнь. И мы слышали о местах, не поддавшихся болезни. Может быть, нам с тобой даже не понадобились бы маски.

— Странно, что никто не приезжает в город. Если другие выжили, что их останавливает?

— Что их останавливает? Внутренняя борьба, страх, отчаяние? Я бы хотел найти других. Но пароход не для этого. Не для меня.

Струнный квартет играет спокойную мелодию, когда лодка Просперо поворачивает к берегу, и на мгновение нам открывается вид на город. Красивый, опасный, тлеющий.

Мушкетные залпы заставляют меня подпрыгнуть. После, момент напряженной тишины, пассажиры смеются и аплодируют.

— Не смотри, — Элиот хватая меня за плечи и отворачивает, я вижу три фигуры, стоящие среди камней на берегу.

— Они больны? — спросила я.

— Да.

— Они уходят из города в топь? Умирать?

— Они не всегда умирают, — он долго смотрит на меня. — Я знаю мальчика, который выжил после заражения.

— Что с ним случилось? — я не уверена, что хочу знать.

— У него были незначительные синяки, а кожа была огрубевшая. Все ждали, что он умрет, но он даже не выглядел больным, и даже не был прикован к постели. Вместо этого, люди, которые контактировали с ним, умирали. Сначала думали, что это совпадение. Когда его собственная мать слегла от инфекции, он покончил с собой.

Я задыхаюсь.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

То, что люди с инфекцией заканчивали жизнь самоубийством, не было неслыханным, но все еще ужасало меня.

— Они опасны, эти люди с болезнью. Особенно для тех, кто их любит. Большинство из них добровольно уходит в топь. Другие бегут из города. Или их убивают.

Я никогда не была на болотах, но они выглядели совсем неприветливо, полные рептилий и кусающихся насекомых. Я вижу несколько дымоходов, может, деревня на четыре-пять домов. Думаю о том, знал ли отец, что здесь деревня. Должен был.

Среди кучи камней, окаймляющих берег, я вижу статую. Она выглядит как девушка, тянущаяся из щелки. Я указываю на нее.

— Талант не исчезает, даже если ты болен, — замечает Элиот.

— Пока ты не умрешь. Тогда он уходит навсегда, — тихо говорю я. — Принц знает, что люди могут прожить так долго?

— Да. Конечно. Почему, по-твоему, разрешено убивать всех зараженных?

Мы слышим смех с кормы лодки, и выходят хорошо одетые пассажиры, готовые к любому развлечению.

Я не могу отвести взгляд от трех фигур на корме.

Одна падает на землю. Еще одна бежит, скрываясь за кучей камней. Последняя фигура сидит, уставившись прямо на нас. Мы слишком далеко, чтобы разглядеть его лицо, но я представляю неповинующееся выражение на нем. Либо он собирается напасть на охрану, либо ему все равно.

Залп мушкетного огня снова поражает меня, даже несмотря на то, что я его ожидала. Когда мушкетная пуля поражает известняк, во все стороны летят искры. Я глубоко дышу, довольная тем, что они промахнулись.

Но с последней вспышкой огня мужчина падает рядом с нами.

Тело падает с поднятыми вверх руками, близко к воде, и пока мы наблюдаем, из болота выползает большой крокодил.

Слезы бегут по моим щекам. Мое забвение должно было длиться дольше. Реальность оказывается сильнее, чем наркотики Элиота. Слепленная, я спешу прочь от этого веселья.

— Видишь? — Элиот следует за мной. — Видишь, что я говорил о беспощадности?

Я ненавижу это выражение его лица, будто он радуется тому, что происходит, потому что это доказывает его точку зрения. Я закрываю глаза.

— Просто потому, что ты не хочешь смотреть на что-то, это не пропадет. Ты думаешь, что жестокости не будет места, если ты предпочтешь не видеть ее? Или, может, примешь слишком много наркотика, чтобы понять? Мы забываем о вещах, которые делают жизнь стоящей.

Я зажимаю уши руками, пытаюсь заблокировать звук его голоса.

Мама верит, что музыка делает жизнь стоящей. Музыка, искусство, литература... может, оставшиеся в живых на болоте тоже в это верят.

Элиот опускает мои руки. Я понимаю, что этот жест раздражает его, но не хочу, чтобы он прикасался ко мне. Злость затуманила мое зрение. Я так разбита, что даже не могу взглянуть на него. Чувствую отвращение. Он привел меня в это ужасное место и не сказал ни слова. Дважды он попросил меня рискнуть жизнью. Дважды я пробиралась в отцовскую лабораторию. И я даже в действительности не знаю зачем.

— Ты играешь в революцию, — тихо говорю я, чтобы остальные пассажиры не услышали, но вкладываю в голос все мое презрение и раздражение. — Ты говоришь, что хочешь все изменить, но ничего не можешь сделать.

Я отворачиваюсь от него, но затем, без предупреждения, он обвивает меня руками и поднимает вверх. Перебрасывает меня через низкие перила на борту лодки и держит над водой. Я обмякаю от потрясения.

— Не смотри вниз, — шипит он. — Вода кишит крокодилами. Ты знаешь, что они затаскивают людей под воду, цепляя за скалу или обвалившееся дерево, чтобы полакомиться позже? Они не просто едят мертвых, Аравия. За поворотом есть место, где была клетка. Люди оставляли жертвоприношения для своих чудовищ. Они поклонялись им. Я видел это собственными глазами. Люди приковали там девушку и оставили умирать. То же самое с нами и нашим городом делает мой дядя.

Элиот приходит в бешенство. Моя спина прижата к его груди, и я могу чувствовать, как бешено, бьется его сердце. Он тяжело дышит. Если я стану бороться, он может меня

сбросить. Я ишу, за что бы схватиться, но поблизости нет ничего. Кроме него.

Большинство остальных пассажиров у кормы лодки, лебезят перед принцем. Насколько я могу судить, мы одни. Вода отражает утренний солнечный свет, ослепляя меня.

Я набираю побольше воздуха, готовясь закричать, но не могу издать ни звука.

— Я не успел вовремя. Это было ужасно. Мы сорвали цепи с платформы и сбросили в воду. Через два дня они установили еще одну платформу и убили еще одну девушку.

Руки Элиота очень сильные. Он тянет меня назад, но мои ноги все еще не находят опоры.

— Почему ты проделываешь все это со мной?

Чувствую, как он отдергивается.

— Я говорил тебе не доверять мне, — его голос резкий. На мгновение я уверена, что он действительно отпустит меня. — Но ты начала верить, да? Прошлой ночью. Этим утром. Я могу видеть это в твоих глазах, — он опускает лоб к моим волосам. На один мучительный момент, когда моя нога начинает соскальзывать, он не двигается.

— Я влюбился в тебя, — прошептал он. — Но я брошу тебя в воду и буду наблюдать, как тебя терзают крокодилы, если подумаю, что это поможет мне достичь моих целей. Никогда. Никому. Не верь. Особенно мне.

Он тянет меня обратно. Двигаясь, одним пальцем я касаюсь деревянных перил. Палуба подо мной, но я все еще слишком боюсь, чтобы сопротивляться. Его большой палец гладит меня по щеке.

— Да что с тобой не так? — задыхаюсь я.

— Я не знаю, — его честность пугает даже больше, чем что-либо еще.

Он тяжело дышит, когда сдвигает мою маску и находит мое лицо. Его маски уже нет, несмотря на то, что я не представляю, когда он успел снять ее.

Он целует меня.

Я вся дрожу от напряженности последних нескольких моментов. Я позволяю ему целовать меня. И затем отрываюсь от него.

Я вкладываю весь свой гнев в кулак, сильно ударяя его в глаз.

Прошло много лет с тех пор, как у меня была привычка драться, но у меня был брат. Я знаю, как это делается. Мы оба падаем на полированную палубу. Я борюсь, чтобы получить назад свою маску.

Он протягивает руку к своему глазу, ощупывая то место, куда я его ударила. Теперь мы оба задыхаемся. Его маска лежит на палубе рядом с ним. Я держу ее подальше от него.

В передней части лодки идет шквальная стрельба, но принц не наблюдает за убийством. Он, перегнувшись через перила передней палубы, наблюдает за нами.

Внезапно Элиот хватается меня в охапку и уносит в чулан.

— Прости, — говорит он низким голосом. Он все еще дрожит, прячась обратно за маску, стараясь сделать вид, что те глубокие чувства, вырвавшиеся из него, были притворством. Но я лучше знаю.

Я с удовольствием вижу, что его глаз уже заплывает фиолетовыми. Он достает серебряный шприц из кармана. Он предлагает мне все больше моментов забвения. Он выглядит таким опустошенным, таким серьезным. Но он держал меня над рекой, полной крокодилов.

Я рассматриваю шприц и чувствую странную вспышку силы. — Он мне не нужен.

— Правда?

— Убери его.

Позднее слуги говорят нам двоим, что нам нужно вернуться во дворец в закрытой карете принца.

Просперо едва уселся на свое место, а Элиот уже спрашивает:

— Где моя сестра?

— Это единственная причина твоего приезда? Потому что думал, что Эйприл тоже... навещает меня? Ты меня ранишь, племянник.

— Две недели назад ты просил меня не позволить ей опозорить себя. И прежде чем я успел что-либо предпринять, она пропала.

— И ты думаешь, что я сам что-то с этим сделал? — спрашивает принц. Он дарит Элиоту легкую улыбку.

Элиот не отвечает.

Я борюсь с телом, заставляя себя быть полностью неподвижной, сохранять лицо бесстрастным. Принц не может увидеть, как сильно я его презираю. Это было бы полным провалом. Тишина растягивается. Невыносимая.

— Твоей сестры у меня нет. Если определишь ее местонахождение, пришли мне курьера с весточкой немедленно. Что бы ты там не думал, все, что я делал, я делал для того, чтобы вы с сестрой стали сильнее.

Я не двигаюсь, не издаю ни звука, но внимание принца смещается с Элиота. Его глаза ползут по мне, и я представляю, вспоминает ли он мою мать.

— Я пошлю людей в город, чтобы навели справки об Эйприл. Сделаете ли вы мне одолжение? — его взгляд возвращается к Элиоту. — Три дня с текущего момента ты будешь править моим пароходом. Твой проект. Твое путешествие ради открытий. Дочка ученого может ехать с тобой. Пока вы будете в отъезде, мы переселим ее родителей во дворец, чтобы им не было одиноко без их живого ребенка.

Он делает паузу на слове живой. Это была его вина, и я прямо сейчас понимаю ее глубину. Его виной было то, что мама пропустила годы жизни Финна. Так много мгновений, когда они могли быть вместе. Он ранил столь многих людей.

— Доктор Уорт всегда повторял, что средневековый замок задушит креативность его мысли, — говорит Элиот. — Не нужно этого.

— Зачем? Ты пытаешься заставить ее тебе доверять? Расскажи ей, как я заставлял тебя совать пухленькие маленькие пальчики в воду, когда ты был еще мальчишкой. Может быть, она тебя пожалеет.

Принц посмеивается. Если бы у меня было какое-нибудь оружие, я бы его убила прямо сейчас.

— Ты выглядишь бледной, моя дорогая, — говорит принц. — Вот, у меня есть кое-что для восстановления твоих сил, — он наливается белое вино в тусклую серебряную чашу.

Вино обжигает мне горло, но он смотрит на меня, поэтому я должна опустошить кубок.

— Мы собираемся обратно в город искать Эйприл, — говорит Элиот. Я не могу с уверенностью сказать, было ли это сказано для моей выгоды, или для выгоды принца.

— И я желаю тебе удачи в ее поисках, — говорит принц. — Хотя я рад, что ее шоу имени себя подошло к концу.

— Тяжело обременить свою семью, когда ни один из них не видел тебя в течение нескольких дней, — бормочет Элиот.

— Действительно. Твоя паровая карета дожидается у ворот, все ваши вещи собраны.

Я расслабилась и удивилась, что принц позволяет нам уехать. Он распознает мое облегчение и улыбается себе. Смеется надо мной.

Элиот помогает мне выйти из закрытой паровой кареты принца и подняться в его карету.

— Это было слишком просто, — говорит он. — Может быть, все равно Эйприл у него.

— Он заточит моих родителей?

— Он хочет этого. Всегда хотел.

И теперь я привлекла, завоевала его внимание. Если теперь он их заберет, это будет моя вина.

Элиот ведет слишком быстро, проносясь на поворотах и изгибах, которые мы проехали только вчера. Мы вздыхаем с облегчением, когда замок скрывается из вида.

— Мне нехорошо, — говорю я спустя час путешествия. Мое лицо горит, руки покрыты гусиной кожей и я дрожу. Первое, что приходит в голову — Болезнь Плача. Она так начинается? Я никогда не снимала маску, за исключением раза, когда Элиот меня поцеловал. И она была сдвинута тогда, когда я проснулась у Уилла. Я подавила дрожь.

— Тебе будет тем лучше, чем дальше мы оставим это место позади, — говорит Элиот. Но мне не становится легче. Я откидываюсь назад и наблюдаю за деревьями за окном, пытаюсь игнорировать пульсацию в голове.

Наконец, я тянусь к шелковому шарфу, одолженному у матери, но теряю равновесие и падаю на Элиота.

— У тебя жар, — говорит он.

Когда он дотрагивается до моего лица, я замечаю, что его пальцы все безупречно чистые, но один из них слегка почернел.

— Аравия?

— Кажется, мне плохо, — шепчу я.

— Опиши точно, что чувствуешь, — теперь он беспокоится, останавливает карету.

Я рада, что он обеспокоен, но не могу ответить на его вопрос, поскольку свешиваюсь сбоку, и меня рвет. — Выведи это из своего организма, — говорит он. — Этот ублюдок мог отравить тебя.

— Яд? — спрашиваю я слабо. Я вытираю рот тыльной стороной ладони и ударяюсь спиной о паровую карету.

— Твои зрачки расширены. Черт подери, я должен был понять... — его рука все еще на моих волосах.

— Как ты собираешься рассказать моим родителям? — мой голос срывается, я понимаю, что плачу, но никакая жидкость не выходит из меня, поэтому это лишь сухие всхлипывания.

Элиот нащупывает несколько пузырьков и бутылочек, которые достает из-под сиденья. — У меня нет нужных ингредиентов для общего противоядия. Мне нужно отвезти тебя к другу в городе.

Он передает мне бутылку воды.

— Мы сейчас поедem быстро, но если тебе нужно будет вырвать — сделай это. Чем больше выйдет из твоего тела, тем лучше.

— Я умру?

То ли он не слышит меня, то ли предпочитает не отвечать.

Я сворачиваюсь на сидении паровой кареты, пытаюсь игнорировать боль. Я не дура. Даже если мы найдем драгоценное противоядие, негативные эффекты все же останутся. Я думаю об Уилле. Отчаянно хочу жить.

Элиот передает мне носовой платок.

— Прости. Это был не твой удар. Атака была направлена на меня. Он показал, что может отобрать все, что мне дорого.

Я закрываю глаза. Прямо сейчас мне все равно насчет его дяди или восстания. Я собираюсь умереть посреди бесконечного леса, и у меня никогда не будет возможности извиниться перед родителями.

— До города всего лишь час, — Элиот берет меня за руку, и я прикусываю губу, делая вид, что плачу из-за боли, когда карету безжалостно трясет на корнях и развалинах.

— Я не собираюсь позволять тебе умереть, — говорит он. — Я не позволю тебе умереть. — Он повторяет это снова и снова, пока звук его голоса не смешивается со скрежетом колес и жужжанием двигателя. В конечном счете, его голос — это единственное, что я осознаю, и только тогда я закрываю глаза.

Когда я их открываю, мы уже в городе. Воздушный шар Района Распущенности медленно колеблется над нами в тумане низких облаков. Элиот направляет паровую карету на аллею и через ворота к задней стороне здания.

Когда она останавливается, я выхожу из кареты, неловко подкашиваясь, когда ноги касаются камня. Но долго они там не остаются, потому что Элиот подхватывает меня на руки.

— Где мы? — спрашиваю я.

— Рабочее место, которые мы используем для производства масок.

— Действительно? — в какой-то момент, еще до его сегодняшнего безумия, я перестала верить в него. Это было легче, чем ненавидеть себя, чем думать, что я предала отца зря, чем верить, что Элиот, возможно, сдержит свои обещания.

— Посмотри на меня, — говорит он. И я выполняю. Единственная причина, по которой я не паникую — потому что он так спокоен, но сейчас он выглядит взволнованным. Я хочу к родителям. Когда мы встретились, Элиот обвинил меня в том, что я не боюсь смерти, но я ужасно напугана сейчас.

— Я рад, что ты настолько доверяешь мне, — говорит он.

Он несет меня по узким ступенькам подвала. Один раз спотыкается.

В подземной котельной, освещенной газовыми лампами, над столом склонился молодой человек, вертя в руках кусочки фарфора. Поверх маски он надел пару толстых очков, левая линза которых — увеличительная. Он не поднимает взгляда, когда Элиот протискивается в дверь.

— Я ждал тебя вчера с деньгами. Я не могу это закончить без ...

— Помоги, — просто говорит Элиот.

Молодой человек вскакивает на ноги.

— Это дочь...

— Кент, думаю, она умирает.

Я сглатываю, когда он произносит слово «умирает». И затем мой желудок взрывается, и я изворачиваюсь туда-сюда в его руках. Он кладет меня на металлический стол. Я потная, мои волосы пропитались потом.

— Это ужасный яд, — говорит Элиот.

— Твой дядя?

Я пытаюсь пожаловаться на то, что крышка стола металлическая, и я дрожу от холода, но Элиот и его друг Кент игнорируют мои попытки. Они перебирают банки и бутылки.

— Позволь мне это сделать, — говорит Кент. — Для тебя это слишком личное.

Мог ли Элиот говорить правду, когда признался, что влюблен в меня? Нет, не верю этому.

— Аравия, можешь меня слышать? — спрашивает Кент. — Ты пробовала что-то необычное? Со специфическим вкусом? — я встречаюсь с ним взглядом и сразу понимаю, что знаю его.

— Я тебя уже видела, — каркаю я. — В книжном магазине.

— Да, — говорит он. — Полагаю, мы однажды почти встретились.

Он отдает мне кубок, полный густой, холодной жидкости.

— Выпей это.

Я проглатываю.

— Я не заметила никакого... привкуса, — говорю я. — Может быть он был слишком сладкий.

Он наливает что-то из тестовой трубки в чашу. Она пенится и шипит.

— Я собираюсь сделать укол, — говори Элиот. Я фокусируюсь на увеличительных линзах, которые носит Кент.

— Ты ученый, — слышу себя со стороны я. Подпольный ученый, скрывающийся от принца, помогающий Элиоту с революцией.

— Вообще-то я изобретатель. Мой отец был ученым.

Затем Элиот втыкает иглу мне в руку, и я теряю сознание.

Когда я просыпаюсь, Элиот держит меня за руку, мы возвращаемся в паровой карете.

— Я не сумел защитить Эйприл, но, я клянусь, я защищу тебя, — шепчет он. — Мы дома, — я поднимаю голову, чтобы увидеть, что мы перед Аккадиан Тауэрс. Должно быть, прошли часы, так как уже поздний день. Элиот помогает мне выбраться из кареты и приглаживает волосы.

— Не знаю, как тебе удастся выглядеть хорошенькой...

— Сэр, — швейцар стоит позади нас. — Лифт все еще небезопасен, — говорит оператор. — Мне так жаль, сэр. Мисс Уорт больна?

— Мое вождение ее укачало, — говорит быстро Элиот. Он не хочет, чтобы швейцар подумал, что я заражена. Последнее, что люди хотят в нашем городе — быть заподозренными в укрывательстве чумы, но он должен понимать, сколько раз я натыкалась на тех же работников, возвращаясь из клуба.

Солнечный свет ударяет мне по глазам, и голова начинает пульсировать.

Я должна спросить Элиота остался ли от яда какой-то эффект, но не уверена, что хочу знать.

Вестибюль Башен Аккадиан изящный, как никогда. Трое охранников сидят в полукруге, но сегодня они не играют в кости. Они осматривают комнату, бросая взгляды на оббитое золотисто-белым шелком кресло. Девушка в кресле поворачивается и улыбается. Эйприл.

Рука Элиота, обхватывающая мои плечи, держит меня жестко.

— Ты можешь самостоятельно стоять? — спрашивает он себе под нос.

— Да, — мой голос дрожит.

Он отпускает меня, ожидая, пока я схвачусь за спинку другого кресла для устойчивости, и тогда делает три быстрых шага и стаскивает сестру из кресла, чтобы обнять. Она вырывается.

Мое облегчение от вида Эйприл сразу сменяется разочарованием. Почему не могла вернуться два дня назад? Где была?

— Я прождала все утро, — говорит она мне, игнорируя Элиота. — Уж и не думала, что ты когда-нибудь придешь домой, — меня шатает, и Элиот моментально встает за мой спиной.

— Если я помогу, как думаешь, сможешь подняться по лестнице? — спрашивает он меня.

— Я помогу. У меня достаточно практики по ее перетаскиванию, — говорит Эйприл. Она одной рукой обхватывает меня и ведет к лестнице. Левая сторона ее лица опухла, она разукрашена синяками.

— Один из твоих наркотиков? — спрашивает она Элиота.

— Принц ее отравил.

— Ты нашел способ ее спасти? Антидот?

— Конечно.

— Вам обоим надо быть осторожными. В городе творятся ужасные вещи, — настаивает она. Волнуется о нем, о нас, но он не замечает.

— Эйприл, ты должна мне все рассказать ... — начинает Элиот.

— Да. Ты сможешь это использовать. Ты захочешь узнать, кто меня забрал и что они со мной сделали. Твои враги.

Элиот вздрагивает.

Эйприл смотрит снизу вверх на его лицо. Он отводит взгляд первым, словно не может выдержать вида ушибов.

— Да. Я хочу все узнать. Но сперва я должен отвести тебя к матери. Она волнуется. И, уверен, Аравия тоже хочет встретиться с родителями. Должны ли мы встретиться этим вечером, чтобы обсудить планы?

— Не в секретном саду, — говорит Эйприл. — В нашей гостиной.

— Конечно, — соглашается он. И мы начинаем подниматься снова.

На лестнице тепло, и я потею. Я откидываю волосы с лица.

— Милое колечко, — говорит Эйприл.

— Спасибо, — говорим мы с Элиотом одновременно.

Мы останавливаемся на вершине первого лестничного пролета, и Элиот кладет руку на маску.

— Иногда я не могу дышать через эту штуку.

— Ты должен заставить себя. Это не безопасно ... — я спотыкаюсь, и Элиот подхватывает меня. Мы балансируем на краю лестницы. Он тянет меня назад, и мы припадаем к стене. Он смеется, и по какой-то причине я смеюсь вместе с ним.

— Это смешно? — спрашивает Эйприл. — Вы почти упали с лестницы.

— Это забавно, так как пока она читала мне нотации о безопасности, мы чуть не... — улыбка Элиота исчезает. Он хмурился. — Я нахожу это немного комичным. Абсурд.

Она кладет руки на бедра и оглядывается.

— Спорю, тебе нравятся высокопарные слова, которые он использует, — говорит Эйприл.

Я могла бы многое ей рассказать.

— Вообще-то он мне не нравится в принципе, — говорю я.

Мы поднимаемся дальше в тишине. Я отчаянно желаю побыть подальше от Элиота и Эйприл хотя бы несколько часов. Побыть в безопасности, дома с родителями. Я репетирую извинения в голове, и затем мы оказываемся на верхнем этаже, и дом прямо передо мной. Я отрываю ноги и срываюсь вперед. Когда мы заворачиваем за угол, наш курьер открывает двери. Я ныряю внутрь подальше от конфликтов и заговоров, захлопываю дверь и закрываю ее на замок.

— Мама? Папа?

Я одна.

Я прохожусь по всем комнатам, зовя их, удивляясь эху своего голоса в пустом пространстве. Падая на пол в гостиной, я кладу голову на руки. Мамы нет здесь, чтобы принести мне крекеров. Отца нет здесь, чтобы посмотреть на меня, как на чужую. Все, что я знаю, это то, что яд до сих пор бежит по моим венам, и без родителей я не смогу загладить свою вину перед смертью. Я подвергла их такой опасности. Я хочу, чтобы они опекали меня, успокаивали. Даже Мама. Особенно Мама.

Я спешу в мамину комнату, к шкафу и смотрю на ее платья. Хоть одно пропало? Может, кожаный чемодан просто убрали со шкафа?

Как отец мог свободно вести переговоры в этой квартире, которая некогда принадлежала принцу? Доставая папин дневник из сумки, я открываю его слова. «Во всем виноват я». Мне нужно знать, что он имел в виду. Но слова расплываются, и я понимаю, что в голове пульсирует.

Бьют часы. Прошел час, но родителей до сих пор нет. Я начинаю подозревать, что они никогда не вернуться.

Запах одеколona принца липнет к моему платью.

Свет в моей спальне изменился. В дальнем углу — окно, выходящее в сад. Я никогда не обращала на него достаточно внимания, поскольку его всегда закрывала растительность. Но ветви деревьев сейчас сдвинуты в сторону. Впервые с тех пор, как я здесь живу, я могу смотреть сквозь окно. И любой человек, находящийся в саду может смотреть в мою комнату.

Я поворачиваюсь, чтобы взять покрывало и только тогда замечаю коробку, лежащую на моей кровати подобно подарку. Иногда папа покупает книги мне и раскладывает их среди подушек, но это больше, чем книга. Это тяжелая коробка, деревянное покрытие которой лакированное и глянцевое. Внутри маленькая маска.

У меня перехватывает дыхание. Пальцами я провожу по имени, выгравированному на поверхности. ФИНН. Отец, должно быть, изготовил ее после смерти Финна.

Маска мертвого мальчика.

Возможно, она будет немного велика Генри. Это причина, по которой бедные не всегда покупают маски для своих детей. Те их перерастают.

Я должна отдать эту маску Уиллу. Срочно. Я вижу, как Финн слег от инфекции. Я знаю, как быстро это может наступить. Я аккуратно кладу маску обратно в коробку, достаю кожаный ранец из шкафа и кладу коробку внутрь.

Я снимаю платье, отбрасывая его на пол, и надеваю любимое, бархатно-черное, уместно изодранное, с юбкой, которая едва достигает колен и легко зашнурованным корсетом. Платье удобное и родное, но не согревает. Я надеваю длинное и прозрачное пальто, через которое видны ноги, и кладу дневник отца в карман.

Торопливо проходя по комнатам, я почти ожидаю увидеть Элиота, наблюдающего за мной из сада.

Когда я приехала, наш курьер сидел на стуле возле дома. Он, несомненно, живет в нижней части города. Мы могли бы идти вместе, по крайней мере, часть пути до квартиры Уилла. Светло будет еще как минимум час, поэтому Уилл и дети будут дома. В любом случае, дети никогда не выходят на улицу. Курьер осторожно улыбается, когда я открываю дверь.

— Мои родители оставили мне сообщение?

— Меня не было утром. Они отправили меня обследовать повозки снова, искать тело молодой леди.

Я вздрагиваю.

— Вам приходилось дотрагиваться до ... тел? — я не могу не спросить, думая об этих ужасных черных каретах, о руках и ногах.

— Мне приходилось перекладывать их, если не было видно лиц. Было несколько хорошо одетых молодых леди. — Его голос обыденный. Теперь это нормальная тема для диалогов?

— За те часы, когда вы были тут, вы видели что-нибудь подозрительное, скажем, людей, которые хотели причинить отцу вред?

До того, как он качает головой, в его глазах что-то мелькает. Независимо от того, что он скрывает, заставляет меня чувствовать себя менее виноватой во лжи.

— Они оставили распоряжение, что вам нужно поехать со мной. У меня есть дело в нижнем городе.

— В нижнем городе? — звучит так, словно он никогда не слышал об этом месте.

— Разве не там вы живете?

— Да, но...

— Вы можете проводить меня, а затем вернуться домой пораньше. Я не думаю, что нам сегодня вечером понадобятся ваши услуги.

Он поднимается.

— Вы уверены, что ваши родители дали мне разрешение уйти раньше? — он в лицо меня лгуней называть не хочет, но, конечно, так думает.

— Да. Вы доставите меня, вместо того, чтобы доставить продукты. — Я пытаюсь улыбнуться, но это сложно.

— Нижний город опасен. Если нас атакуют, я не смогу вас защитить.

— Нас не атакуют, — говорю я с большей уверенностью, чем имею, но, кажется, он мне верит.

Я прижимаю кожаный ранец ближе к телу и спешу вниз по лестнице, через фойе, выхожу через боковую дверь, курьер же следует по пятам. Улицы пустынные. Единственные люди, которых мы видим — это рабочие, чистящие здание старой оперы.

Проходя мимо, я протягиваю руку и касаюсь позолоченной лепнины, тем самым окрашивая пальцы в золото. На боковой стене здания кто-то нарисовал черную косу. Ее нарисовали прямо поверх позолоты, не давая той шанса просохнуть.

— Они говорят, что принц может восстановить оперу и заставить людей ходить туда.

Звучит так похоже на принца. Или как ложь, которую распространили Мятужники. Я видела места в опере. Мысли о том, что столько людей соберутся в одном месте, достаточно, чтобы заставить кого-то паниковать.

Мы идем дальше. С каждым шагом, который мы ступаем по изломанному тротуару, здания становятся все более ветхими. Мы свободно проходим через контрольно-пропускной пункт. Солдаты не останавливают людей, выходящих из верхнего города.

Каждое грязное окно может скрывать недружелюбное лицо.

Может быть Элиот прав. Есть что-то нечеловечески злое в замаскированных лицах. Мужчина от дверей делает неприличный жест в мою сторону.

Мы идем быстрее.

С тех пор, как все лошади вымерли, а паровые кареты стали редкостью, боковые улицы снова стали грязными тропами. Тротуары около высоких зданий лучше, чем улицы, но все еще забиты мусором, что усложняет ходьбу.

Я ищу фигуры в плащах, но вместо этого постоянно натываюсь взглядом на группу подростков, идущих за нами уже половину квартала.

— Вы живете поблизости? — спрашиваю я.

— На несколько улиц западнее, — отвечает он.

Взглядом ловлю вспышку красного. Молодой человек в красной футболке. Я говорю себе, что то, что улицы в большинстве своем заброшены, не значит, что каждого человека нужно подозревать. Когда мы заходим за угол, взгляду открывается ряд кирпичных зданий, длинных и приземистых. Я прокручиваю в голове номер квартиры Уилла. Я уже близко.

Мы снова поворачиваем за угол, и я могу лучше видеть группу, следующую за нами. Они молоды. Жилистая молодежь, носящая самодельное оружие.

— Почему они идут за нами?

— Вы слишком элегантно одеты для подобного места.

Я чуть не рассмеялась. Моя юбка настолько изношена, что вряд ли кто с уверенностью сможет сказать, что однажды она была дорогой. Возможно, это из-за корсета. Может, китовый ус — востребованный товар?

Выглядит так, что они преследуют меня из-за того, что я девушка, что еще более пугающе. Я снова оглядываюсь назад, чтобы удостовериться в их возрасте. Они могут быть старше, чем мне в первый раз показалось. Они не первые ребята, у которых из-за недоедания задержки в росте.

Я смотрю на дерево в конце тротуара возле дома Уилла. Я помню его с тех пор, как мы гуляли с Уиллом. На окнах, мимо которых мы проходим, трепещут ставни. Еще одна черная коса. Я останавливаюсь, увидев еще вспышку красного, которая помечает двери мертвых, но черные меня пугают.

— Как зовут вашу дочь?

— Ли.

Один из парней достает тяжелую деревянную дубинку. Я не помогаю себе, представляя, как она опускается, ломая мою маску, тут, на улице, где воздух точно зараженный. Ломая драгоценную маску, которую я несу.

— Мы почти возле дома моего друга. Видите, там дерево, возле главного входа? Нас отделяет пара шагов. Вы продолжайте идти вперед. Я войду через переднюю дверь прямо в квартиру моего друга. Когда я исчезну, они не последуют за вами.

— Мисс!

— Думайте о своей дочери. Еще четыре шага, и вы будете в безопасности.

Я отчетливо считаю шаги в голове, мой разум мчится.

Один.

Теперь, когда мы зашли дальше вниз по улице, я вижу апартаменты, уходящие в долину. И я вижу, что одиночное дерево и перед этим зданием, и перед следующим. Оба дерева стоят в стороне, и оба слегка потрепаны.

Два.

Я вижу латунную табличку сбоку здания.

Три.

Я отхожу от курьера, слишком поздно говорить ему, что в итоге это оказывается не то здание.

Интерьер здания освещается только солнечными лучами, проходящими через грязные окна и пустые оконные проемы. Пол засыпан разбитым стеклом. Я спешу через холл и поднимаюсь по лестнице, стараясь не задыхаться и не позволяя страху завладеть мною. Возможно, они подумают, что я вошла в квартиру. Возможно, они не последуют сюда за мной.

Заходя в квартиру, отчаянно нуждаясь в укрытии, я слышу звук открываемой двери. Я останавливаюсь, опасаясь, что лестница закрипит и выдаст меня. Тяжелые шаги на лестничной площадке. Некоторые в одном направлении, некоторые в другом. Мне нужно рискнуть шумом двери. Если я этого не сделаю, они точно обнаружат меня.

Когда я достигаю того, что, по идее, должно быть верхним этажом, в коридоре становится темно из-за отсутствия окон. Я двигаюсь вперед, касаясь стены левой рукой, а правой крепко прижимаю к себе сумку. Когда деревянная щепка со стены попадает под ноготь, я вздрагиваю, но не останавливаюсь.

Стена резко заканчивается, и я наощупь следую к нише. В конце оказывается дверь. Я поворачиваю ручку, но она заперта. Меня всю трясет. Падая в обморок, я притягиваю колени к груди, становясь как можно меньше, молясь, чтобы никто не зашел в эту нишу, что у них нет факелов.

Кончиками пальцев я цепляюсь за ковер. Ковер ощущается как губка, и я представляю, как мои пальцы зеленеют от какой-то неизвестной формы грибка. Я высвобождаю коробку с маской из рюкзака и передвигаю ее к стенке ниши. Коробка из темного дерева. Возможно, даже если они найдут меня, они не заметят ее.

Я сгребая свои юбки, пытаюсь унять дрожь.

Я могу слышать тяжелые шаги этажом ниже.

Что они сделают, когда найдут меня?

С лестничной клетки доносятся голоса, и я задерживаю дыхание, боясь, что даже самый крошечный шум выдаст меня.

— Верхний этаж ликвидирован.

— Она могла бы скрыться там. Ты хорошо ее рассмотрел? У нее с собой была сумка? — спрашивает хрипящий подростковый голос.

Я дрожу. Они понятия не имеют, насколько ценна вещь, которую я несу.

Я надеюсь, что они отпустили курьера. Пытаюсь сосредоточиться, пытаюсь подумать. Такое чувство, что наркотики Элиота все еще в моей крови, или яд. Или противоядие. Тошнота накатывает на меня. Я сосредотачиваюсь, чтобы дышать бесшумно. Если меня сейчас стошнит, то это будет совсем не в тему.

Я хочу оставаться на ногах, но не могу думать, как стоять, не создавая слишком много шума.

Уже почти вечер. Скоро совсем стемнеет, и даже если я смогу сбежать, вряд ли я буду в безопасности в нижнем городе. Мне нужно добраться до Уилла, прежде чем он уедет в клуб Распущенность.

Голос пугает меня:

— Может, она выбралась на крышу.

Он так близко, что я могу слышать его дыхание. Я задерживаю свое собственное дыхание, такое испуганное и болезненное, слезы незаметно катятся по моему лицу.

Светлеет, когда они открывают дверь и выходят на крышу.

Я наклоняюсь к ногам. Сумка качается у коленей. Пустая. Если уходить, то прямо сейчас. Дверь закроется меньше, чем через секунду. Я, спотыкаясь, выползаю из ниши, оставляя коробку.

Как можно быстрее бегу вниз по лестнице. Слышу кого-то позади себя. Что-то врезается в мое плечо, и дубинка гремит у моих ног, сбивая меня с ходу. Со всеми этими наркотиками в моей крови, я чувствую что угодно, но не боль. Парень хватает меня за руку, но я все равно падаю, его хватка не сильна. Приземляюсь на нижней ступени лестницы, проклиная непрактичные туфли, и снова начинаю бежать.

Парень за мной зовет своих друзей, но они на крыше.

У меня было достаточно времени вычислить расстояние до здания Уилла. Если я не ошибаюсь, то оно через два квартала.

Я вижу еще двух парней, выходящих из здания. Они смотрят вниз на переулок, но затем быстро отступают. Не хочу знать, что в том переулке напугало их.

Таша за собой оборванное пальто, я чувствую вес дневника отца и прижимаю его к себе, пока бегу. Вскоре я уже вижу дверь в здание Уилла. Сосредотачиваюсь на ней. Она символизирует безопасность.

И тогда моя лодыжка подворачивается, и я падаю на холодный тротуар.

Боль переходит из лодыжки в колено. Достаточно для того, чтобы притупить действие того, что все еще находилось в моем организме.

В переулке очень холодно. Я легко оделась, и знаю, даже не оглядываясь, что что-то выходит из тени между домами. Фигуры в черных плащах.

Я встаю на ноги и бегу вверх на три ступеньки к дому Уилла, хлопая дверью за собой.

Интерьер здания, в котором живет Уилл, не отличается от того, в котором я пряталась, за исключением того, что окна почти не битые и в большинстве своем чистые. Его квартира на верхнем этаже, поэтому я, хромая, иду на один лестничный пролет вверх по скрипящей лестнице. Я некоторое время стою перед дверью, непривыкшая к отсутствию курьера или хотя бы швейцара, прежде чем несколько раз стучу кулаком, а потом отказываюсь от вежливости и пытаюсь открыть ее. Естественно, она закрыта.

После длительной паузы мое сердце начинает биться в горле снова. А что, если их нет здесь?

Когда вся надежда оставляет меня, деревянная планка на двери открывается, и оттуда выглядывает пара голубых глаз.

— Аравия! — я слышу щелчок и звук открывающегося замка, и затем открывается и сама дверь.

Я толкаю ее, прохожу мимо детей и запираю дверь.

— Снаружи опасно, — говорю я.

— Ты говоришь как Уилл, — Элис носит маску, и я ненавижу то, что она скрывает ее лицо и подчеркивает уязвимость ее брата. — Он на кухне.

Уилл сидит на одном стуле, закинув ноги на другой, сжимая обеими руками чашку.

В тот момент он — все, о чем я мечтала.

Он — парень, работающий в ночном клубе, худой, хорошо одетый и опасно выглядящий со своими татуировками и косматыми волосами. Уставший от работы допоздна, но все еще загадочный.

Но кухня вокруг него, дети, один держащий меня за руку, другой сжимающий все, что осталось от моей юбки — они рассказывают историю Уилла, на которую у меня есть привилегия взглянуть. Секретного Уилла.

Мои глаза перемещаются на зеркало в холле. Мое лицо грязное. Он поднимает взгляд и видит меня.

— Привет, — говорю я.

Его первый ответ — усталая улыбка, но, когда он замечает, как я выгляжу, вскакивает на ноги.

— У тебя кровь, — говорит он.

— Я так не думаю...

— Иди сюда, — он ставит кружку на стол и проводит меня к раковине, затем льет воду с кувшина на тряпку и прикасается к моему лицу.

Я снимаю маску и поднимаю лицо. Он свою маску не носит.

Вода холодная. А его голос теплый.

— Ты очень доверчива.

— Нет, — говорю я. Не после того, как меня провели над рекой, кишашей крокодилами, и затем отравили. Я снова начинаю дрожать. — Какие-то парни преследовали меня. Мне пришлось прятаться, а затем были люди в темных плащах...

— Сейчас ты в безопасности. Они не войдут в здание, но будут охотиться на любого, кто выглядит уязвимым.

Я не говорю ему, что они последовали за мной до самого здания, потому что он так близко, прикасается к моему лицу. Он сжимает меня в нежных объятиях и усаживает на стул, вручая мне ту кружку, которую он держал, когда я вошла.

— Наверное, уже не горячее, но все равно выпей. Твоя рука и колено кровоточат. — Он вытирает кровь с моего колена, прежде чем положить мои руки на стол. Чистой тряпкой он вытирает кровь на моих руках, а затем снимает бриллиантовое кольцо с моего пальца.

Оно выглядит странно на фоне скатерти. Блестящее, нескромное.

— Кольцо не было способом... — говорю я.

— Нет.

Уилл просит Элис принести иглу.

Тикают часы, висящие над раковиной, и я смотрю, как он пытается вытащить занозу. Десять мучительных минут.

Его руки нежные, но всякий раз, когда он дотрагивается до меня, мои нервные окончания вспыхивают. Когда он сосредотачивается на моих руках, его темные волосы щекочут меня.

Я смотрю на кружку, вынуждая себя дышать нормально.

— Вот, — он держит уродливую деревянную щепку. — Так лучше. — Он наклоняется, будто собираясь поцеловать мою руку, но в комнату забегает Элис.

Она крутится, указывая на маску. — Прямо как у тебя, Аравия! — говорит она.

Моя сегодняшняя неудача обрушивается на меня.

Я схватила Уилла и спрятала лицо на его плече.

— У меня была маска, — прошептала я. — Для Генри. Я несла ее тебе, — я вздрагиваю, думая о том, как сильно отличается эта сцена от той, что была в моей голове, когда я представляла, что отдаю коробку Уиллу. — Отец купил ее для Финна.

Уилл тянется к моей руке, но я отступаю, более осведомленная в том, как мало я заслуживаю даже малейшего счастья.

— Я говорила отцу о том, что Генри нужна маска, и он дал мне кое-что драгоценное для него. А я это потеряла.

Я слишком много раз сегодня плакала. Уилл протягивает мне платок, и я прижимаю его к глазам. Я не слишком симпатичная, когда плачу.

— Ты наказываешь себя за смерть Финна, — догадывается он. — Поэтому ты не хочешь взять меня за руку? — его голос до боли нежный. Но я не уверена, как он может так говорить. Иногда этому нет объяснения, даже для меня.

— Я дала клятву.

Я не хочу плакать. Когда вина настолько велика, ты не можешь. Это просто улаживается и остается с тобой, и от этого холодно. Печаль теплая, но вина очень, очень холодная.

— Я пообещала себе, что никогда не буду делать того, что... не делал бы Финн.

— Ты принесла маску для Генри? — в его голосе неуверенность, словно он не позволяет себе поверить, но он слегка улыбается.

— Да, но я спрятала коробку, перед тем как на меня напали. Почему ты улыбаешься?

— Потому что это значит, что мое внимание к тебе не напрасно. Не напрасно ты мне нравишься. Я думал, что же со мной не так, когда наблюдал за тобой в клубе, ожидал разговора с тобой. Я начал презирать себя за такую заинтересованность. Я представлял, что бы ты сказала, когда я проверял тебя, о чем вы с подружкой хихикали.

Это как-нибудь должно было нарушить мою клятву. Я слишком счастлива для этого.

— Я никогда не хихикаю, — говорю я, пытаюсь скрыть собственные чувства.

Он усмехается.

— Ты думал, что с тобой не так, потому что я тебе нравилась? — наконец спрашиваю я.

— Ты уже знаешь, что я равнодушен к девушкам с яркими волосами и глянцевыми помадами, но обычно их притягательность пропадает. За исключением тебя.

Он смотрит в сторону. Его щеки вспыхивают.

— Уильям, — говорит Элис. Безотлагательность в ее голосе поражает меня. — На улице темнеет. Тебе нужно идти на работу после темноты.

Поэтому Уилл не застрахован от опасности на улице. Я не хочу, чтобы он уходил.

— Она права. Мне пора уже быть готовым, но я отвлекся. — Он улыбается медленной, кокетливой улыбкой, и затем снова сдерживает себя. — Прости, — на краткий миг он смотрит вниз, будто взвешивая решение, — оставайся здесь. Поспи. Я скажу соседу, что Элис и Генри останутся дома сегодня ночью. Скажи мне, где ты оставила коробку и я сделаю все возможное, чтобы достать ее. Я не хочу, чтобы твоя отвага и великодушие были потрачены впустую.

Я ощущаю удивление. Отвага и великодушие? Я не отважна и не великодушна, но то, что он так думает — очень мило. Я сообщаю ему номер дома и описываю темную лестничную площадку третьего этажа.

Он дает мне одну из своих рубашек, красную. Она мягкая, когда я провожу ею по своему лицу. — Ты не сможешь спать в этом платье. Надень это и думай обо мне, — кокетливый тон вернулся. Он хмурится. — Я хочу, чтобы ты сделала одну вещь для меня. Подумай об истории про брата, которую ты сможешь рассказать мне. Не о тебе и твоём чувстве вины, а историю, которая прославляет Финна.

Я провожаю его до двери. Прежде чем выйти, он останавливается и сжимает мою руку. Я осторожно поворачиваю каждый замок и проскальзываю в другую комнату, чтобы переодеть платье.

Я надеваю рубашку Уилла через голову и падаю на кровать. Странно снова быть здесь. Его последняя улыбка остается со мной, пока крохотные ручки не касаются моего плеча.

— Ты знаешь какие-нибудь истории? — спрашивает Элис. Ее лицо взволнованное, словно рассказать ей историю это очень важно. Я закрываю глаза. Моя мама часть рассказывала истории. За этим я скучаю больше всего со времен лет в подвале. Финн становился все более больным, но я любила ее истории.

— Я знаю много историй, — говорю я. — Моя любимая — о принцессе, которой пришлось сражаться с драконом.

Начав говорить, я не могу представить каково это — быть там, где она сейчас, спрятавшаяся с моим братом и слушающая историю.

Три истории спустя, дети уснули, и я задула свечу.

Когда я просыпаюсь, должно быть, часы спустя, на улице почти полная темнота. Мне что-то снилось, не о крокодилах, а о том, как меня держали над водой. О напрасной борьбе. Кто-то держал меня.

Удостоверившись, что маска на месте, я задеваю Генри. Его лицо без маски доброе и милое. С другой стороны от меня, Элис надевает свою. Я не знаю, носит ли она ее всегда, или пытается подражать мне.

Я натягиваю на них обоих одеяла и сажусь назад, слушая их ритмичное дыхание. Я думаю о том, где сейчас мои родители. Я не могу не думать о нашем прощании, как они на меня смотрели. словно могут больше никогда меня не увидеть. Я думаю и о том, горюют ли они по Финну, или они чувствуют вину за то, что забывали о нем горевать каждый день. Как иногда забываю я.

Утром дверь открывается со скрипом и я, напуганная, сажусь. Уилл стоит в дверях, снимая свое пальто.

— Привет, сони. У меня для вас подарок, — говорит он. Я вижу коробку из хлебного, балансирующую на тяжелой тисовой.

— Ты ее нашел, — задыхаюсь я в восхищении.

— Твои указания вывели меня прямо к ней, — Генри и Элис трут глаза.

— Им редко приходилось просыпаться дома, — говорит Уилл. — Смотри, Генри, мисс Аравия принесла тебе драгоценный подарок. Теперь ты будешь как Элис. Ты сможешь ходить в школу.

Генри осторожно достает фарфоровую маску. Его ручки полные и изъязвлённые. Уилл показывает, как следует носить ее.

— Давайте позавтракаем, прежде чем ты наденешь ее. Нужно уметь есть в маске, и будет неблагоразумно, если ты запачкаешь ее всю в первый же день. Твой любимый братец принес несколько булочек с корицей.

Я следую за ним в кухню. Я все еще в его рубашке. То, как его рубашка прилегает ко мне, кажется более откровенным, чем все вещи, которые у меня есть.

Уилл улыбается, очевидно, и дальше продолжая флиртовать со мной. Он не настойчив, как Элиот, и я не чувствую, будто он чего-то от меня ждет, но от того, как он на меня смотрит на душе теплеет. Признательность, которую я не заслужила.

— Сегодня хороший день, — говорит он мне. — Мы выведем детей на улицу.

Впервые покидая подвал, я была одна. Все, что я помню, это тусклое солнце, ослепляющее глаза. Я представляла, что, когда это произойдет, Финн будет рядом. Но его не было.

Снимая футболку Уилла, я говорю себе, что ничего плохого не случится. У обоих детей теперь есть маски.

К тому времени, как мне удастся собрать мое платье воедино, дети поглощают булочки с корицей. После первого укуса сахарная глазурь пачкает мои волосы, и Генри становится на стул, чтобы тщательно вытереть их.

Уилл долго смотрит на мой бедственный наряд и протягивает мне пальто. Я оставляю все, что осталось от моего пальто, в его комнате. Он завязывает шарфы детям, и мы выходим. Дети берут меня за руки.

Ветер приятно охлаждает лицо, напоминая о детстве. Зима выглядит чище, особенно когда выпавший снег покрывает город на несколько часов. Генри смеется и показывает на птичку.

— Мы видели птиц только из окна, — объясняет Элис.

Уилл выглядит раненым. Виноватым. Но это не так. Он сохранил им жизни.

— Не будем уходить слишком далеко, — говорит он. — Но в нескольких кварталах отсюда есть небольшой парк.

Уилл несет мяч, достаточно большой, чтобы его было легко ловить, и, когда мы доходим до парка, он сильно бросает его на землю. Дети наблюдают, загипнотизированные тем, как он отскакивает со звуком, который получается, когда мяч ударяется о землю. Генри следит за ним, двигая головой вверх-вниз, и затем отпускает мою руку и рвется за мячом.

Мы стоим и смотрим, как они играют. До тех пор, пока Уилл не переносит вес с одной ноги на другую, я не замечаю, что мы держимся за руки.

Элис робко касается травы. Я осторожно отхожу от Уилла и сажусь на землю, голыми коленями касаясь хрупкой бурой травы.

Окружающие здания бросают тень на крошечный парк, и мое счастье затуманивается оттенком страха, ползущим из темных углов и теней.

— Смотри, какие высокие здания! — Элис не чувствует в них угрозу. Я нахожу в траве обожженный морозом клевер и поворачиваю его между пальцев.

— Если найдете цветок с четырьмя листьями — это удача, — говорю я. — Можете загадать желание.

— Я найду один для тебя, — Генри смотрит на меня снизу вверх большими глазами.

— Что бы ты пожелала? — спрашивает меня Элис.

— Может быть, я бы отдала его тебе, чтобы ты могла загадать желание, — я чувствую себя необычно полной эмоциями, когда просеиваю в руках траву, касаюсь земли пальцами.

— О нет. Я бы отдала тебе, — говорит Элис серьезно.

Я перестаю исследовать траву, все еще касаясь ее пальцами, но больше не смотрю. Я не уверена, должна ли чувствовать печаль оттого, что ребенок полагает, что я так отчаянно чего-то желаю, или радость, раз она отдаст его мне, несмотря на то, что и сама имеет желания.

Уилл улыбается и пожимает плечами, забавляясь моей реакцией на слова Элис. После того, как я встречаюсь с ним глазами, клевер больше не привлекает мое внимание.

Он растягивается на скамье, на лице ошеломленное выражение. Он зевает.

— Ты совсем не спал, — мягко говорю я, задаваясь вопросом, как попросить его отвести меня домой сегодня вечером. Он выглядит опустошенным.

— Позже, — отвечает он. — Сегодня вечером я посплю, как нормальный человек. Клуб закрыт из-за предстоящей экспедиции.

Как нормальный человек. Интересно, как он и остальные сотрудники думают о постоянных посетителях и наших ночных часах. В этом году я часто посещала клуб. Распушенность, он никогда не был закрыт.

— Принц установил декрет, что ни одна фирма не откроется до запуска его парохода.

— Ты говорил с ним? С принцем?

— Недолго. Он на несколько минут заходил вчера вечером в клуб. Сказал, что должен найти друга, жившего в городе.

Мою мать? Мой живот падает. О, Господи, мою мать. Я должна вернуться в Аккадиан Тауэрс, к Элиоту.

— Ты убиваешь траву, — говорит Элис Генри.

Генри виновато убирает руку. Я начинаю говорить им, что они, вероятно, не слишком навредили высохшей траве, но они уже играют в новую игру, перекатывая друг другу мяч.

Им не нужно говорить, чтобы что-то поменять. Мы с Финном тоже могли общаться без слов. Я завидую, но, что удивительно, наблюдение им не причиняет боль. И Элис не потеряет Генри. Я в этом уверена.

Уилл снова зевает.

— Пора домой. Этот район кажется спокойным, но от меня не будет много пользы в вашей защите, если я усну.

Начинает падать мокрый снег, оседая на наших волосах и масках, прежде чем растаять. Несмотря на снег, я чувствую тепло... и счастье. И я ненавижу то, что мы должны покинуть это место.

Жилой дом с одним единственным деревцем перед ним чувствуется... не совсем домом, но там хоть безопасно. Относительно. Уилл закрывает за нами дверь, я помогаю детям снять пальто и шарфы и повесить их в шкаф. Уилл вытаскивает набор красок, две кисточки и большой лист бумаги.

— Я позаимствовал это из клуба, — говорит он мне. — Из офиса твоего парня.

Элис хмурится, то ли от слов Уилла, то ли от тона его голоса.

— Элиот не...

Уилл выпускает презрительный смешок. Не могу сказать, не хочет ли он обсуждать Элиота, или просто не верит мне.

— Я взял бумагу и краски давным-давно, когда Элиот приходил в клуб попросить денег для его дяди. Тогда он не носил маску, думая, что он неприкасаемый.

Ненавижу чувствовать себя вынужденной защищать Элиота.

— Он не отказывался от маски, думая, что он неприкасаем.

Дети радостно рисуют. Элис нарисовал ярко-желтое солнце в верхнем углу. Уилл останавливается, чтобы бросить на него беглый взгляд.

— Она обычно не рисует подобное.

Он выглядит довольным.

Я слеую за Уиллом в спальню. Я знаю, он не хочет слушать об Элиоте, но не могу не попытаться все объяснить.

— Не сила и не непобедимость заставляют Элиота не носить маску.

Уилл снимает одеяла с окон.

— Теперь, когда у нас всех есть маски, у нас будет больше света, больше воздуха, — он улыбается, но очевидно, что он игнорирует мои слова.

— Он верит, что маски делают нас негуманными, потому что мы не видим человеческих лиц. И частичка меня с ним согласна.

— Или, может, он просто хочет, чтобы ты сняла маску, и он беспрепятственно смог смотреть на твое лицо. — Уилл касается моей щеки. Кончики его пальцев порхают над моими скулами. В комнате тепло, но я дрожу. — И невозможно поцеловать кого-то в маске, если ты не заметила.

Мое лицо вспыхивает.

— Не думаю, что это так. Он не пытался снять мою маску. Я даже не нравлюсь Элиоту в достаточной мере. Мы работаем вместе...

— Ты ему нравишься. Я видел вас вместе, помнишь? Ему неприятно, что ты ему нравишься, — хмурится Уилл. — Это не дает ему использовать тебя.

— Мне нужна помощь Элиота. Мне нужно попасть домой, — я чувствую себя ужасно из-за того, что прошу об этом, когда Уилл едва держит глаза открытыми.

— Я бы с радостью провел тебя, но некому присмотреть за детьми. Мне нужно отдохнуть сейчас, и тогда я вечером буду в состоянии сопроводить тебя в Верхний город. — Он расстегивает верхнюю пуговицу рубашки, но раздевание, судя по всему, займет слишком много сил, поэтому он падает на постель. — Я жду твою историю. Расскажешь?

Я колеблюсь. Он закрывает глаза, ресницы темнеют на его щеках. То, что я сейчас тут, с ним — удивительно. В голову приходят незваные воспоминания, как Элиот сидел у моей кровати всю ночь, защищая от кошмаров.

— Аравия? — Уилл похлопывает по кровати рядом с собой, будто обращается к Генри или Элис. Мои сомнения так глупы.

Я скольжу в его кровать, лицом к нему, но не прикасаюсь. Комфортно и... и все. Комфортно. Я могу сказать, что он истощен. Его голос приглушенный. — Расскажи мне о Финне.

Всякий раз, когда я думаю о Финне, я вспоминаю, что он всегда верил в нашу мать, и это заставляет меня чувствовать себя еще хуже. У меня нет определенной истории. Вместо этого я концентрируюсь на своих чувствах, когда наблюдала за детьми в парке.

— Было сложно научиться говорить Я после его смерти. Как и у детей, всегда были только МЫ. Мы хотели печенья, мы боялись темноты. «Ужасались», наверное, звучит правильнее; мы с Финном всегда были напуганы ночью. Одним из первых изобретений отца был маленький светильник в нашу комнату. Страх беспокоил Финна.

Так много историй о Финне, историй о героизме и неизменном добродушии. Но та, которую хочу поведать я, не их этих.

— Подвал был пугающим. Всюду были темные углы и места, где из земли торчали кирпичи, места, где могли выползти разные существа, ящерицы или пауки, и там никогда не было достаточно света.

— В двенадцать лет он любил отрицать все свои страхи, и не хотел, чтобы боялась я. Мой страх перекидывался и затрагивал его. И я проводила ночи в подвале, ворочаясь с боку

на бок, боясь, что из угла что-то выползет и коснется меня щупальцами или мохнатыми паучьими ногами. Я едва ли спала.

— Однажды вечером, когда я читала у одного из фонарей, Финн положил огромного белого паука мне на колени. Я не уверена, что он был таким большим, размером с монету, наверное, — вспоминая, я вздрагиваю. — Я не знаю, что он думал, я сделаю... убью его, может? Возможно, он думал, что я понимаю, что мой страх нелогичен, что паука легко убить. Но, вместо этого, я упала со стула и ударилась головой о стену. Из раны на голове пошла кровь, и затем он прижимал к ней тряпку, чтобы остановить ее, и я знаю, что ему было жаль. В течение двух месяцев после этого, он сидел около меня пока я засыпала. Иногда, когда часы уже показывали утро, он мог еще сидеть там.

Я глубоко вдыхаю, собираясь продолжить, и понимаю, что говорить больше нечего. Вместо милой истории о моем нежном брате, я показала его в дурном свете. Но Уилл смеется.

— Такие вещи часто случаются с братом и сестрой. Моя связь с Генри и Элис отличается от вашей с Финном, но, если я умру, мне не хотелось бы думать, что любой из них предпочел бы жить неполноценно из-за меня.

Он ослабляет маску на моем лице.

— И твой брат не будет возражать, если я тебя поцелую, прежде чем усну.

Он целует меня. Очень нежно, в щеку. Трагично то, что маски нет на моем лице, а он целует меня лишь в щеку.

Он возвращает мне маску. Но, когда я цепляю ее на место, он уже спит.

Я долго сижу рядом с Уиллом, пока волнения в соседней комнате не отвлекают меня. Войдя туда, я вижу, что дети улыбаются, протягивая мне рисунки, чтобы я могла полюбоваться.

Мы делим последние булочки с корицей. Их шкаф заполнен продуктами. Я улыбаюсь. Я помогла.

Элис приглашает меня вместе складывать деревянный пазл. Я не особенно хороша в пазлах, но мне нравится выражение счастья на лице Генри каждый раз, когда он кладет правильный кусочек на место.

— У меня есть игра, которая называется шахматы, — рассказываю я Элис. — У тебя получится в нее играть. В следующий раз принесу ее тебе. — Мы убрали шахматную доску, когда умер Финн.

— Это значит, что ты уйдешь, — говорит она. Я киваю. — Но если ты принесешь мне игру, значит, что ты вернешься! — Она обнимает меня так сильно, что я теряю равновесие.

Когда я помогаю, Элис с ужином, случается что-то невероятное, и Генри начинает чихать и кашлять. Уилл немедленно выбирается из кровати, трогает лоб Генри, спрашивает, как тот себя чувствует. Я отступаю. Не потому что боюсь заразиться от Генри, меня просто пугает идея болезни.

— У него жар, — говорит Уилл, подталкивая Генри к кровати. — Дети иногда подхватывают подобное, такое случается. — Но его лицо бледное.

Я ставлю стул рядом с кроватью. Я ничего не могу сделать для больного ребенка, кроме как развлекать его, поэтому я провожу вечер, рассказывая Генри истории, которые мне рассказывала мать. Он сжимает мою руку в особо волнительных моментах и, в конечном счете, засыпает.

Я удивленно осознаю, что уже темно. Элис прикасается к лицу Генри по краю маски, и

затем выдвигает маленькую кровать на колесах из-под большой и ставит рядом. Уилл стоит в дверном проеме.

— Мне не стоит идти сегодня вечером домой, правда? — спрашиваю я.

Он встряхивает головой. — Я не могу отвести его вниз, только не тогда, когда он болен.

— Он поправится, — бормочу я, просто, чтобы что-то сказать. Отец повторял мне снова и снова, что Финну станет лучше. С тех пор я сомневаюсь над каждым его словом, но тогда верила ему.

— Нам нужно немного поспать, — говорит он, вручая мне еще одну из своих рубашек и указывая на подушку, которую он положил по другую сторону от Генри. Я осторожно отпускаю ручку Генри и иду переодеваться.

Истощенная, я засыпаю сразу же, как только оказываюсь в кровати.

Я просыпаюсь посреди ночи, дрожа. Отбрасываю волосы, и, несмотря на то, что в комнате холодно, я вся в каплях пота. Единственная вещь, о которой я могу думать, это серебряный шприц Элиота. Забвение. Во рту сухо, но у Уилла в квартире нет алкоголя. Я не искала; я просто заметила это, когда рассматривала еду в кладовой.

Уилл и дети спят. Я пытаюсь игнорировать слезы, бегущие вниз по моему лицу, и прижимаюсь лицом в запасную подушку Уилла.

Я разворачиваю подушку и лежу, наблюдая за Генри. Не раньше, чем утренний свет пробивается в неприкрытое окно, я понимаю, что у него больше нет жара.

— Я говорил тебе, что дети иногда подхватывают подобное, — говорит Уилл, когда просыпается. — Болезни не всегда фатальны.

Генри открывает глаза и моргает, вероятно, думая, почему мы на него смотрим. Уилл оборачивается, чтобы достать что-то для Элис из шкафа. Его рубашка не заправлена и наполовину расстегнута, и свет играет на его татуировках.

Многие парни из Клуба Распущенности имеют татуировки, но я никогда не видела их так много. Хочу прикоснуться к ним.

— Я хотела спросить тебя об этом, — говорю я.

Генри потягивается, слезит с кровати и идет на кухню, чтобы присоединиться к сестре. Уилл бросает на меня стеснительный взгляд, так отличающийся от того, как он смотрел на меня в полумраке Клуба Распущенности.

— Я говорил тебе, что опивался на Районе Распущенности только потому, что мне нравятся девушки в рваных платьях и с неестественным цветом волос.

Я почувствовала укол ревности, когда он упомянул девушек во множественном числе.

— Татуировки привлекают определенный сорт девушек как ничто другое.

— Что ж, я рада, что у тебя есть причина, — ненавижу, что мой голос звучит, будто я обвиняю его. Я знаю, что не имею никакого права судить кого-либо.

— Вообще-то, эту историю я... рассказываю другим людям. Моя мать была художницей. Этим проектом она занималась как раз перед смертью. — На секунду он отворачивается к окну. — Печать в другой комнате — ее работа.

— Я хочу в парк, — говорит Генри из дверного проема.

Уилл закрывает глаза. Я чувствую его внутреннюю борьбу. Он не хочет подвергать Генри опасным микробам, но в мире, где ребенок может умереть когда угодно, разве можно отрицать такую простую радость?

— Если на улице никого нет, то можем пойти в парк в ближайшие несколько минут, — наконец говорит он. — Мне жаль, что нет ничего лучшего, но я не чувствую себя достаточно

хорошо, чтобы идти далеко, не со всеми вами. — Его взгляд перемещается на мои голые ноги и короткое платье, затем он отводит глаза. — И не в этом районе.

На пути к парку дети идут между нами, споря, кто несет их драгоценный мяч. Они перебрасывают друг другу мяч, смеясь, когда он врывается в маску Генри и благополучно отскакивает в сторону.

— Я не знаю, что бы я делал, если бы он заразился, — говорит Уилл. Он колеблется. — Ты когда-нибудь ненавидела людей за то, что у них дела идут лучше?

Его вопрос ранит, потому что он прав. Я ненавидела тех, у кого были братья. Но не его. Меня ужасала перспектива, что Генри может быть болен.

— Я принесла тебе маску, — говорю я.

— Я не думаю, что ты не хотела сделать как лучше. Я видел, как ты вела себя с ним прошлой ночью.

— Я не хочу, чтобы люди проходили через то же, что и я, — говорю я.

— Если Генри умрет, я буду чувствовать свою вину за то, что не защитил его. Но ты была ребенком. Это была не твоя вина.

Я пожимаю плечами, не потому что не забочусь, но потому что не могу поместить всю глубину своей вины в слова. Он знает больше, чем я говорила кому-либо еще, но не все.

— Финн бы не хотел, чтобы ты отрицала саму себя.

Мне не нравится, что он так небрежно говорит о том, что знал Финна. Для меня было бы легче разделить с кем-нибудь боль, но это моя боль, и я копила ее столько времени. Чтобы забыть вину, я делала прискорбные вещи. Сколько раз я теряла сознание, просыпаясь потом со следами половой плитки на лице?

— Я все делала неправильно, не так ли? — шепчу я.

Он придерживает рукой мой подбородок и исследует лицо своими темными глазами.

— Как думаешь, ты могла бы снять маску на пару мгновений? Мы попытаемся не дышать.

Я тянусь к лицу еще раньше, чем он заканчивает предложение.

Его маска уже снята.

Он смотрит на меня так же, как в темноте клуба. Его глаза наполовину закрыты, и в том, как он движется, есть что-то томное. Он поднимает мой подбородок и долго смотрит в глаза. Скользит руками под мое пальто, и кладет их на голые плечи.

Я закрываю глаза.

— Аравия!

Это Эйприл. Уилл нащупывает маску, такой же потрясенный, как и я. Подобный недостаток понимания может стать смертельным. Я чувствую себя виноватой, словно мы делали что-то неправильное.

Самый роскошный паровой вагон города припаркован за оградой. Слуги Эйприл ждут в вагоне, одетые в безупречную униформу, но кроме них есть еще и мужчины в униформе частной охраны принца Просперо.

Эйприл улыбается. Может потому, что она смогла меня найти, или же, потому что я почти поцеловалась с Уиллом. Она всегда говорила, что моя клятва глупая, хотя никогда не вникала в причины.

В этом свете синяки на ее щеке и шее еще виднее. Элиот шагает рядом с ней со скрещенными руками. На лице скучающее выражение, но я знаю, что его челюсть напряжена.

— Спасибо Господу, что мы тебя нашли, — мило говорит Эйприл. — Мы искали везде. Элиот беспокоился.

Элиот выпрямляет руки и поигрывает со своей тростью.

— Она могла быть похищена, — говорит он. — Ее семья пропала. Мы не знали, где она. Это беспокоит.

Я знала, что его злость сильнее, но перед Уиллом он будет спокойным и высокомерным. Он не выдаст эмоций, которые могут быть интерпретированы как ревность.

— Не могу поверить, что ты бросила меня, Аравия. Я хотела взять тебя с собой в клуб вчера вечером, отпраздновать мое возвращение. — Непривычная для Эйприл веселость, вынужденная и немного скупая. — Мы так испугались, когда не могли найти тебя. — А вот это уже естественно. Эйприл напугана и скрывает это за легкомыслием. У каждого произнесенного ею слова мрачный оттенок. Она накрасила веки фиолетовым, словно это могло скрыть синяки.

Уилл выпускает меня из объятий и позволяет уйти. Без тепла его рук мне становится холоднее.

— Что случилось с твоим платьем? — спрашивает Элиот. Его взгляд останавливается на моих ногах, открытых, потому что Уилл убрал пальто немного назад. Он смотрит на мое разбитое при падении колено. — Тебе больно? — с этим вопросом он потерял часть своей беспечности. Интересно, прав ли Уилл, что Элиот практически мог бы заботиться обо мне.

— Появилась новая болезнь. Люди умирают, много людей, — говорит Эйприл, ее тон серьезен.

— Новая болезнь? — удивляется Уилл. Звучит недоверчиво, но с нотками страха. Чума украла у нас всех детство. Мы все боимся необузданной болезни.

— Не еще одна чума? — слова чувствуются чужими на моем языке. Невозможными.

Эйприл помещает руку под свою маску. Ей нужно серьезно опасаться, если она в перчатках.

— Она убивает медленно. Ты падаешь замертво с кровотечением из глаз. Ее называют Красной Смертью. — Она и напугана, и наслаждается ужасом, как ребенок, рассказывающий историю про призраков.

Я уже сказала себе, что я в это не верю. Не могу.

— Она не преувеличивает. Мне нужно поговорить с твоим отцом, — говорит Элиот.

И это наполняет меня холодом, предвещающим ужас. Я, не двигаясь, уставилась на его очень серьезное лицо.

Но дети не понимают, что происходит. Элис медленно придвигается к Эйприл.

— Можно потрогать твоё платье? — спрашивает она.

Эйприл улыбается ей.

— Ты очень хорошенькая, — говорит она. — Ну, прямо как твой брат, — она имеет в виду Уилла, не маленького Генри.

Уилл сжимает мою руку, но затем Элиот быстро становится между нами, разделяя нас.

— Мой дядюшка забрал твою мать. Он говорит, что сохранит ее в безопасности, — он дает мне секунду, чтобы осознать это, не глядя в глаза.

— А отец?

— Ушел от стражей.

Отец в бегах, а мама одна. Элиот хочет поговорить с отцом. Значит, я нужна ему как приманка.

— Знаю, это трудно, я пытался найти лучшее решение. Ты пойдешь со мной в экспедицию, как запланировано. Судно отправится сегодня вечером, и, когда мы вернемся... многое изменится.

Его голос более властный, нежели два дня назад. Что случилось, пока я была у Уилла? Элиот поворачивается к Уиллу.

— Мои источники сообщают, что сегодня вечером произойдут ужасные вещи. Верхний город погрузился в хаос. Оставайся дома, с семьей.

— Вас кто-то ударил и разукрасил глаз? — спрашивает Генри пронзительным, восхищенным голосом.

— Да, — говорит Элиот без интонации. — Очень плохой человек меня ударил. Солдаты беспокойно перешагивают. Нам пора уходить.

Элис прижимается головой к моей юбке и шепчет:

— Я хочу, чтобы ты осталась с нами.

Я наклоняюсь, чтобы сказать ей, что мы скоро снова увидимся, но Эйприл тянет меня назад.

— Спасибо, что сохранил ее в безопасности, — говорит Элиот Уиллу. Звучит искренне, но я не верю в его искренность.

— Я всегда буду защищать ее, — отвечает Уилл.

Они уставились друг на друга поверх моей головы. Я смотрю вперед-назад между ними, пытаюсь придумать, что бы сказать. Эйприл закатывает глаза.

Здания, окружающие небольшой парк, кажутся более зловещими, чем несколькими минутами ранее. Пустые окна, дверь, висящая на одной петле. Недостаток солнечного света...

— Как ты сможешь защищать своих родных, если будешь пытаться защитить Аравию? — спрашивает Элиот. — Будь осторожен, не разорвись. Чем больше людей, о которых ты заботишься, тем тяжелее это делать. Давай...

Мы поворачиваемся, когда двое мужчин в темных плащах бегут в нашу сторону. Один несет факел, другой дубинку. Человек с факелом бросает его в единственное неразбитое окно в здании на западе парка. И бежит он непосредственно к нам.

Я замираю, пока звук бьющегося стекла не убеждает меня, что это все реально. К тому времени человек с дубинкой уже в нескольких шагах, он наклоняется и почти небрежно хватается Генри.

Элис кричит.

Прежде чем я могу набрать дыхание для крика, Элиот начинает действовать, вытаскивая меч из трости. Но лезвие его тонкое, а дубинка мужчины — большая и тяжелая.

Уилл отрывает от земли парковую скамейку, выхватывая кусок сгнившего дерева. Это не очень хорошее оружие.

— Сделайте что-нибудь! — кричу я солдатам. Один из них, который ближе, берет мушкет, но я не смотрю. Я бегу к Генри. Эйприл хватается мою руку, и мы почти падаем.

Мужчина, держащий Генри, поднимает дубинку над головой Элиота. На мгновение я представляю, как она опускается, но прежде чем мужчина успевает двинуться, Элиот протыкает его сердце.

Мужчина падает назад, схватившись за грудь.

Я подныриваю, но Эйприл обхватывает меня руками, и я могу увидеть, что даже если бы прорвалась, то не успела бы предотвратить это.

Генри ударяется о землю, сильно.

Его маска падает на тротуар, и на ней появляется отвратительная трещина. Солдат, наконец, стреляет в воздух, а Элиот уже преследует второго нападающего.

— Следуйте за ним, — кричит Элиот солдатам.

Элис смотрит на мертвого мужчину. Ее шок — лучшее доказательство заботы Уилла. Даже в Верхнем городе мы видим смерть каждый божий день. В тишине мы слышим треск пламени, распространяющегося по первому этажу здания. Надеюсь, что внутри никого нет.

— Они разбили мою сияющую маску, мисс Аравия Уорт, — говорит Генри и поднимает руки. Он говорит ровно, потому я могу сказать, что ему не так уж больно. Когда я его поднимаю, удивляюсь какой он легкий.

— Элиоту не стоило преследовать их. Они могут быть не одни, — говорит Эйприл.

— У Элиота клинок, — заверяю я ее.

— Там тонкое лезвие, — возражает она в ответ. — Может быть, Элиот думал бы более ясно, если бы не отвлекался на тебя и Уильяма, — она дарит мне многозначительный взгляд.

Генри дергается, и я почти роняю его. Его вера, что я сохраню его в безопасности, до боли неуместна. Он крепче цепляется за мою шею.

— Забирай их домой и держи там, — говорит Эйприл Уиллу. — Сегодня день насилия.

— Кто тебя ударил, Эйприл? — я тянусь к ней рукой, которой не прижимаю к себе Генри.

— Безумец, — говорит она. — Который не без причины ненавидит моего брата. И моего дядю, — она вздыхает. — Элиот — единственный, за кого стоит бороться, он наша надежда, но иногда он все только усложняет.

— Расскажешь мне об этом позже? — спрашиваю я. Она кивает. Уилл подходит ближе. Я передаю ему Генри и незамедлительно теряю его тепло. Слишком холодно оставаться одной, а я всех оттолкнула.

Элиот быстро возвращается к нам, его стражи не отстают.

— Он ушел в подполье. Если повстанческая группа начнет активно использовать катакомбы, мой дядя потеряет контроль над городом. — Его руки сжаты в кулаки. Думаю, он боится, что Преподобные Мятежники работают быстрее, чем он. Он потирает свои

пальцы, успокаивая себя, и кладет руку мне на плечо. — Нам нужно идти. — Его голос мягкий, и на мгновение я думаю, что он понимает, как сложно будет уйти.

— Мы не можем просто уйти, — говорю я.

— Почему? У тебя есть другая маска, чтобы дать мальчику? — спрашивает Элиот. — Нет? Тогда мы ничего больше не можем сделать. Уильяму нужно забрать детей в безопасное место.

— Мы можем отвезти их домой, — говорит Эйприл.

— Будет безопаснее, если мы будем одни, — бормочет Уилл и тянется за моей рукой.

Мое сердце практически останавливается. Я заслужила еще несколько часов с ним. Заслужила знать, на что это похоже — целовать его, прежде чем наш мир сгинет в огне. Снова.

— Прости меня, Уилл, — я сдвигаю маску на бок и становлюсь на носочки, чтобы поцеловать его в щеку.

Он прижимает меня ближе, но вместо того, чтобы обнять меня, он шепчет:

— Я долго работал в Клубе Распущенность. Я знаю вещи, людей. Может, я смогу помочь тебе. Это будет лучше, чем ввязываться в дальнейшее с ними.

Я качаю головой. Не могу позволить, чтобы он рисковал собой. Он единственный, кто присмотрит за Генри и Элис. Я обнимаю обоих детей.

— Будьте хорошими, — говорю я. — Слушайте брата.

Они кивают.

— Вы будете в безопасности, — я говорю это больше для того, чтобы убедить саму себя. Уилл поднимает Генри и берет за руку Элис.

— И раньше я думала, что он неотразим, — говорит Эйприл мечтательным голосом. Мы наблюдаем за их отдаляющимися силуэтами, и я понимаю, что задержала дыхание.

Они забыли мяч Генри. Осторожно оставляю его на полу паровой кареты, замусоренном брошюрами. Я поднимаю одну.

— Тут говорится, что вода в нижнем городе отравлена.

— Еще одна попытка напугать людей, — говорит Элиот. — Мятежники.

Дым от горящих зданий режет глаза. Я удерживаю ногами резиновый мяч Генри. Вчера мир выглядел более безопасным. Может, не для меня и моей семьи, но для всех остальных.

Охрана залезает в карету, глядя на Элиота, будто он величайший герой на земле. Несколько миль мы едем в тишине.

Как только Эйприл начинает говорить, я спрашиваю о Красной Смерти.

— Не могу поверить, что ты пошла домой с Уиллом, — говорит она, смеясь. — Каждая женщина в клубе пытается добраться до него. И все прошло напрасно, да? Или ты нарушила свою клятву?

— Я не... — начинаю я, но затем замолкаю. Она с надеждой посматривает то на меня, то на Элиота, и затем я понимаю, что она пытается заверить его. Она думает, что его волнует, что я делала или чего не делала с Уиллом.

— Конечно, ты не...

— Заткнись, Эйприл, — говорит Элиот. Возможно, ему не все равно.

Теперь он раздражает ее, поэтому она дразнит его. — Ты знаешь способ, которым они могли...

Элиот делает гневный жест.

— Ничего не было, — говорю я.

— Ничего? Ты была с ним две ночи.

— Генри был болен.

Я представляю лица детей, невинные во сне, но затем отталкиваю картинку подальше. Мать в тюрьме, а отец скрывается. Опасно беспокоиться за многих людей.

— У Аравии хорошо, получается спать с мужчинами без... ничего, — мрачно говорит Элиот, осматривая город.

Его голос напряженный, а на лбу залегли морщины, которых я никогда раньше не замечала...

— Тебя в битве не ранили? — спрашиваю я.

— Конечно, нет.

Мы минуем здание за зданием. Дома с одеялами и покрывалами, закрывающими окна. Мне тоже больно.

Мы все осматриваем город, стараясь ничего не чувствовать.

— Я не знала, что ты так хорошо владеешь мечом, — говорю я, чтобы разорвать тишину. В отдалении я могу увидеть другое горящее здание.

Он сделает пренебрежительный жест.

— Они были нетренированные, неуклюжие.

— Когда мы жили во дворце, он заставлял стражей соревноваться с ним, — говорит Эйприл. — А потом принц заставил его прекратить, потому что он убил их слишком много.

— Я помню это несколько иначе, — мягко говорит Элиот.

Один из стражей застывает. Элиот качает головой, и страж отводит взгляд, краснея.

Начинает моросить дождь. Я сильнее кутаюсь в пальто Уилла, надеясь, что он не замерзнет без него. Мне абсурдно приятно иметь что-то из его вещей.

Мы подъезжаем к перекрестку, и я понимаю, что именно тут я впервые увидела мужчин в темных плащах, скользящих в тени. Телега не преграждает нам путь на этот раз. Нет молодой матери, которая отказалась от своего ребенка. Вместо этого Эйприл игнорирует холодный ветер, а Элиот делает все от него зависящее, чтобы укрыть меня от него.

Покрытие крыши дома молодой женщины оторвано и обнажает мрачные жилые помещения внутри.

Я понимаю, что домой мы не едем. Мы направляемся в Клуб Разврата. Мысль о том, чтобы прийти в пустые апартаменты, пугает меня, но Уилл предупредил не соваться в клуб. Я должна им сказать. Но почему-то этого не делаю.

Когда мы попадаем в район клуба, Элиот наклоняется и говорит Эйприл:

— Тут мы разделимся. Ты забереешь охрану, как мы и договаривались раньше.

Эйприл хочет сказать нет. Я вижу это по наклону ее головы. Но голос Элиота жалостливый. Для него это почти извинение.

Мы выбираемся из кареты, и Эйприл дарит нам один долгий взгляд, прежде чем направиться к заднему входу в клуб. Паровая карета Элиота припаркована в конце аллеи.

— Ты должен идти с моей сестрой, — говорит он стражу. — Ей нужна защита. Мы встретимся снова через несколько часов.

Страж, который был с нами в карете кивает и уходит, но с Клуба Распущенности выходят двое других. Я узнаю одного из них — он следил за моим отцом.

— Верные принцу, — бормочет Элиот.

— Сэр, вы не можете... — начинает страж.

Но Элиот уходит. Он толкает меня в карету, ругаясь, потому что двигатель остыл, и,

когда он пытается завести ее, двигатель издает странный скрежет.

Теперь охрана собралась на тротуаре.

— Сэр, вы должны пойти с нами, — начинает один из охранников. И еще несколько их них приближаются. Двое снимают с плеч мушкеты.

— Элиот, они собираются нас убить!

— Нет, не собираются, — под маской его голубые глаза вспыхивают. Он наслаждается сам собой.

Он ударяет по боковой части паровой кареты кулаком, и двигатель приходит в движение с громким ревом.

Солдаты Элиота выходят, чтобы отстоять спор с людьми принца. Элиот улыбается. Один из стражей — тех, что были с нами в паровой карете Эйприл — бьет мужчину, пытающегося остановить нас. И затем мы заворачиваем за угол, и они скрываются из вида.

— Что твой дядя сделает с моей мамой? — спрашиваю я.

— Это от твоего отца зависит. Вне зависимости от обстоятельств, не думаю, что он убьет ее.

— Ты не думаешь, что он ее убьет, — говорю я ровно. — Она должна жить, Элиот. Я должна ей целую жизнь извинений.

— Иногда я думаю, что мы все должны нашим родителям, — Элиот поправляет водительские очки. — Я не вышел из-за шторы, когда моего отца убили. Если бы я сделал это, может, это дало бы ему время, и он смог бы бороться.

— Если бы он жил, мама не стала бы параноиком, и, может, Эйприл не была бы такой саморазрушительной. Но я даже не могу сказать матери, что мне жаль за то, что была таким трусом. Если я скажу хотя бы слово об этом, это посчитают изменой.

— Моя мать так боится принца, что есть вероятность, что она отвернется от меня. Разве не будет забавно, когда меня предаст собственная мать за попытку извиниться?

— Но ты думал об извинениях.

— Конечно, а ты?

Нет, никогда, впервые — два дня назад.

Может быть, Элиот более хороший человек, чем я.

— Мой дядюшка не понимает, как люди умудряются что-либо создавать. Все, что он знает — как разрушать. Твоя мать создает из тишины музыку. Он этим очарован.

Я не знаю, как ответить на это наблюдение, потому просто созерцаю город.

Что-то вспыхивает на тротуаре. Обычно я бы предположила, что этот огонь — попытка создать тепло. Но сегодня это может быть просто случайным актом уничтожения.

— Мы всегда думали о том, почему дядюшка Просперо отпустил твою мать. У тебя был брат, так?

Как он мог не знать вещь, которая определяет всю меня?

— Мы были близнецами.

Элиот не может понять, что это значит, но у него хватает порядочности сказать:

— Я сожалею.

Я борюсь со слезами. Потеря Финна никогда не перестанет ранить.

— Ты уверена, что он умер? — спрашивает Элиот.

— Да.

— Ты уверена, что его не пленили? — когда я качаю головой, он продолжает. — Твой отец годами держал принца в страхе. Но вдруг принц решает, что ему все равно. Либо он

больше не боится твоего отца, либо есть что-то, чего он боится больше.

Элиот берет горсть листовок, но вместо того, чтобы дать их мне, он позволяет им упасть. Но я до сих пор вижу слова ДОЛОЙ НАУКУ, повторяющиеся снова и снова. — Я не хочу жить с еще одной чумой. Это Красная Смерть. Я никогда не хотел видеть... — он указывает на город. Независимо от того, опустилось ли солнце, здания здесь тоскливые и темные. — Я не хочу видеть, как этот город выгорит дотла.

Его голос дрожит. Большинство бы не услышало, но я замечаю.

Он резко поворачивает.

— После того, как мой дядя выпустил нас из дворца, мать попросила меня жить с ней и Эйприл в нашей старой квартире в Башнях Аккадиан. Но там было слишком много воспоминаний об отце, поэтому я жил в квартире в кампусе. Я тогда писал настоящие стихи. Изливал боль в словах. Я был счастлив, пока не осознал, что я — единственный, кто может сделать что-то с ухудшающейся ситуацией в городе. Я могу сделать что-то, чего мой дядя никогда не сможет. Это то, что я должен сделать.

Я удивляюсь, как он может быть таким высокомерным. И почему-то я верю ему.

Когда мы приближаемся к университету, он замолкает. Для меня в этом месте тоже слишком много воспоминаний. Отец в своем белом лабораторном халате. Финн, становящийся на стул, чтобы заглянуть в микроскоп, рассматривая микробов, пока я притворяюсь, что мне не скучно. Я не была тут уже очень давно.

Мы едем мимо купольного здания и ряда белых колонн. Газон университетского городка пышный и зеленый, а на белых зданиях нет граффити. Дома мерцают в позднем послеобеденном свете, а кусты аккуратно подрезаны.

— Люди, живущие здесь, предпочитают проводить большую часть времени за уходом, — объясняет Элиот. — В некоторых зданиях даже проводятся неофициальные занятия. Хотя я думаю, что сейчас они их отменили, — он указывает на сообщения, нарисованное на арочном окне. ИНФЕКЦИЯ БЫЛА СОЗДАНА ТУТ. — Уродство просочилось во все части города.

— Или может уродство в нас. Отец говорил, мы именно такие. Под прикрытием цивилизации.

— Это так непохоже на него. В конце концов, он спасает человечество. Думаешь, он сожалеет об этом?

— Может быть, иногда, — говорю я, по большей части себе, потому что это не то, в чем когда-то признавался отец. — Особенно после смерти Финна.

Элиот паркует паровую карету позади высокого здания и ведет меня по узкой деревянной лестнице в свою квартиру. Внутри каждая поверхность заставлена книгами, за исключением стола возле окна, который изобилует пузырьками и мензурками. Я чувствую волну желания, когда смотрю на остатки в пробирках. С тем, что Элиот придумал, я могла бы забыть обо всем этом ненадолго. Я не уверена, что лежит глубже — мое отвращение к себе из-за желания забыться, или жажда этого.

Сквозь окно я вижу группу молодых людей без масок, сидящих вместе во внутреннем дворе. Я кладу руку на собственную маску. Она холодная на ощупь, будто поздней осенью или зимой. Как прекрасно было бы отказаться от нее, хотя бы на один день. Но я никогда не сделаю этого.

Элиот собирает бумаги со своего стола и стола, стоящего рядом. Он бросает их в большую металлическую миску. Раковина почти черная — это не первые бумаги, которые он

сжигает. Интересно, делал ли он копии тех чертежей, которые я ему дала. Не думаю, что сейчас это имеет значение.

Дым режет мне глаза. Мне нравится эта квартира намного больше, чем та, которую он держит в Клубе Распущенность, но запах дыма напоминает мне сегодняшние события, и я чувствую себя немного больной.

— Я собираюсь пройтись до научного центра, — говорю я. — Ты сможешь видеть меня в окно, если захочешь проверить.

Он ходит взад-вперед, бормоча что-то себе под нос.

— Будь осторожна, — говорит он, поднимая на мгновение взгляд. — Ты хорошо знаешь этот кампус, так?

Я точно уверена, что никогда не обсуждала университет с Элиотом. Я не отвечаю ему, выходя за дверь.

Ветер снаружи холодный.

Раньше научный центр был любимым местом отца. Мы с финном играли у ручья, который пробегал за зданием, пока отец занимался исследованиями в лаборатории университета. Я нахожу этот ручей сейчас, и сажусь рядом с ним, думая, как задать Элиоту вопрос. Как спросить у него о деталях его восстания. Он, должно быть, знает больше, чем рассказал мне.

Я вздрагиваю, когда кто-то кладет руку на мое плечо.

— У меня есть к тебе пара вопросов, — говорю я, удивляясь тому, как я рада присутствию Элиота.

За исключением того, что это не Элиот.

— У меня есть к тебе несколько вопросов, — говорит отец. — И предупреждений. У принца твоя мать.

— С ней все будет хорошо? — я задыхаюсь от слов.

Он садится и кладет свои руки поверх моих. На нем тяжелое пальто, он обрезал волосы и побрился. Так он выглядит моложе и более уставшим.

— Как ты мог не сказать мне? — шепчу я.

— Что ее посадили?

Ненавижу мысль, что Финн умер, веря, что наша мать бросила нас.

— Это был ее секрет, Аравия.

Я отдергиваю руки.

— Она думала, что ваш гнев стоит того, чтобы защитить вас обоих. Не было правильного ответа. Ты чувствовала, что поступаешь правильно, когда воровала планы из моей лаборатории? — когда он кладет руку обратно на мои, возникает чувство, что я никогда их не убирала. — Легко не бывает, я знаю, — его голос невозможно грустный.

— Прости меня, — это выглядит неадекватно, и, так или иначе, излишне. Я волновалась за него. — Как ты скрывался от принца?

— Лучше тебе не знать, но я не позволю принцу Просперо посадить меня за решетку без борьбы.

Борьбы? Мой отец — самый мирный человек из всех, кого я знаю.

— Элиот хочет, чтобы я пошла с ним в плаванье, — ветер срывает мертвые головки одуванчиков, такие пушистые, которые дети любит сдувать и загадывать желание. Отец однажды был в восторге по поводу возможностей парохода.

— Мне уже нечем торговаться. Племянник принца, может быть, единственный, кто может защитить тебя сейчас. Держись подальше от принца и религиозных фанатиков. Уходи, убирайся из города.

— Но...

— Аравия, у меня есть вопрос к тебе, — перебивает он. — Самый важный вопрос из тех, которые я когда-либо задавал.

Я наблюдаю за голубой рыбой, носящейся туда-обратно в течении.

— Ты когда-нибудь была по-настоящему счастлива? Могла быть? — Как это может быть самым важным из того, что он спрашивал?

Я хочу сказать да. Этим утром, в квартире Уилла. Я сказала бы да, но в мыслях постоянно вижу Генри, падающего на землю, трещину на его маске. Я ничего не говорю.

Отец вздыхает. — Так что твой ответ — нет.

Нет — это слишком окончательно. Я хватаю его за руку, как, возможно, делала в детстве, до...

— Я не знаю. Произошла чума. — Мой голос прерывается на слове чума.

— Произошла чума, — соглашается он.

— И мы потеряли Финна.

— И мы потеряли Финна.

Мама говорила, что он должен верить во все хорошее в мире, поэтому я пообещала

никогда не говорить ему. Я не могла отмыть кровь Финна со складок между пальцами, неважно, сколько мыла использовала. Но я хранила секрет.

— Ты дала мне ответ, который был мне нужен, — говорит отец.

Но я дала неправильный ответ. Страх накрывает меня. Я сильнее запахиваю пальто Уилла и стараюсь придумать способ сказать ему, что я могу быть счастлива, я буду счастлива, но не нахожу слов. Когда отец снова начинает говорить, его голос низкий и спешный.

— Что бы ни случилось, помни, что я люблю тебя. И мама любит.

Я могу чувствовать, как он отталкивает меня, и хочу вцепиться в него. Но мы никогда не были так искренни.

— Не снимай маску, какой бы ни была причина, — он вручает мне пузырек, заполненный прозрачной жидкостью. — Если попадешь в неприятности, выпей половину содержимого, а вторую отдай человеку, которого больше всего любишь.

Я начинаю спрашивать, что это, как действует, спрашивать, что он знает о Красной Смерти, но прежде чем успеваю, кто-то хватается за меня сзади.

— Так ты нашла его, — говорит Элиот. Одной рукой он держит меня, в другой зажат нож.

— Я не находила его, — задыхаюсь я, пытаюсь выяснить, о чем он думает и что делает. — Он нашел меня.

Если Элиот предполагал, что я хочу разыскать отца, возможно, я предала папу? Снова?

— Мой дядя хочет твоей смерти, — говорит Элиот Отцу.

Я ударяю его ногой, и он отпускает меня. Глядя на отца, он перебрасывает нож из руки в руку.

— Я знаю, — отец стоит, и в первый раз за столько лет я вижу папу-героя из моего детства. Папу, который не ошибается. Он герой для многих людей, но никогда не был таким для меня, особенно после смерти Финна.

— С кем ты работаешь?

Отец удивленно моргает.

— Я ни с кем не работаю. Я вообще не работаю. Я скрываюсь, — глаза отца впиваются в глаза Элиота, и я не могу сказать, верит ли ему Элиот. И верю ли я.

— Мне нужно знать как можно больше о Красной Смерти.

Отец одаривает Элиота взглядом, который он приберегает для особо глупых людей. Я вижу, что Элиот так сильно сжимает нож, что его суставы белеют.

— Пожалуйста... — начинаю я, пытаюсь найти способ остановить это.

— Это вирус, — голос отца низкий и недружелюбный. — Маски помогают, но они не гарантируют иммунитет. У меня есть много записей о болезни. Ты можешь прочесть их, если думаешь, что информация будет полезной. Они в дневнике, который я вел, когда изучал различные болезни. Он спрятан в третьем ящике моего стола.

Дневник не в его столе. Он в кармане моего пальто, а мое пальто в шкафу Уилла.

— Я хочу эти записи, — говорит Элиот. Он делает шаг назад, будто пытаюсь казаться менее угрожающим. — Их достаточно?

— Ничего не может быть достаточно. Но я записал все, что знаю.

— И туда включены сведения, которые заставили моего дядюшку приказать своим охранникам убить тебя, как только окажешься в поле зрения?

Отец смеется. — В данный момент обвинения бесполезны, разве ты не согласен?

Элиот в течение долгого времени смотрит на отца.

— Не для Аравии, — говорит он. — Ты хоть рассматриваешь...

Пуля летит мимо моего лица и попадает в стену научного знания, осыпая нас кусочками красного кирпича. Я приглушаю крик. Элиот хмурится и поворачивается, а отец начинает бежать. Не глядя, я хватаю его за рукав пальто.

— Отец, я...

— Солдаты идут, — говорит он. — Они следовали за нами. Они убьют меня, — просто глядя на меня, говорит отец. Я ослабляю хватку, чтобы отпустить его, и он вырывает пальто, выводя из равновесия меня и Элиота. Солдаты окружают нас, их мушкеты нацелены на отца.

— Нет, — Элиот поднимает руку. Солдаты направляют заряженные мушкеты вверх.

— Почти все солдаты города теперь лояльны ко мне, — говорит он. — Но некоторые все еще обращаются к моему дяде за награждением. — Элиот поворачивается к мужчине, который направил свой мушкет на нас.

— Разберись с ним, — говорит Элиот другому солдату, которого я узнаю. С этим человеком я разговаривала в темноте холла Аккадиан Тауэрс. Кажется, будто с тех пор прошли годы.

Он коротко кивает мне в признании и потом спрашивает:

— Ты получил от него, что хотел?

Элиот пожимает плечами:

— Пока достаточно. Ты мне нужен, чтобы исчезнуть еще на несколько дней.

— Конечно.

Элиот отводит меня в сторону.

— И ты думала, я играю на революции? — Его светлые брови почти касаются длинных волос, нависающих надо лбом. — Нам действительно нужно было идти. В моей квартире было слишком много доказательств, поэтому я устроил небольшой пожар. Только он вышел из-под контроля. — Он улыбается. — О, у меня есть кое-что для тебя.

Два подарка: один от отца, второй от Элиота.

Он протягивает мне свой кинжал, тот, что с ручкой из слоновой кости. Тот, с которым он играл во время разговора с отцом.

— Спрячь его в своем ботинке или под юбками. — Его взгляд ходит вверх-вниз по моему телу. — Не то чтобы у тебя есть, где прятать.

Я нервничаю, но беру кинжал.

— Нам действительно нужно сейчас уходить, пока ничего не взорвалось.

Воздух густой и тяжелый, как будто город надвигается на нас. Элиот поднимает меня в свой вагон. Нам пора уходить.

— Почему ты ненавидишь моего отца?

— Я не ненавижу его.

Не могу сказать, лжет ли он. Прежде чем я могу задать больше вопросов, мы сворачиваем за угол, и Элиоту приходится отклониться, чтобы избежать удара о черную телегу, стоящую на середине дороги. Тонкая рука свисает с нее, белая и мягкая.

— А где... — затем я вижу одного из собирателей трупов, прямо посреди дороги. Кровь расчерчивает его лицо.

— Другой, вероятно, тоже мертв.

Тон Элиота невозмутимее, чем его руки, управляющие каретой. — Люди умирают. Прямо как прежде. Это путешествие может оставить нас в живых, а затем, когда мы

вернемся, я планирую удивить дядюшку.

Но кто сохранит в живых Уилла и детей?

Я ожидаю увидеть тела в повозке другого собирателя трупов, мимо которой мы проезжаем, но вместо этого, в заброшенном дверном проеме вижу девушку.

— Не смотри, — говорит Элиот. Его лицо приобретает какой-то нездоровый зеленый оттенок.

Она лежит, наполовину высунувшись на улицу, и ее юбки, разорванные и распотрошенные, совсем как мои, подняты вверх на уровень ее талии.

Я с трудом сглатываю и отворачиваюсь.

Элиот набирает скорость, пока мы едем в район Развала, и затем сворачивает, чтобы остановиться перед клубом. Мое лицо ударяется о бок кареты, и я кладу руку на маску, чтобы убедиться, что она цела.

— Позади кареты два меча, — говорит он. — Возьми один. Я собираюсь научить тебя владеть им. Ты никогда не закончишь жизнь как та девушка. Особенно, если я могу что-то сделать, чтобы с тобой такого не произошло.

Он открывает двойные двери в передней части клуба и ведет меня в невероятно громадную комнату с золотыми потолками и фресками в виде драконов, кормящихся внутренностями рыцарей. Ковры красные, того же самого оттенка, что и окровавленные кишки на рисунках.

— Не знала, что здесь есть комната.

— Это бальный зал, — говорит он.

Это прямое нарушение моей клятвы. Финн бы никогда не стал учиться драться мечом. Но, я знаю, хотел. Когда мы были маленькими, он фехтовал деревянным мечом, который подарила ему мама. Рукоятка была разукрашена золотом, но Финн так часто играл, что краска облупилась.

Финн бы никогда не стал делать такого. Но я могу.

Элиот усмехается.

— Я не столько стану учить тебя тому, как драться, сколько тому, как выглядеть умеющей это делать. Встань тут, — он хватается мое плечо и тянет назад. — Держи меч вот так.

Углы комнаты темные и далекие. Декорированный балкон протянулся по всей длине комнаты.

— Держи меч крепко, — говорит он. — И старайся оставлять его в вертикальном положении, даже если я сильно ударю.

Я хватаю рукоять и стискиваю зубы, готовясь к его удару.

— Ты можешь снять здесь маску, хотя ты и так это знаешь.

— Я ее оставлю, — говорю я. — Ее ношение не причиняет мне неудобства, это будет мое преимущество.

— Тебе понадобятся все возможные преимущества.

Элиот кружит меня. У него невероятно легкий шаг, и он тоже остается в маске. Крошечная победа.

— Если ты снимешь маску, полагаю, я стану интерпретировать это как сигнал о том, что ты уже готова для поцелуя. Как сегодня в парке. С Уиллом.

— Я не...

Наконец, он атакует. Это не столько ранит, сколько сотрясает. Я ровно держу клинок,

между нами с Элиотом поединок взглядов.

— Прости, что прерываю момент. А что случилось с бриллиантовым кольцом, которое я тебе дал?

Я оставила его на кухонном столе Уилла.

Внезапное понимание, что на моем пальце ничего нет, заставляет клинок дрогнуть. Его лезвие соприкасается с моим очень мягко. Он оскорбляет меня своим смирением.

Мы боремся в тишине, если не считать эха от ударов его клинка о мой. Оно звенит по всей комнате, но не наши голоса. И наши шаги, когда мы ступаем от бело-золотой орнаментированной плитки к красному ковру и обратно, тихие. Мои руки пульсируют. Элиот бьет, а я блокирую.

Солдаты собираются на затененном балконе, наблюдают.

— Элиот, — мой голос жалобный, и я ненавижу себя за это. — Я знаю тебя не больше, чем в ту первую ночь в саду.

Его клинок устремляется ко мне, и я падаю, запутавшись в собственных ногах.

— Оставайся сосредоточенной! Держи запястья вот так, — он немного поворачивает мои запястья. — Если хочешь сохранить это положение, тебе нужно укреплять руки.

— Я могу укреплять, если нужно.

Он ударяет снова, и я бы вскрикнула, но вижу злость в его глазах.

— Это хорошо, — говорит он. — Всегда действуй уверенно, это оттолкнет твоих противников.

— Всегда действовать уверенно, — повторяю я. — Как ты.

Мои ноги скользят по полированному полу, руки начинают неметь.

— Тогда, на лодке, я раскрылся перед тобой больше, чем за всю жизнь перед кем-либо, — он крутится и вращается, машет в мою сторону мечом, рисуясь.

— Ты держал меня над водой, полной крокодилов, — я ударяю по его клинку своим, сильно. Он улыбается и дарит мне легкий кивок.

Он поднимает меч, и я готовлюсь к новому замаху. Не думаю, что Элиот так же изнурен, как и я, но он не делает следующий выпад.

— Я сказал, что влюбился в тебя.

Кто-то зажигает канделябр над нами, и привычные тени начинают колебаться. Темнота расступается, и все вокруг окрашивается в красный и золотой.

— Любовь подразумевает доверие. Ты сказал не доверять тебе, — наконец произношу я.

— Ты доверяешь Уиллу?

— Уилл тут вообще не при чем.

— Помнишь брошюры, которые я показывал тебе? Бумаги, разбросанные по карете Эйприл? Здесь, в подвале, есть печатный станок, который не будет работать сам. Думаешь, он печатает подстрекательские брошюры за дополнительную плату, или у него есть собственный план? — он ждет вспышки обвинения. — В любом случае, я хочу, чтобы ты держалась от него подальше.

— Ты не можешь диктовать мне, что делать.

Он стоит около меня. Слишком близко. Я могла бы ударить его мечом, если бы хотела.

— Я забочусь о твоей безопасности.

Я поднимаю меч. Элиот разворачивается и выбивает его из моих рук. Затем он наклоняется, берет за рукоять и отдает мне его обратно.

— Хочешь знать, как я стал таким хорошим бойцом?

Поднимаю брови. Он может это интерпретировать, как хочет.

— Положи меч. Я знаю, что ты измотана. Мой дядя нанял инструктора, чтобы тот меня учил. Сперва я был медлительным и слабым, поэтому мой дядя вынуждал меня сражаться в его тронном зале. Против его солдат. Каждый раз, когда я проигрывал, он казнил того, кого я считал другом. Других мальчиков из замка, тех, с кем я играл в карты. Однажды — просто ребенка, который засмеялся над одной из моих шуток. Затем преподавателей, людей, которые были ко мне добры. Он убил всех, одного за другим.

Элиот шагает, пробегая одной рукой по волосам, в то время как второй сжимает меч, который кажется продолжением его руки. Он проходит мимо канделябра, и его лицо перемещается из тени к свету, и обратно в тень.

— Я совершенствовался и иногда выигрывал. Но мой дядюшка настаивал, чтобы я сражался насмерть каждый раз, — он наклоняется и дотрагивается до меня кончиком меча — точно там, где сердце.

Я стою так неподвижно, как только могу, потрясенная его историей, мне неуютно, так как он изменил положение. Боль в его глазах превращается во что-то иное.

— Я никогда не завожу друзей, — говорит Элиот. — Из страха, что их потеряю. Еще один или два стежка разойдутся, и твое платье упадет, — он играет с кружевом моего платья, кончиком меча, скользя по корсету.

Он роняет меч и шагает ближе, пока его тело не касается меня. Я придерживаю обрывки платья, мои руки создают крошечный барьер между нами.

— Эйприл говорит, что моя неспособность доверять делает меня слабым. Поэтому я собираюсь все тебе рассказать. Я все еще не знаю, как Мальконтент собирается отобрать город у Просперо, но я готовился встретить его в течение многих лет. У меня есть войска — стражи принца и натренированные солдаты. У них есть семьи. Они живут в этом городе и знают, как принцу наплевать. Они поклялись бороться за меня. Теперь, с картой туннелей, мы сможем двигаться, оставаясь невидимыми.

Его дыхание теплое рядом с моими волосами, его маска внезапно отсутствует. — Мы уйдем на пароходу, но вернемся через два дня. Мои люди есть по всему городу. Но только моему дяде и его приближенным нужно беспокоиться о кровопролитии. Мы будем раздавать маски, и обеспечивать едой бедных. Последователи этого преподобного могут быть проблемой, но у них нет армии. В конце концов, мы привлечем его людей на нашу сторону. Покажем им, как жизнь в городе может быть улучшена, — он улыбается. — Мы начнем восстановление.

— Ты нужна мне рядом, — продолжает он. — Сначала я хотел, чтобы ты была рядом, потому что ты дочь ученого, а он был героем. А теперь... просто мне нужно, чтобы ты в меня верила.

— Я помогу тебе, — говорю я. — Сделаю все, что смогу.

Блики пляшут на полу вместе с движением света люстры. Я с удивлением понимаю, что Элиот симпатичный. И благородный. И смертельно опасный.

— Спасибо тебе, — говорит он.

Он протягивает мне пальто Уилла, я благодарно влезая в него, и в этот момент остатки моего платья падают на пол.

Солдаты на балконе выстроились в приветствии, и Элиот толчком открывает двойные двери бального зала, выводя меня. Интерьер клуба темный как никогда.

— Привет, девушка с фиолетовыми волосами, — хрипит пожилой мужчина. Он стоит в

затененном холле.

— Привет, — отвечаю я. Когда Элиот стоит позади меня, я не так боюсь. Элиот игнорирует его, пока пожилой мужчина направляется к нам.

— Мы хотим ехать во дворец, — говорит он Элиоту. — Скажи своему дяде, это место больше не... — он останавливается и облизывает губы. Его язык как у ящерицы, вообще-то, все его лицо как у рептилии. — Удовлетворительно.

— Думаешь, я это услышал? — спрашивает Элиот.

Мужчина мрачно усмехается.

— Если бы он хотел убить тебя за измену, то уже бы это сделал.

— Не думаю, что мы должны оставаться привязанными к принцу, который не обращает внимания на убийства, — говорит Элиот.

Пожилой мужчина хрипит.

— Мой дядя может быть в городе при запуске корабля, — говорит Элиот. — Если так и будет, я передам ему твои слова. — Он кивает, отпускает мужчину и берет меня за руку.

Мы поднимаемся по лестнице, но когда я оборачиваюсь и бросаю взгляд назад, пожилой мужчина смотрит на нас.

Я иду за Элиотом вниз по темному коридору, который ведет к его частным комнатам. Уилл говорил, что они были разграблены, но, полагаю, горничные все убрали. Он проводит меня к ванной комнате. Кровать аккуратно заправлена, а Эйприл разложила кругом несколько платьев.

Элиот останавливается в дверях.

Я тоже останавливаюсь.

— А что с твоим дядей? — спрашиваю я. — Что будет делать он, когда ты перестроишь город? Как ты его остановишь?

Он вздыхает. — Я решил захватить дворец. У него есть запасы золота, пищи и вещей, которые нам необходимы. Но, думаю, было бы лучше начать с как можно меньших кровопролитий, с этой новой чумой, с Красной Смертью. Мы уберем его солдат, и у него не останется никакой реальной власти. В конце концов, мы отберем у него то, что он украл у народа.

Я изучаю лицо Элиота. Его план находит во мне отклик, но я встречалась с его дядей, и боюсь того, что он может сделать.

— А моя мама?

— Мы ее спасем. У меня есть люди во дворце. Я ее тебе верну.

Он все еще серьезен, но больше не встречается со мной глазами.

— Мы убьем его, — шепчет он. — Мы убьем его сегодня ночью, но Красная Смерть изменит все. Он не вернется в город до тех пор, пока тут не будет безопасно, а тут никогда не будет безопасно для него. — Он откашливается и возобновляет речь своим постоянным тоном. — Мне нужно встретиться кое с кем из моих людей. Увидимся через два часа, — говорит он.

— Обещаешь? — может быть это по-детски, но мне нужны его заверения.

— Да, — он колеблется, и на одно мгновение мне кажется, что он может меня поцеловать. Но вместо этого он выпрямляет статуэтку дракона на декорированном краю стола.

— Элиот? Когда мы окажемся на корабле, ты будешь продолжать меня учить? Драться мечом.

— Да, — его голос мягок. — Сделай себя красивее, — он останавливается в дверях. — Намного красивее, — поправляется он и уходит. Затем я слышу щелчок двери позади него. Сколько доверия, а ведь он меня запер.

Эйприл жестом показывает мне следовать за ней в альков, переоборудованный под гардеробную. Она приходит вскоре после ухода Элиота. Я не уверена, как она попала внутрь.

На Эйприл платье с длинными рукавами. Я никогда не видела, чтобы ее одежда закрывала руки, особенно в помещении.

— Разве эта гардеробная не прекрасна? Если мы будем последними из живых людей в городе, мы можем поселиться здесь с этими платьями и примерять их одно за другим.

— Это было бы... занимательно, — говорю я.

— А у Элиота есть книги. И если мы останемся последними людьми на Земле, вы с ним сможете читать друг другу стихи.

— Пока ты примеряешь все свои платья?

Она встречается с моими глазами в зеркале и хмурится. Знает, что я высмеиваю ее планы. Легкомысленное выражение с ее лица стирается.

— Подозреваю, что я умру, — говорит она, изучая собственные кроваво-красные ногти.

— Скажи мне, что мы проживем еще несколько следующих недель, Аравия. Пожалуйста.

Не знаю, как мы перешли от игривости к серьезности, но она бледнеет, и глаза у нее огромные. Она в ужасе.

— Прямо передо мной умер мужчина. Он шел, затем споткнулся и задрожал. Он выглядел ужасно. Сумасшествие. Кровь брызнула из его глаз. А затем он умер. Аравия, он шел и нормально выглядел мгновение назад.

Она плачет о человеке, которого никто из нас не знал.

— Прежде чем он умер, его слюна брызнула на мою обувь. Мне пришлось попросить одного из охранников принеси мне другую пару. И теперь наши слуги умирают, как дома, так и в клубе.

Она толкает меня к зеркалу, и я изучаю свое отражение. Фиолетовый цвет почти смылся с волос, в остальном я до странности привычная.

— В конце концов, это не имеет значения, не так ли? Никого не волнует, во что мы одеты или как выглядим, — Эйприл отворачивается от зеркала. За все годы нашей дружбы я никогда не видела, чтобы она отвернулась от зеркала.

Если бы не грянула чума, это имело бы значение. Люди бы беспокоились, во что Эйприл одета, и с кем она будет танцевать.

— Даже мне на это уже плевать, — продолжает она. — Я просто хочу остаться в живых. И чтобы вы с Элиотом остались в живых.

— Ты и раньше видела, как люди умирают.

— Но не так, — она убирает волосы с моего лица и открывает блеск. Это напоминает мне ночь, когда Уилл сказал, что мне стоит наносить серебряные тени, так как на мне это будет смотреться лучше.

Она подводит мне глаза чем-то жидким и темным. Ее руки не дрожат. Я отодвигаюсь, чтобы посмотреть ей в лицо, но она фокусируется на моих скулах.

— Говорят, с нами всеми будет покончено, — говорит она.

Паника поднимается изнутри меня. Флакон, который дал мне отец, кажется, весит целую тонну.

— Когда это началось, Эйприл? Когда появились первые жертвы болезни?

— Два дня назад.

Я позволяю себе выдохнуть, хотя не осознавала, что задержала дыхание.

— Люди говорят, что это конец. И нет способа бороться. Некоторые идут в церковь и молятся, а некоторые... атакуют девушек на улицах. Моя дядя не заботится о защите людей, — она наносит блеск на мои брови.

Элиот хочет защитить людей. Он заботится. Но он не планировал новую болезнь, и он защитит нас от нее. Вот почему он позволил моему отцу жить, почему он хочет его внимания.

— Аравия, мне страшно. Я слишком молода, чтобы умереть.

Это эгоистично. Тысячи людей моложе нее умирают. Она живет лучшей жизнью, чем они. Но это искренне. Она боится. Она — мой самый близкий друг. Я ее обхватываю руками.

— Я тоже не хочу умирать, — говорю я мягко.

Она возвращает мне объятия.

И мы стоим так. Моя щека прижата к ее плечу. Я хочу ей все рассказать — об Уилле, о родителях.

— Когда я встретила тебя, ты собиралась спрыгнуть с крыши.

— Я об этом думала.

— Я спасла тебя, — говорит она.

Она права.

— Если бы у меня была сестра, я бы хотела, чтобы она была совсем как ты, — говорит она.

Я должна дать ей половину флакона, что подарил мне отец. Она смотрит в зеркало и мягко смеется.

— Прости, я не хотела тебя смутить.

Прочищаю горло. Но я ждала слишком долго — она отодвигается. Я тянусь к своему карману.

Мы одновременно оборачиваемся друг к другу.

— Эйприл...

— Это платье уберет из твоих глаз зелень.

Мои глаза не зеленые. Она показывает мне на корсет глубокого зеленого цвета, притороченному к рваной юбке.

— Дядя Просперо его возненавидит, но ты будешь выглядеть неподражаемо, — говорит она.

Ее смущение передается мне. Я не знаю, как сказать ей о флаконе. Потому говорю просто:

— Спасибо, — хотя и непонятно, за что я ее благодарю.

— Я собираюсь в путешествие тоже, — говорит она. — Принц хочет оставить меня здесь, но я не позволю.

— Поедем вместе.

Она обнимает меня. Мы сегодня обнимались больше, чем за все время знакомства.

Эйприл идет к двери и отпирает ее. Двое стражей ждут ее в коридоре. Секунду спустя я слышу, как щелкает замок.

— Прости, — кричит она из-за двери. — Элиот велел тебя запереть для твоей же безопасности.

Скалю зубы, довольная, что не предложила ей половину моего драгоценного флакона.

Как они вообще смеют меня запирают в этой комнате?

Я сажусь и опираюсь подбородком на руки, осторожно, чтобы не повредить прическу или макияж.

Надо найти что-нибудь выпить, может, воды, прежде чем я надену зеленое платье, но, когда я иду к раковине, кто-то хватает меня и закрывает мне рот ладонью, чтобы я не смогла кричать.

Я не борюсь, и его хватка ослабевает настолько, что я могла бы укусить. Но я не кусаю. — Ты не закричишь? — я чувствую его дыхание у самого уха.

Я качаю головой, и он отпускает.

Уилл одет в тот же костюм, что и утром. Его волосы в большем беспорядке, чем я когда-либо видела, а лицо непроницаемо.

Я не могу не думать о тех напечатанных листовках. Это очень забавно, если эти памфлеты, осуждающие богатых, печатались здесь — в Клубе Разврата. Но это не забавно, потому что, если он ненавидит богатых, то где же он отводит место... нашей дружбе?

— Я знаю, что ты собираешься ехать с ним. Я не пытаюсь тебя отговорить, но перед отплытием еще есть время. Пойдем со мной, ненадолго.

Я сомневаюсь.

— Если я могу пробраться в эту комнату, то и другие могут, — он многозначительно смотрит на потолок. Он прав — те люди наверху не сильно любят Элиота. — Ты будешь в большей безопасности со мной.

Он хватает мою руку и тянет меня к двери.

— Стой! — говорю я, и он останавливается, хотя видно, что ему нелегко это дается, его тело буквально рвется вперед. — Я... на мне ничего нет... под пальто, — я не могу опознать выражение его лица, потому что просто спотыкаюсь на месте. — Элиот изрезал мое платье мечом.

И он хмурится. Ничего не говорит.

Я поднимаю зеленое платье с кровати и надеваю его, все еще одетая в пальто. Как только платье на своем месте, я сбрасываю пальто и сражаюсь с крючками.

— Позволь тебе помочь.

Я позволяю.

Я должна предложить ему его пальто назад, но я так сильно хочу иметь что-то от него. Я надеваю его. Он ведет меня через дверь, закрывая ее за нами. Мы проскальзываем по коридору и покидаем Клуб Распущенность через заднюю дверь. В переулке пахнет странно. У нас на пути лежит накидка. Кто-то, должно быть, уронил... моя нога попадает во что-то плотное, и я задыхаюсь. Туфли, которые я обула, имеют открытые носы. Я смотрю вниз на мертвое тело. Уилл приподнимает меня над трупом.

— Люди умирают, — его голос испуганный.

Мне нравится, что он не притворяется, будто не боится смерти.

Мы пересекаем улицу к бывшему кирпичному заводу, который теперь клуб Морг.

— Это место не принадлежит принцу, — объясняет он. — Верхние комнаты, вероятно, не будут сегодня открыты в связи с его указом, но подвал всегда работает.

Уилл ведет меня по узкой лестнице вниз и через деревянную дверь, которая окрашена в красный.

Внутри, темная и прокуренная комната, заполненная телами. Я стою немного позади Уилла, когда он наклоняется, чтобы поговорить с барменом. Он выпивает порцию странного ликера и затем толкает стакан обратно через бар. Бармен наполняет его, не глядя на Уилла. Это впервые, когда я вижу, что Уилл пьет.

Мой пульс ускоряется, когда кто-то жестикулирует мне, предлагая таблетки. Я игнорирую предложение. Мне необходимо полностью отдавать себе отчет, хотя моя голова уже начала пульсировать.

— Так это конкурент Клуба Распущенность, — говорю я, пытаюсь переключить его внимание на себя, вместо дна стопки.

Тела давятся, здесь переполнено. Голые плечи и руки, видимые над открытыми вырезами платьев, напоминают мне о накидке в переулке. Я не позволяю себе думать о девушке на входе. Это легко — достаточно сказать, что все эти люди живы. Они воняют потом и страхом смерти.

Бармен толкает еще пару напитков по стойке, и я быстро хватаю один. Я пригубляю алкоголь. Он обжигает. Не могу поверить, что Уилл пьет столько этой гадости, еще и так быстро.

Мои глаза выхватывают парочку в углу. Девушка ногами обхватывает парня, двигаясь вместе с ним, но затем я замечаю, что они носят свои маски. Каким-то образом поцелуи стали более интимными, нежели все остальное.

Уилл просматривает комнату. У нас с ним не так много времени вместе, и я хочу уйти из этого места.

Молодой мужчина приближается, появляясь из дыма. Его очки отражают огоньки сигарет, которые курят люди позади нас.

— Успешно? — спрашивает Уилл.

— Да. Но ты мне должен. Ты пьешь?

Я распознаю Кента, парня, который таинственным образом встречался с моим отцом, и который спас меня от яда принца. Я не уверена, что хочу, чтобы он видел меня здесь и сейчас с Уиллом.

Уилл бросил немного денег на барную стойку и положил свою руку на мою. Мой взгляд переместился на пару в углу. Голова девушки отброшена назад. Завидую ее энергии. Она не думает о людях вокруг нее, в этой ужасной клаустрофобичной комнате. Я готовлюсь к зрительному контакту, связи, как в тот раз во время дождя с девочкой. Но ее взгляд проходит мимо моих глаз. Похоже на удар в лицо.

Уилл скользит рукой по моим плечам, но менее уверенно, чем обычно.

— Мы собираемся подняться на крышу, — шепчет он. — Идем, — его торопливость передается мне.

Трое из нас поднимаются на пять лестничных пролетов. Уилл обнимает меня на первом пролете, и его рука что-то делает с волосами у основания моей шеи. Это делает мои колени слабыми, что очень мешает подниматься.

И вот мы на крыше. Уилл ведет меня к огромной корзине, достаточно большой для нас обоих. Это знаменитый воздушный шар района Разврата.

— Мой брат всегда хотел покататься на воздушном шаре.

— Ну, тогда ты должна сделать это ради него, — мягко говорит Уилл. Это полная противоположность того, как я поступала после потери Финна. Идея жить ради Финна чуждая и увлекательная.

Кент обходит вокруг воздушного шара, останавливаясь, чтобы осмотреть что-то.

— Веревка, удерживающая его, присоединена к шкиву. Если захотите снизиться, нужно будет выпустить часть воздуха, иначе я потяну шар вниз сам. У вас пятнадцать минут.

На крыше есть что-то еще. Что-то огромное, под гигантским бежевым брезентом,

которое выглядит как палатка, за исключением того, что она перевязана.

Кент видит, что я смотрю на это и вспыхивает.

— Что это? — спрашиваю я.

— Просто эксперимент, — говорит он. Я распознаю тон. Такой же у отца, когда он на половине чего-либо. Когда он не уверен, заработает ли идея, и не готов об этом говорить.

Я стою неприлично близко к Уиллу, и знаю, что должна сделать шаг назад, но не могу даже ради соблюдения приличий.

— Это Кент, — говорит Уилл. — Он постоянный житель этого шара.

— Приятно познакомиться, — нет причин указывать, что мы уже знакомы.

Я не протягиваю руку для пожатия. Мы перестали это делать годы назад, в связи с заражением, обе мои руки на рубашке Уилла, прижатые к нему, словно, если я отпущу, он может испариться.

Кент дарит мне кивок.

— Приятно, наконец, познакомиться, — он играет, как и я. — Уилл о тебе говорил.

— Ты готова? — спрашивает Уилл.

Он ждет моего ответа, а затем поднимает меня в корзину и забирается следом. Воздушный шар поднимается достаточно быстро, что на мгновение я пугаюсь. Уилл откашливается.

— Весь день я думал о выражении твоего лица, когда ты уходила. Знаешь, маска Генри все еще работает. Но ты выглядела такой потерянной. Такой безнадежной.

Я не хочу говорить, что значит быть потерянной или безнадежной.

Крыша клуба уже далеко под нами. Я могу увидеть гавань и ее огни. Толпы людей спешат туда.

Мой желудок болит, прямо как тогда, когда мы с Финном катались на качелях в парке. Из-за всплесков надежды еще труднее жить с отчаянием.

— Однажды я подумал, что никогда не встречал никого настолько суицидального. Но у тебя есть причины. Вот почему я забрал тебя домой.

— Вместо того, чтобы оставить меня умирать?

— Вместо того, чтобы оставить в дверях госпиталя. Я видел, как ты изменилась. Тогда, утром, словно весь свет погас.

Я плачу. Я не заслуживаю счастья. И если я его обрету, то не смогу сохранить. Город сверкает сквозь мои слезы. Я их вытираю тыльной стороной ладони.

— Здесь так спокойно, — шепчу я.

— Да, — он откидывает темные волосы с лица. — Мы можем снять маски. На такой высоте это безопасно.

Я не осмеливаюсь спросить, уверен ли он, потому что если он будет колебаться, я не смогу совладать с нервами и рискнуть.

Я снимаю маску. Это действие кажется более откровенным, чем снятие платья. Возможно, потому что на лице у меня слезы. Он осторожно берет у меня из руки маску и кладет ее на пол корзины, а свою — вверх.

Отсюда невозможно почувствовать запах упадка города, невозможно увидеть, что все разваливается на части.

— Это то, что я хотел, чтобы ты увидела, — говорит он. — Отсюда виден весь город. Посмотри на улицы, на каналы. Посмотри на шпили церквей.

— Он прекрасен, — говорю я. Но в действительности я думаю не об этом. Город

великолепен, когда ты от него далеко. Я не хочу назад.

В гавани новый корабль выглядит соблазнительно. Кода мы отчалим, нам придется лавировать между сгнившими судами.

— В этом мире есть хорошее. Мы построили этот город. Он красивый и чудесный.

Он не убеждает меня, что в этом мире осталась красота, но я счастлива, что он хочет меня убедить.

Он сильно прижимается ко мне, крепко сжимая корзину по бокам. Должно быть, сложно повернуться, но я делаю это без особых усилий. Он обвивает меня руками, и каким-то образом мои руки оказываются в его волосах, а его губы напротив моих. Мы целуемся так, будто это единственный способ остаться в живых.

Корзина легко покачивается, и мы вздрагиваем. Я открываю глаза и смотрю на него. Он красивый. Абсолютно красивый с его закрытыми глазами, откинувшись на корзину. Не открывая глаз, он прижимает меня к себе.

— Уилл?

Он целует меня в висок.

— Я хочу остаться здесь наверху навсегда, — шепчет он.

Мы снова целуемся, и я чувствую, что тону. Вот что Эйприл имела в виду, говоря, что я что-то упустила. Это не так грязно, как я думала. Его руки в моих волосах, на моих плечах и спине, и я чувствую себя лишенной костей и слабой. Клятва, которую я дала, и даже Финн, кажутся такими далекими.

Шар ныряет вниз и немного снижается.

Кент уже опускает нас.

— Спасибо тебе, — говорю я.

— Ты будешь помнить, что есть причины жить, есть как минимум несколько порядочных людей, и этот мир некоторую часть времени ценен?

Я поднимаю к нему лицо, хочу еще одного поцелуя, но он меня останавливает.

— Ты будешь помнить?

Шар ныряет вниз снова. Его глаза все еще закрыты.

— Почему ты не открываешь глаза?

Он открывает один и секунду на меня косится

— Я боюсь высоты, — говорит он.

Шар снижается еще раз.

— Нам нужно надеть маски, — он кладет дрожащую руку на мою щеку и снова целует. Шар быстро падает.

— Мне нужно кое-что тебе сказать, — говорит он мне в волосы, и затем я слышу взрывы, и задыхаюсь.

Красные, желтые и голубые огни взрываются над гаванью.

— Фейерверки, — вдыхаю я. Они взрываются над Дискавери, и я слышу, как люди хлопают в ладоши. Я видела фейерверки только один раз в жизни, на праздновании в этой же гавани, когда была маленькой. Даже отсюда я могу слышать реакцию толпы.

Я пытаюсь осмотреть гавань, но мы с Уиллом переплетены. Очередной залп фейерверков взрывается над нами. Пахнет резко и неприятно, а звук поражающий — слишком многое в этом городе взорвалось и сгорело.

Он протягивает мне маску, я беру и надеваю ее.

Мы освобождаемся из объятий друг друга и выходим из корзины на крышу.

— Кажется, праздник начался рано, — говорит Кент. — Его Величество, должно быть, обнаружил, что некие религиозные фанатики планируют сорвать его вечеринку.

Вид с морга не был таким ясным, как с воздушного шара, потому что мы были довольно далеко, но мы могли видеть толпу, отделяющуюся от группы солдат.

— Сейчас прибудет принц, — говорит Уилл.

— Сомневаюсь. Если есть хоть намек на опасность, он будет держаться в стороне. — Кент хмурится и оглядывается на брезент, покрывающий половину крыши.

— Я должна быть там, — говорю я.

— Если собираешься идти, то нужно поторопиться, — думаю, Кент больше беспокоится о проверке воздушного шара, чем о нас, но затем он говорит:

— Элиот ждал тебя, — и смотрит на меня. Я вспыхиваю.

— Мы не сможем этого сделать. Гавань слишком далеко, — начинает Уилл, крепко сжав мою руку.

— Возьми паровую карету Элиота, — говорит Кент. Он перешел от шара к корзине, пробегая руками по ремням. — Если попросишь охранника вернуть ее, он оставит ее мне, чтобы я мог закупать расходные материалы для нашего проекта, — он смотрит на меня, говоря это.

Я толкаю Уилла перед собой. Мы спешим вниз по лестнице и выходим на улицу. Освещение принца не может добраться сюда, поэтому очень темно.

Я крепче хватаю Уилла за руку. Мне нравится ощущение его пальцев, переплетенных с моими.

— Финн не возражал бы, — говорю я.

— Вот именно, — его голос нежный.

Паровая карета Элиота припаркована там, где мы ее оставили — около клуба Распущенности. Рядом с ней стоит охранник, держа в руках мушкет.

— Нам нужно добраться до гавани, — выпаливаю я.

— Мисс Уорт? — сказал он, хотя я уверена, что никогда до этого не видела его. — Я доставлю вас так далеко, как только смогу, но там толпа.

Паровая карета Элиота рассчитана только на двоих, но Уилл посадил меня к себе на колени и тесно прижал, а солдат начал быстро вести. Я более двух раз ловлю его взгляд, когда он, нахмурившись, смотрит на Уилла. И на меня.

В конце концов, улицы становятся слишком переполненными, и охранник останавливается.

— Удачи, — говорит он. Уилл кивает.

Улицы так сильно заполнены, что мы едва можем продвигаться. Продавцы торгуют фосфоресцирующими ожерельями, и на одном, должно быть, дюжина их. Они придают его лицу зеленоватый оттенок. Его зубы желтоватые, а белки глаз болезненно желтые. Не думаю, что такой болезненный вид ему придают только светящиеся ожерелья. Его рукава закатаны, открывая сыпь. Я сдерживаю крик и отступаю назад. Уилл прямо позади меня. Он кладет руку мне на плечо, чтобы остановить.

— Это просто ссадины, — говорит мужчина, отступая от меня, а затем делает еще один

шаг, будто собираясь бежать. Если я закричу, если укажу на него, обвиняя в переносе инфекции, толпа разорвет его. Я видела, как такое случалось раньше. Мы с Финном видели.

Одно из ожерелий падает мне в руки. Какое-то мгновение я изучаю его, зная, что зараженный мужчина скрылся в толпе. Праздничное настроение, которое я ощущала на крыше морга, кажется, рассеялось. Люди осторожно смотрят друг на друга, не приближаясь на расстояние прикосновения. Я вижу блеск ножа, сокрытого в свободном рукаве. Люди сильнее запахивают свои плащи.

Все взоры обращены к гавани. Но их выражения не восторженные, не счастливые. Они выглядят голодными, будто ожидают своего рода спектакль. Может быть казнь. Слишком многие из них носят сверкающие ожерелья, что делает их лица зелеными и болезненными.

— Нам нужно добраться до корабля! — кричу я Уиллу. Каким-то образом я выпустила его руку.

Я проскальзываю между двух людей, но женщина двигается, и я случайно прикасаюсь к ней. Она рвется в сторону, вскрикнув, а я, споткнувшись, сталкиваюсь с парнем, стоящим рядом с ней. Я убираю руку, сбита с толку теплом его плоти.

И только тогда я понимаю, что Уилла со мной больше нет.

Я делаю полный круг в поисках его, но тропинка, по которой я шла через толпу, скрылась. Другие дорожки открываются и снова скрываются, когда толпа перемещается, но я не могу сказать, которая из них приведет меня к Уиллу. Я ищу его, начиная паниковать. Я не могу остаться тут в одиночестве.

Звучат трубы, и группа хорошо одетых мужчин выступает на палубу корабля.

Неделю назад я стояла на этом пирсе, только я и мой отец. Кроме его охранников, мы были единственными людьми на земле. Сегодня вечером вокруг меня сотни людей. Я не хочу даже представлять темные места, с которых они вышли. Когда я прохожу мимо двух мужчин, один из них тянется ко мне. Я бросаюсь прочь от него, но вдруг выхожу из толпы и оказываюсь на самом краю пирса. Я ловлю проблеск светлых волос на корабле.

Элиот осматривает толпу. На нем надета маска, но я все равно могу сказать, что он хмурится. Я поднимаю руку, но только до уровня глаз. Я хочу, чтобы он увидел меня, но не хочу привлекать к себе внимание. Матросы и стражники стоят по бокам от Элиота. Я оглядываюсь в поисках Эйприл, но не вижу ее.

Человек в цилиндре, который знал лучшие дни, протягивает Элиоту бутылку шампанского.

Я не так далеко от него, но больше не могу разобрать выражение его лица. Он поднимает руку, чтобы прикоснуться к маске. Затем вокруг меня слышится крик.

Люди падают в воду, брызгаясь и вопя. Меня отталкивают назад, и я цепляюсь за людей вокруг меня, точнее, за единственного мужчину, оставшегося на причале. Он отбрасывает меня, но я восстанавливаю равновесие и не падаю.

И тогда я вижу ее. Девушку, бьющуюся в конвульсиях в толпе. По ее лицу бегут красные слезы, а светлые волосы становятся розовыми от пота. Она протягивает руки, моля о помощи, но люди лишь дальше отходят от нее.

— Красная Смерть, — слышу, как кто-то произносит.

Девушка падает.

Я не удивлена, что никто не подходит, но удивлена, что звук от удара ее головы о прогнившие деревянные доски причала так отчетливо слышен.

Я слышу голос Элиота и оборачиваюсь. Он перегнулся через перила корабля и его губы

двигаются, но я не могу разобратъ, что он говорит. Меня снова кто-то толкает, и я падаю на четвереньки.

Не уверена, зовет он меня или еще кого-нибудь. Кожа на моих ладонях разодрана и кровоточит, и, когда я пытаюсь подняться на ноги, то вижу, что кто-то пинает умирающую девушку. Это не злонамеренные пинки, они больше похожи на подталкивающий жест, но один человек начинает это, остальные подхватывают, используя ноги чтобы оттолкнуть ее к воде. Ее длинные белые пальцы дергаются и хватают все что попадется, чтобы удержаться. Девушка кричит, когда ее хватают за лодыжку.

Она еще жива, когда они сбрасывают ее в гавань.

Кто-то трогает меня за плечо, и я оборачиваюсь, отбрасывая руку.

— Аравия? — Уилл все еще протягивает ко мне руку. Я обнимаю его с таким облегчением, что он, наконец, нашел меня. Через его плечо я вижу Эйприл на пирсе, ее платье с красными блестками на полосках белого шелка мерцает в серой толпе.

Я не знаю, почему она в толпе, не на корабле, но Уилл помогает мне добраться до нее и проводит нас обеих на лодку. Он сможет спасти нас, и, когда мы вернемся, я спасу его.

На корабле несколько хорошо одетых мужчин подходят к Элиоту, чтобы пожать ему руку. Он говорит с ними, осматривая толпу. Он ищет меня.

— Пойдем со мной.

Голос Уилла невозможно нежный. Рядом с ним стоит мужчина. Пожилой мужчина среднего роста с шелковым шарфом, повязанным вокруг шеи.

— Расступитесь, идет дочь ученого, — громко кричит он.

Я слышу бормотание людей. Женщина тянется и почти касается меня.

— Благослови тебя Господь, — говорит она мягко.

— Спустите ее вниз, — говорит мужчина. Когда он двигается, становится заметно, что он хромот. Он к этому привык. Это произошло давно.

Теперь все смотрят на меня. Некоторые без масок, они улыбаются, но их улыбки не заверяющие. А Уилл смотрит в сторону. Внезапно я понимаю, что он не помогает мне. Он помогает этому мужчине. Я прекращаю двигаться, но он не отпускает мою руку.

— Аравия! — я слышу Элиота и оборачиваюсь.

Треск сопровождается взрывом. Я смотрю в небо, когда пламя вспыхивает с корпуса корабля и дымовая труба движется в сторону, в кричащую толпу.

— Отведи ее в тоннель! — вопит мужчина. Горящие обломки древесины падают с неба, и мои глаза слезятся. Меня обрызгивает чем-то кровавым. Я продвигаюсь вперед, подальше от кричащей толпы в гавани, на боковую улицу.

Выцветшая вывеска с изображением осьминога рекламирует таверну, закрытую годы назад. Уилл помогает мне на развалинах, а затем хромой мужчина поднимает кусок брезента и жестом предлагает мне спуститься по лестнице. Я качаю головой.

Второй взрыв, гораздо громче первого, сотрясает пирс. На мгновение Уилл прижимает меня ближе к себе, а затем толкает вперед. Мы не говорим. Моя голова раскалывается от шума. Я ставлю ноги на лестницу и начинаю спускаться. Прямо передо мной, за ржавыми перекладинами, я вижу вырезанный глаз — символ, который Элиот хотел использовать для восстания. Элиота, вероятно, уже нет в живых.

— Значит, она дочь ученого, — говорит мужчина. Он не спрашивает. Он просто извещает людей в доке. Он знает.

— Я привел ее, Преподобный, — говорит Уилл. — Как и обещал.

Конечно. Там, на пирсе, мужской голос был похож на голос министра. Кто еще мог быть в центре этого хаоса, разрушая планы Элиота? Я думала, мне доведется встретиться с Преподобным Мальконтентом при других обстоятельствах. Но не так.

Я пытаюсь отступить, но Уилл толкает меня вперед. Теперь все изменилось. Я наступаю ему на ногу, и он чертыхается.

Мальконтент хватается за талию. Я брыкаюсь и сопротивляюсь, когда он пытается повернуться и провести меня через дверь, и я сбегая от него, на мгновение освободившись. Пока Уилл не хватается меня.

— Будет лучше, если ты не будешь сопротивляться, — говорит он.

Я бью его коленом в грудную клетку, но прежде чем могу бежать, Преподобный грубо заталкивает меня в камеру с деревянной дверью.

Через маленькое зарешеченное окошко в двери я наблюдаю, как Уилл передает мужчине тонкую черную книгу. Дневник отца.

Преподобный улыбается. — Подожди здесь, — говорит он и уходит в еще один тоннель.

Уилл стоит в центре комнаты в одиночестве. В профиль он невозможно красивый. Его высокие скулы, темные ресницы. Он тихо ждет, не проявляя ко мне никакого интереса.

Я хватаюсь за решетку, готовясь накричать на него, готовясь просить его помочь мне. Прежде чем я могу это сделать, в комнату возвращается Преподобный, ведя перед собой Генри и Элис. На детях надеты маски. Маска Генри треснула, но все еще цела. Уилл опускается на колени и заключает их в объятия.

— Как было обещано, — говорит мужчина.

Уилл проводит детей до двери, затем останавливается и оборачивается ко мне. Я не пытаюсь понять, что он делает. Часть меня понимает, но от этого не легче.

— Ты не причинишь ей вреда?

Мужчина смеется.

— Если она невинна, Лорд ее защитит.

— Невинна в чем?

Мужчина снова смеется.

— Забери детей домой. На улицах сегодня будет литься кровь.

А затем Элис видит меня.

— Аравия! — кричит она. — Уилл, Аравия тоже здесь! Она может пойти домой с нами.

Элис отталкивается от брата и бежит к двери. Я не могу представить, как выгляжу, вероятно, как сумасшедшая. Боль от предательства Уилла ударила меня неожиданно сильно, как удар кулаком в живот.

— Мы не можем взять ее с нами. Прости, — Уилл остается там, где он есть. Он, вероятно, не хочет подходить достаточно близко, чтобы посмотреть мне в глаза.

— Я должна на прощание ее поцеловать, — настаивает она.

— Элис, иди сюда.

Она бежит ко мне, тянется маленькой ручкой к решетке.

— Я никогда не говорила до свидания маме.

Он меняет свое решение, пересекает комнату и поднимает ее. Элис сдвигает маску в сторону. Я осторожно, чтобы не поймать его взгляд, принимаю ее поцелуй.

— Будь хорошей девочкой, — говорю я. — Позаботься о братьях.

Преподобный стоит в комнате, качая головой, забавляясь. Он стоит прямо, спрятав руки за спину.

— Я вернусь, если получится, — шепчет Уилл. Он действительно оставляет меня тут. Я отворачиваюсь.

— Аравия?

Я ненавижу себя за то, что оглядываюсь на него. Он вынимает руку из кармана и протягивает сквозь решетку.

Я раскрываю руку, и он роняет кольцо с бриллиантом, что Элиот дал мне, в мою ладонь. Мы смотрим, друг на друга в течение долгого момента, после чего он убирает руку. Но что тут сказать? Я сомневаюсь, что люди, которые удерживают меня, будут впечатлены бриллиантом. Особенно, когда они просто могут взять его с моего мертвого тела.

Уилл склоняет голову, уводя детей, и Преподобный следует за ними.

Я ненавижу Уилла, за то, что он оставляет меня, и ненавижу себя, потому что хотела, чтобы он обернулся и сказал что-то, что угодно, что заставило бы меня пережить эту ночь. Я скучаю по его прикосновениям, и это угнетает.

Через маленькое окошко в камере виден только уровень улицы. Встав на носочки, я вижу горящую гавань.

Корабль развалился сам по себе. То, что от него осталось, пылает в огне, вероятно, от газовых ламп, развешанных на такелаже. Элиот стоял на палубе. Разве он мог как-то выжить?

Элиот умер, думая, что я отказалась от него? Предала его?

А я это сделала?

Дым валит сквозь крошечный иллюминатор. Иногда, крича, бегут люди. Двое людей дерутся не на жизнь, а на смерть прямо перед окном.

Наконец, я отворачиваюсь из-за воспоминаний о родителях, об Эйприл. Я надеюсь, что Уилл спасет детей. Моя щека все еще ощущает поцелуй Элис.

Корабль отплыл. Элиот исчез. Я кутаюсь в одеяло, но не могу согреться.

Нож, который мне дал Элиот, все еще в моем ботинке. Я вытаскиваю его и касаюсь холодного металла. Прижимаю лезвие к запястью. Я могу прямо сейчас все закончить.

Забвение. Я никогда не почувствую свою вину снова. Никогда больше не испытаю боли предательства. Умереть как Финн. Истечь кровью до смерти.

Я долго боролась с очарованием смерти, после того, как умер Финн, и родители были потеряны. Они должны были вести меня, заботиться обо мне, но не могли. Я выбиралась из постели по утрам. Я ела еду, которую ставили передо мной. Когда кто-то улыбался мне, я пыталась улыбнуться в ответ.

Это все было нереальным. Я была фальшивкой, и моя жизнь была притворной, а счастье наигранным.

Мама вернулась к нам, но я никогда не забуду, как она вернулась и что обнаружила.

Она настаивала, чтобы в первый год мы спали в одной комнате, и каждую ночь она тянулась ко мне, словно пыталась удостовериться, что я все еще жива.

Но если я не прощу ее, если буду крепко держаться за свой гнев, то мне не придется сталкиваться с собственным чувством вины. И тогда, с Эйприл, я превратила себя в другую Аравию. Я никогда не забывала те внутренние страдания, но находила способы забыться. Я садилась, сжимая в руке нож. Представляла, как позволяю всему теплу, всей крови вытекать из меня.

Финн заболел после прихода мужчины в наш подвал, чтобы поговорить с отцом о масках. Я подозреваю, что микробы ютились в его длинных каштановых волосах и заражали всех. Включая моего брата. Финн стал покрываться синяками и язвами, но держал меня за руку и никогда не плакал. Я сидела около него днем и ночью. Я не всегда носила маску. Отец настаивал на том, что я должна была, но мы еще не привыкли к маскам, и я не хотела, чтобы Финн, снова придя в сознание, не смог меня узнать.

Стражи принца пришли за отцом. Они хотели объяснений, как работает маска. Хотели, чтобы он продемонстрировал возможности его изобретения.

— Я вернусь, как только смогу, — сказал мне отец. — Финн пройдет через это. Я дал ему кое-что, что поможет его телу бороться с инфекцией. Держи его в тепле.

Я не испугалась, когда отец ушел. Мы с Финном много времени провели в этом подвале наедине, пока отец работал. Но я не могла выпустить руку Финна, и поэтому не могла пойти за ним наверх и не пустить его.

Финн проснулся один раз, и я покормила его супом. Он улыбнулся мне, и я вспомнила папины слова, почувствовав вспышку надежды.

— Вкусный суп, — сказал Финн. На самом деле, он не был вкусным. Я просто вылила разные банки и бутылки в горшочек.

Отца не было всю ночь. Я подкидывала уголь в печь. Я готовила завтрак. Я прочитала Финну все иллюстрированные книги о приключениях, подаренные ему мамой на Рождество. И тогда в наш дом по скрипящей лестнице спустились мужчины.

Они были большими, сильными, с пустыми и глупыми лицами, похожими на коллекционеров трупов, которых наняли позже, чтобы те очищали улицы от трупов. Они не спросили о моих родителях, поэтому я сразу знала, что что-то не так. Мужчины показали мне бумагу, но протянули лишь на мгновение, недостаточно длинное, чтобы расшифровать корявый почерк.

— Мы боремся с инфекцией, — сказали они. — Очищаем город, чтобы некоторые из нас могли жить тут. — Они указали на Финна. — Он скоро умрет.

Я уставилась на них, замерев на месте.

Тот, который был больше, шагнул вперед, и я бросилась к моему брату-близнецу.

— Отец сказал, что ему лучше, — заплакала я. — Это просто вопрос времени.

Один из мужчин схватил меня и отбросил к стене. Банки консервов попадали вокруг меня. Они мне не поверили. Они не знали, кто мой отец или как Финн мог выздороветь, ведь другие люди не могли.

Тот, который не трогал меня, сказал другому:

— Оставь ее в покое, она просто девочка.

— Но она живет здесь, внизу, дышит тем же воздухом, что и он.

— Тогда мы вернемся и убьем ее.

Я не смотрела, как он приставлял нож к Финну. Я не знаю, понимал ли брат это. Они сделали то, зачем пришли, и затем просто поднялись на улицу из подвала.

Кровь пропитала одеяла. Но тогда он пошевелил рукой. Игнорируя влажность и липкость крови, я держала его. Я заставляла себя смотреть, несмотря на то, что не хотела видеть. Я не хотела видеть, что было внутри человека, внутри моего брата. Позже я пожалела, что не хотела. Я видела кошмары об этом практически каждую ночь последние три года. С лекарствами и без.

Уже ничто не могло остановить кровотечение. Я много думала об этом, представляя, что была бы я умнее, я могла бы зажать рану, зашить ее. Но я не верила, что это возможно. Мужчины знали свое дело. Я держала его до вечера. Пока не вернулась мама. Он был уже мертв.

— Мы не можем допустить, чтобы твой отец узнал, — сказала она. — Не сейчас, и никогда. Он должен верить, что в этом мире осталось хоть что-то хорошее. Ты слышишь? — я никогда не предполагала, что она могла бояться отца. Но теперь я думаю о том, что он говорил мне в университете. Его безнадежность.

Я помогла маме поднять Финна вверх по лестнице, после того как она смыла кровь с его лица, поцеловала в лоб и завернула его в наши рваные одеяла. Мы замерзли той ночью. Это были наши единственные одеяла. Его тело было первым, которое забрали коллекционеры трупов в тот день. Он упал на пол тележки с глухим стуком. Отец до сих пор может верить, что Финн умер от инфекции. Я не знаю.

В этой затхлой камере под горящим городом я долгое время сжимаю нож, загипнотизированная его остротой. Возможностями. Но, в конце концов, разве то, что я покончу с жизнью, не будет самым большим предательством по отношению к Финну? Я ненавижу то, что понять это, меня заставил именно Уилл.

Несколько часов спустя преподобный Мальконтент открывает дверь моей клетки и жестом показывает мне выйти. Агрессивно-красный шарф, намотанный на его шею, сильно противоречит его угрюмому выражению лица.

— Иди за мной, — говорит он.

Глядя в его глаза, я вижу лихорадочные раздумья, и это пугает меня. Я опираюсь рукой о грубую каменную стену и задумываюсь, можно ли отказаться.

— Мы получили известие, что принц Просперо собирается затопить эту секцию подземелий.

Я иду за ним.

— Что происходит в городе? — спрашиваю я.

— Умирают грешники.

Предполагаю, что умирают все. Мы встречаемся взглядами. Я первая отвожу глаза.

— Красная Смерть всего лишь болезнь, — бормочу я. Казалось бы, ничего, до тех пор, пока первые жители города не слегли с инфекцией, которая когда-то действительно была лишь болезнью.

— Все эпидемии — работа дьявола, — говорит он. Но на самом деле он не обращает внимания — он осматривает тоннели впереди нас.

Преподобный Мальконтент поправляет свой шарф, и под ним я вижу глубокий шрам. Кто-то перерезал ему горло. И внезапно, глядя на его седеющие светлые волосы, я понимаю кто он. Кем он был.

Пузырек, который дал мне отец ощущается холодным в моем кармане, нож обдаёт прохладой лодыжку. Мы идем медленно. Преподобный Мальконтент делает медленные, размеренные шаги, скрывая хромоту. Это напоминает мне Элиота, а мысли о нем делают мне больно.

— Твои дети верят, что принц убил тебя.

Он трогает шарф на шее. Я должна его бояться, но я ошеломлена и не испытываю страха, несмотря на то, что должна.

— У меня были дети много лет тому назад. Но я потерял все.

Я с отвращением смотрю на него, в трауре по его детям.

— Как ты выжил? — спрашиваю я. Камень в коридоре гладкий и удобный для моих сапог на скользкой подошве. Я не могу придумать, что еще сделать, поэтому задаю вопросы, вынуждая себя идти медленно, и ожидаю возможности сбежать.

— Мой брат выбросил меня на улицу к зараженным трупам. Я пролежал в телеге два дня. Мой язык распух до таких размеров, что заполнил весь рот, и боль была ужасная. Я молился так, как никто никогда не молился. Ко мне подбирался крокодил. Он смотрел прямо мне в глаза, и я видел в них определенную мудрость. Крокодилы не жили тут до чумы, понимаешь. Они посланники Бога.

Я бы спросила у него, почему Бог послал к нам крокодилов вместо того, чтобы излечить нас от болезни, но он, очевидно, сошел с ума.

— Мои молитвы были услышаны больными обитателями болота. Они вытащили меня из грязи и выходили. Они обучили меня своей религии. В конечном счете, я обучил их своей. —

Он выставляет ладони перед своим лицом, будто молится, но его глаза открыты и сияют. — Бог захотел, чтобы они поклонялись мне.

Если есть кто-то такой же, как Преподобный Мальконтент, что мне нужно будет сделать, чтобы вернуть его? Я позволила себе простить Уилла, лишь немного. Он сделал то, что должен был сделать. Но не думаю, что смогу когда-нибудь снова ему доверять.

Преподобный проводит меня мимо груды щебня. Я оглядываюсь. Элиот говорил мне, что некоторые проходы разрушены, но кровля этого выглядит неповрежденной.

Мы прошли длинный путь. Я изо всех сил стараюсь почувствовать какое-нибудь направление, какие-то знаки на стенах. Тут пахнет сыростью и плесенью.

— Элиот знал?

— Элиот оказался бесполезным. Мне поможет его сестра. — Эйприл все еще жива? Это что-то. Если мне удастся найти ее...

— Почему ты отказался от Элиота?

— Первороденные сыновья всегда востребованы в качестве жертвы. Ты читала Библию?

— Нет.

Проход поворачивает, и мы следуем за изгибом стены.

— Элиот влюбился в науку. Меня не беспокоило его убийство. Твой отец уже удерживал грешников посредством науки и черной магии. Им всем пора умереть.

— Ты взорвал корабль, — говорю я. — Почему?

— Нам нужен был большой жест, чтобы привлечь внимание людей.

Он сделал это безо всякой на то причины. Я смотрю на него с нескрываемой ненавистью. Он такой же убийца, как и принц, и они оба разыскивают моего отца.

Из смежного тоннеля подходит человек. — Наши люди не защищены от Красной Смерти, — рассказывает он Преподобному. — Не так, как от инфекции. Некоторые из них умирают.

Преподобный убирает свою руку от моей. Это может быть мой единственный шанс сбежать.

— Все важные люди защищены, — говорит Преподобный. — Если они умирают, значит, они недостаточно набожны, — его интонация повышается. Другой мужчина сжимается.

Я мчусь к ближайшей дыре только для того, чтобы обнаружить, что это лестница, ведущая в непроглядный мрак. Там теплее, и тьма кажется абсолютной. Я чувствую, что мой путь лежит вниз по лестнице, и осознаю, что комната, на которую я наткнулась, наполнена людьми, стоящими вертикально, безмолвно и неподвижно. Внезапно справа от меня вспыхивает факел.

Ни на ком нет маски.

У ближайшего ко мне мужчины сыпь, распространившаяся по левой стороне его лица, словно татуировка с изображением виноградной лозы. Она влажная и сочится гноем.

Я отшатываюсь назад. Они все заражены.

Мы в большом подземном помещении, хранилище или складе. В мерцающем свете я вижу, что стены украшены резьбой, изображающей религиозные фигуры, святых, корчащихся в агонии. Выглядит так, будто Преподобный потратил большое количество времени, разворовывая реликвии из наших святых мест.

Я встречаюсь взглядом с парнем, который, должно быть, на год или два старше меня.

Его глаза грустные, и он одними губами говорит «Прости».

Страх пронзил меня. Мне нужно убраться отсюда.

Теперь люди двигаются, поворачиваются, окружают меня. Я всхлипываю. Возможно ли, чтобы выжило так много людей, и они оказались носителями? Они все живут на болотах?

Мужчина выступает прямо передо мной. Его глаза заполнены гноем.

Он протягивает руку, чтобы прикоснуться ко мне.

— Ты полностью чиста? — спрашивает он, его голос резкий.

Он пробегает глазами по моим оголенным рукам и ногам. По шее, где декольте этого нелепого платья стремится вниз.

— Да, — шепчу я.

Другой мужчина выступает вперед и отталкивает первого с дороги. Я вздрагиваю от его гноящихся рук. Остальные суетятся, беспокоятся, тяжело дышат. Воздух в этой комнате сырой и тяжелый, и я окружена.

— Я позволю тебе остаться в маске, — говорит один из мужчин.

Я начинаю смеяться. Я сохранила себя чистой для клятвы. Я не избежала ласк и поцелуев, которых отчаянно ждала от Уилла, и заканчиваю здесь, таким образом. Нож у меня в ботинке. Я вытаскиваю его и уверенно держу перед собой. Но здесь их слишком много. И все они вооружены ножами и дубинками. У некоторых мушкеты. Это армия Мальконента. Сделав глубокий вдох, я кричу так громко, как могу.

Круг тел раздвигается. Я вижу мальчика с грустными глазами, может быть, он мне поможет. Но он уходит.

Я слышу грохот наверху лестницы.

— Аравия? — это голос Эйприл.

— Дочь Преподобного, — бормочет один человек.

— Эйприл? — мой голос тих. Больно вдыхать.

— Скажи ей уйти, — говорит мужчина и тянется ко мне.

Его больные руки на моей талии, и я представляю, как заражение просачивается через его кожу и струится вниз по моему платью. На мне не так уж и много ткани, в конце концов, это коснется моей кожи. Я кричу снова, на этот раз еще громче.

Кто-то хватает меня под руки и выталкивает в толпу. Прочь от Эйприл. Прочь от лестницы и чистого воздуха. Я хочу сопротивляться, но не хочу ни к кому и ни к чему прикасаться. Я замолкаю. Мой нож с грохотом падает на пол.

— Отпусти ее, — приказ очевиден, несмотря на то, что ее голос тихий. Она напоминает мне Элиота. — Отпусти ее, или ты будешь гореть в аду, скорее раньше, чем позже.

Неожиданно руки исчезают. Я сильно ударяюсь об землю.

— Аравия, — говорит Эйприл, — поднимайся по лестнице сейчас же.

Я не колеблюсь.

Она стоит наверху, в своем дурацком корсете, расшитом блестками, и держит мушкет.

— Пойдем со мной, — говорит она. — У отца есть безопасное место для нас. Для нашего собственного блага.

Когда мы доходим до него, до улыбающегося Преподобного, он проводит нас в более широкий тоннель, замурованный с другого конца, и забирает оружие у Эйприл.

— Ты порвала платье, но твои волосы выглядят невероятно, — говорит она и смеется. — Да, я, конечно, же, обращаюсь к тебе, не к папе. Его волосы кошмарны.

Взгляд, которым он одаривает ее, не любящий и не добрый.

— Сядь здесь. — Преподобный указывает на место на полу. Я быстро вижу, почему он выбрал именно это месторасположение. Из кармана он достает пару наручников, одну сторону которых защелкивает на моем запястье, а другую — на металлической трубе, идущей вдоль стены. — Оставайся на месте, — говорит он, смеясь сам себе.

— Не делай ей больно, — говорит Эйприл. — Ты всегда сможешь обратить ее к себе. Только подумай, как впечатлены, будут люди, если ты привлечешь на свою сторону дочь ученого.

Преподобный игнорирует ее. И затем она говорит с полной и абсолютной уверенностью:

— Элиот любил ее.

Я прекращаю дышать. После всего, что произошло, как это может заставить меня плакать?

Преподобный Мальконтент в три быстрых шага пересекает комнату, снимает маску с ее лица и бросает ее на землю. Он заносит ногу над фарфором и обрушивает ее на каменный пол. Мы с Эйприл устали в полном ужасе.

— Теперь я могу быть уверен, что ты веришь только в Бога, — говорит он.

Я ожидаю, что он так же сломает мою маску, но он не обращает на меня внимания и выходит из комнаты.

Хмурясь, Эйприл прижимает руки к лицу и достает маленькое зеркало из кармана.

— Эта помада слишком красная? — спрашивает она. Я лишь немного двигаю головой. Она, должно быть, подумала, что я говорю, нет. — Господи, почему в одной семье может быть так много сумасшедших, и я не собираюсь присоединиться к ним, имея чересчур красную помаду.

Я смеюсь. Я не могу помочь себе.

— Это все возвращается к исходному сумасшествию, естественно. К дяде Просперо. Мой отец не был сумасшедшим, пока ему не перерезали глотку и не выбросили в телегу для трупов. Так с ума сойдет кто угодно, — она смотрит на меня, будто ожидает, что я соглашусь. Я медленно киваю.

— Он не тот отец, которого ты помнишь, — начинаю я.

Она поправляет волосы. — Этот человек жил пять лет среди этих бедных, гниющих людей без маски и ни разу не заболел.

— Может быть, ты бы тоже не заболела.

— Нет, — говорит она. — Я уверена, что заболела бы. — Она держит папин дневник. — Мальконтент дорожит этим, поэтому, думаю, нам лучше взять его с собой, — она кладет книгу в свою косметичку. То, что она легко помещается, свидетельствует о размере сумки.

— Эйприл...

— Тихо, — она прикладывает палец к губам. Из коридора слышен звук шагов. — Его армия.

— Я не понимаю, как их может быть так много.

Она пожимает плечами.

Шаги постепенно затихают.

— Разве он не оставил охранников? Конечно...

— Отец не думает, что я уеду. Потому что... — Она пару раз моргает, как делает всегда, прежде чем солгать своей матери. — Потому что люди убивают друг друга в городе, и он предложил мне свою защиту. — Она вынимает из волос шпильку и становится передо мной

на колени. — Будь здесь. Город будет гореть. — Замок трещит, открываясь.

Эйприл поднимает голову, прислушиваясь. Эхо последних шагов исчезло. Она открывает дверь, и мы выглядываем в тоннель.

— Куда пойдём? — спрашивает она.

Я смотрю в одну сторону, потом в другую, подобно ребенку, который переходит дорогу в первый раз.

Вода циркулирует вокруг наших лодыжек, темная и холодная. Принц затопил тоннель, как и предсказывал Преподобный.

— Туда, — отвечаю я.

Мы начинает идти, быстро, против течения воды. Нам нужно выбраться отсюда.

— Помнишь, когда я сказала тебе, что Элиоту книги понравились больше девушек? Я не знала, что он умер под кайфом... — ее голос надрывается, она пытается подавить рыдание. — У него было место... он работал над одним секретным проектом.

Фабрика по производству масок... Кент, связанный со всем этим... воздушный шар.

— Я знаю, как нам выйти из города, — говорю я. — Следующий поворот направо и потом подниматься до улицы, насколько это возможно. — Мой голос звучит уверенно, но я сама абсолютно не уверена ни в одном из сказанного.

Вода спокойно течет вниз по коридору. Чтобы идти, нам приходится высоко поднимать ноги, и это утомляет. Я подозреваю, что этот проход еще не затоплен, потому что есть более низкие проходы, и вода течет туда.

Мы проходим один перпендикулярный проход, затем еще один. Вода крутится вокруг наших лодыжек. Мы можем продолжать идти в этом направлении. Это, по всей вероятности, безопасней, чем прокладывать себе путь через толпу на улицу.

— Почему Преподобный Мальконтент планирует отправить армию зараженных захватить город? — спрашиваю я.

— Им нужны каменные здания и бегущая вода. Ты не можешь обвинить их. Все же, если ты думаешь об этом, это все медленно катится в ад. Рушится. А вода, — она выплескивает ее на стену, чтобы доказать свою точку зрения, — на вкус, как болотная грязь. Может, они будут счастливы в своих домах в городе. Ведь никто другой не будет.

Вода ледяная, и я больше ничего не вижу.

— Элиот сильно расстроился, когда понял, что я исчезла? — спрашиваю я, пытаюсь отвлечься от холода и ужаса

— Он был в бешенстве. Он думал, что тебя похитил кто-то из шпионов принца. Он бросил одного из тех стариков об стену и на книжный шкаф. — Она вздыхает. — Не чувствуй себя так ужасно. Если бы он был жив, ты единственная могла бы спасти его. Он видел тебя в толпе и начал спускаться по трапу. Это, возможно...

Ее слова сопровождаются всплеском воды позади нас. Не таким, будто вода бьет о стену, а чем-то большим. Кто-то идет за нами? Мы с Эйприл замираем, но я ничего не слышу, и теперь вода достигает наших коленей.

— Она не стекает вниз к проходам достаточно быстро. Думаешь, она еще будет подниматься? — спрашивает Эйприл.

— Давай будем продолжать двигаться, пока не найдем лестницу, — говорю я.

В проходе грохочет, и, когда мы поворачиваем за угол, видим стену темной воды, с ревом несущуюся к нам. Мое лицо ударяется о кирпичную стену, а маска издает звук, будто трещат кости. Кольцо Элиота соскальзывает на кончик моего пальца. Я отчаянно сжимаю

руку в кулак, потому что не хочу потерять его.

Вода ударяется о наши тела, но течение сильнее. Вокруг моего тела закручивается водоворот, и я не могу представить, что меня утащит в темноту коридоров ниже.

— Аравия! — Эйприл указывает на лестницу. Я дико барахтаюсь, и, когда мои руки касаются металла, я крепко хватаюсь за звено и держусь, даже когда вода снова толкает меня об стену.

Эйприл быстро лезет. Я в нескольких перекладинах под ней.

— Давай же, Аравия, — командует она.

Но я не могу. Я замерзла, и что-то дергает меня за лодыжку. Что-то выползает из темноты, огибает угол и плывет в воде рядом со мной.

Мимо проплывает тело. Может, оно прикоснулось ко мне. Может, это именно то, что я почувствовала.

И тогда сверху слышится шум. Вниз смотрит лицо, окруженное ореолом полуденного солнца.

— Эй, там, вам нужно выбираться! — зовет высокий мужской голос.

Я удивленно смотрю вверх.

Большие металлические болты, которые удерживают лестницу на месте, должно быть, потерялись, и лестница издает ужасные скрипы, когда металл гнется. Я могу чувствовать, как она сгибается под моими ногами, даже когда тянусь к следующей перекладине.

Мы доберемся до вершины, только если одна из нас схватит мальчишку за руку. Но он болен. И мы обе знаем, что никогда не нужно прикасаться к тому, кто заражен. Из ран на его руке сочится гной и капает в воду. Я могу видеть ужас на лице Эйприл, отвращение, граничащее с паникой.

У нее нет маски, которая защитила бы ее, и он точно часть армии ее отца. Он один из врагов.

Я не хочу вместо нее брать его за руку.

Левая часть лестницы отрывается от стены с громким скрежетом.

Закрыв глаза, я тянусь через Эйприл. Теперь лестница двигается, трясась от течения, но мальчишка держит обе моих руки. Что-то царапает мое плечо. Это может быть металл лестницы, пронзивший меня, когда та отрывалась от стены. Или, может быть, крокодил, готовый растерзать меня.

Эйприл обвивает руки вокруг моего туловища.

Этот мальчик — наша единственная надежда. Мы такие тяжелые в наших мокрых юбках, что можем потянуть его за нами...

Но он на удивление силен. Он вытягивает меня на улицу, и я отпускаю его руки, хватаясь за цемент вокруг дыры, ведущей в тоннель. Я на тротуаре, и Эйприл рядом со мной. Труп достаточно близко, так что если я протяну руку, то смогу к нему прикоснуться. Мужское тело с кровью на щеках.

Я оборачиваюсь, чтобы предупредить Эйприл не смотреть прямо на это. Вид ее без маски, окруженной трупами, вызывает у меня слезы. Как это могло случиться с нами?

Эйприл хватается меня за плечи, и я почти кричу от боли. — О, Боже, ты вся в крови. Будет шрам, — хныкает она. — Ты никогда больше не сможешь снова надеть платье с открытой спиной.

Внезапно мы слышим крик из здания. Я вскакиваю на ноги и тяну руку к Эйприл.

— Спасибо, — говорю я мальчику. У него нежное, милое лицо, и он молод. Я осознаю,

что он — тот мальчик из подземелий. — Ты спас наши жизни.

Он смотрит на мою маску. Я подношу к ней руку. Основная часть не повреждена, но я чувствую трещину изнутри.

— Я не знал, — говорит он, глядя на свои руки. Он думал, что мы больные, такие же, как он. — Ты ранена, — говорит он. Раны под его глазами разрываются, и по его лицу беспрепятственно течет гной. Эйприл издает звук.

— Мне жаль, — говорит он. — Мы не прикрываем раны, потому что от ткани они зудят.

— Значит, ты не умираешь? — спрашивает у него Эйприл. — Ты один из счастливых... — протягивает она. Кто знает, кто счастливей — те, кто жив, или те, кто быстро умирает? Мы с Эйприл прислоняемся друг к другу. Мое плечо вспыхивает от боли.

— Я был таким, когда мне было девять, — отвечает он. — В прошлом году стало хуже.

— Тебе больно? — спрашивает Эйприл.

Я хочу сказать ей, чтобы она оставила его в покое. Она никогда не была так заинтересована раньше. Мушкетный огонь эхом отбивается от зданий на другой стороне улицы, прежде чем он успевает ответить ей.

— Нам нужно идти, — говорит Эйприл.

Парень наблюдает за нами.

— Тебе есть, куда пойти? — спрашиваю я.

Он качает головой.

— Наши дома на болоте были разрушены. Я не хочу туда возвращаться. — Он показывает на тоннели.

Я потираю руку, удивляясь, когда вижу капающую кровь.

— Аравия, она глубокая. Нужно что-то найти, — Эйприл кажется обеспокоенной.

Она рвет свою юбку, но она сделана из жесткой сетки. Сетка не остановит кровотечение. — Нам нужно что-то, что можно использовать как повязку.

Мое платье сшито из изумрудно-зеленого тюля, и идея прижать ее к ране, которая одновременно пульсирует и горит, немыслима. Рубашка мертвого мужчины может достаточно впитать, чтобы использовать ее как бинт. Но эта ткань, скорее всего, кишит микробами. На поясе мальчика есть хлопковый пояс. Он медленно отвязывает его.

— Можешь использовать его, если хочешь, — он протягивает пояс, предлагая мне. Эйприл долго всматривается в пояс.

— Эйприл, мне нехорошо, — мои руки дрожат.

— Оставайся с нами, Аравия, — говорит она, когда мир начинает вращаться вокруг меня. И тогда она прижимает ткань к ране.

Она обнимает меня и тащит к тяжелой деревянной двери. Парень открывает ее, и мы все вваливаемся в тусклую комнату. Эйприл все еще прижимает пояс к ране на моей спине.

— Я могу завязать ее, — говорит он. — Если ты не против, чтобы я прикасался к тебе.

— Не против, — я колеблюсь. — Я не хочу умирать. — В мыслях я возвращаюсь в сад Башен Аккадиан, и я говорю это Элиоту. Или, может, в воздушный шар, где говорю это Уиллу. Я не хочу умирать.

— Как тебя зовут? — спрашиваю я у мальчика.

— Том, — говорит он. Я киваю, раскачиваясь на ногах.

В воздухе витает запах гари.

— Она упадет в обморок, — говорит мальчик. Но я так не думаю.

— Вот, — Эйприл дает мне свою флягу. Я выпиваю все, и она выпадает у меня из рук,

ударяясь о плитку на полу.

— Хватит рассиживаться, — слышу я свой голос. — Идем.

Эйприл поднимает свою флягу. Я рада, потому что чувствую головокружение. Мне нужно оставаться на земле.

Затем она окончательно шокирует меня. Эйприл поворачивается к Тому и спрашивает:

— Хочешь пойти с нами?

— Что ты делаешь? — спрашиваю у нее.

— Мы не можем просто оставить его тут, — говорит она.

Я смотрю на нее, и она пару раз моргает, словно послеполуденный свет слишком яркий.

— Ему не может быть больше двенадцати лет. Мы не можем бросить его одного. Если решим, что он слишком заразен, можем оставить его где-нибудь в безопасном месте.

У нее нет маски. Все слишком заразные.

Эйприл обхватывает меня рукой, осторожно, чтобы не коснуться кровоточащей стороны.

Том движется, чтобы поддержать меня с другой стороны, но Эйприл говорит:

— Нет, я смогу ее удержать.

Алкоголь взрывается в моем желудке. Мои раны начинают зудеть. Я говорю себе, что мне только кажется. Я не заражена. Но Эйприл может быть заражена. Красные волдыри поднимаются по ее руке до локтя.

— Эйприл... — говорю я. — Почему твой отец оставил тебя со мной?

— Что?

— Почему твой отец доверил тебе взять меня под стражу?

— Я же его дочь.

Я смеюсь. В самом деле, смеюсь.

— Скажи мне правду.

— Я не хочу об этом говорить, — в ее глазах стоят слезы.

— Ладно. Я не пойду с тобой никуда. Истеку тут кровью до смерти, — я тянусь к спине, убирая повязку с раны. Затем я смотрю в ее глаза и пытаюсь смягчить угрозу тихим «Пожалуйста».

— Он заразил меня, — ровным голосом говорит она.

Я задыхаюсь.

— Чем?

— Не Красной Смертью. Заражением, — мы обе смотрим на Тома. На блестящие синяки по всему его лицу. — Отец клянется, что у него есть антидот. Если я сделаю все так, как он говорит, он мне его отдаст.

— Но ты ушла.

Она пожимает плечами.

— Он собирался поступить с тобой так же. Таким путем он планирует обратить тебя.

— Эйприл, если у него антидот...

— Я не могу позволить ему просто так получить тебя.

Я достаю из кармана пузырек.

— Выпей половину.

— Что это?

— Просто вышей.

Эйприл делает три осторожных глотка, почти наполовину опустошая пузырек, и отдает его мне. Моя рука слишком онемела, чтобы засунуть пузырек обратно в карман, поэтому я запикиваю его в корсет. Я должна сохранить его для того, кто может изменить порядок больше, чем я.

Том смотрит на мою рану.

— Не могу думать о том, что могло так разорвать тебе плечо. Выглядит, словно кусок вырвали... — его голос срывается. — Ох.

— Вода слишком холодна для крокодилов, — даже мне мой ответ кажется глупым.

— Надо выбираться, — говорит Эйприл.

— Выхода из города нет. Солдаты Преподобного все окружили, блокируют все дороги, — говорит Том, с сожалением качая головой.

Солдаты Преподобного? Надо добраться до воздушного шара.

— Мы направляемся в морг, — говорю я им.

Это сильно смахивает на начало последней эпидемии. Группы людей пробегают мимо, некоторые с чемоданами, некоторые баюкают тела любимых. В одном месте пожилой мужчина спотыкается на ровном месте, сотрясает кулаками воздух и моментально умирает, истекая кровавыми алыми слезами. Мы перешагиваем через его тело. Боюсь, что ни один из нас с этим не справится.

А еще боюсь, что кто-нибудь доберется до шара раньше нас.

Город липкий и влажный. Моя рана кровоточит не переставая. Сколько еще ждать, прежде чем я истеку кровью как Финн? Может быть, этому было предначертано случиться. Эйприл держит меня, и мальчик тоже хочет помочь, но он не уверен, что должен касаться меня, потому что просто идет рядом.

Мы всего в нескольких улицах от морга. Заброшенная текстильная фабрика прямо перед нами. Улицы расходятся, и расстояние до морга одинаковое. Но я тяну всех влево. Почему-то мне кажется, что лучше будет пройти там.

Двое мужчин выходят из боковой двери, держа между собой коробку. Одного я узнаю. Говорю себе, что это не может быть он. Есть и другие мужчины, которые держатся так же надменно. Другие мужчины со светлыми волосами.

Но, вероятно, другие мужчины, увидев нас, не споткнулись бы и не остановились.

На этот раз он в маске. Он не умер, и, может быть, только может быть, не рисковал неоправданно. Сине-красный полотняный шарф обмотан и завязан вокруг горла.

— Шарф отвратительный, — бормочет Эйприл. Но в ее голосе глубокие эмоции, что-то такое, что она не хочет показывать никому из нас.

— Элиот, — мой голос — едва слышный шепот.

Его лицо в розовых ссадинах, а на руках повязки.

Я делаю два шага вперед, подходя к Элиоту, но он отклоняется от меня, поворачиваясь боком.

— Хорошо, что вы здесь, — говорит Кент. — Теперь можно убираться.

Эйприл вырывается вперед и падает на грудь Элиота, а тот притягивает ее к себе на мгновение. Его глаза, когда он смотрит на меня через плечо, холодны.

Я открываю рот, чтобы сказать что-нибудь, извиниться, но порыв ветра бросает нам шквал памфлетов. Один из них застревает в моей юбке, и я тянусь, чтобы вытряхнуть его.

Это политический памфлет, и на нем лицо моего отца с грубой подписью.

«Разыскивается за преступление против человечества.

Финеас Уорт, ученый, разыскивается за распространение смертоносной чумы и убийство как минимум половины населения Земли».

Слова бегут перед моими глазами, и я изо всех сил пытаюсь придать им смысл. Половина населения Земли. Это оптимистично. Отец говорил, что потери слишком велики для нашего понимания. Для устойчивости я опираюсь рукой о стену. Это было тем, о чем знала мама? Что отец уничтожил человечество, прежде чем спасти его? Неудивительно, что она боялась, что он потеряет надежду.

— Как он мог... — задыхаюсь я.

— Аравия, по всей вероятности, это неправда, — говорит Эйприл. — Но если это так, мы не причастны к тому, кто есть наши отцы и что они делают. — Эйприл сжимает мою руку. Ту, которая не кровоточит. Элиот осматривает улицу позади нас. Его глаза, когда встречаются с моими, остаются осторожными.

— Эй, мальчишка, может, ты pomoжешь мне с этим сундуком? — Кент зовет Тома, одаривая Элиота острым взглядом.

Когда снова поднимается ветер, бумага в моих руках трепыхает.

— Надо идти, — настаивает Кент.

— Я ненавижу мысль, что сейчас нужно уходить, — хмурится Элиот. — Это новое несчастье плохое, и Мальконтент поощряет хаос. Если мой дядя не будет ничего делать, то может быть...

— Мальконтент не один, Элиот. У него есть армия и оружие, — обрывает Эйприл.

— И твоя армия не готова, — говорит Кент. — У нас недостаточно масок, чтобы раздать их. Мы даже не знаем, как противостоять новой инфекции.

— Но порядок в городе некому поддерживать.

— Это не значит, что ты сможешь сделать это в одиночку, — поспешно выпаливает Кент. Кажется, он знает о планах Элиота как никто другой. — Нам нужно доставить этот ящик с запасами на крышу морга. Моя заинтересованность здесь заключается в сохранении моей работы. И себя. Я бы с радостью взял вас всех с собой, особенно, с тех пор, как Элиот финансирует большинство моих изобретений.

Он хлопает Элиота по спине, и тот вздрагивает. Затем Кент указывает на Тома, и они начинают тащить коробку по направлению к зданию.

— Откуда у Мальконтента армия? — спрашивает Элиот. Какое-то время меня забавляло заблуждение Элиота, но это время прошло.

— В болоте, — говорит Эйприл. — Сотни людей.

— Сотни? — он показывает Эйприл двигаться за Кентом и Томом.

— Аравия ранена, — говорит ему Эйприл.

— А разве не мы все?

Эйприл обнимает меня снова. Я делаю два шага, и теперь Элиот видит мою спину.

— Насколько плохо? — спрашивает он на ходу.

— Она потеряла много крови.

Музыка, пульсирующая на первом этаже морга, напоминает мне об Уилле и его предательстве, и моем предательстве собственной клятвы.

— Элиот, — задыхаюсь я.

Когда он оборачивается, его глаза уже не так холодны, как раньше.

— Да, дорогая? — слова ироничны, но не тон.

Я не знаю, что сказать. Я все еще держу памфлет. Я показываю его ему, но он смотрит прочь, словно не может смотреть и на него, и на меня одновременно.

— Отпусти, Аравия, — мягко говорит Эйприл.

Но я не могу. Мое плечо в огне, я истощена, но я не помню, когда в последний раз ела. И эта ужасная вещь, эта... ложь... о моем отце.

Я прячу памфлет в рукав. Прямо как делала с планами масок. Так давно это было.

— Надо торопиться, — говорю я слабым голосом. Кент и Том растворились в клубе, с коробкой между ними.

— Сейчас это не важно, — говорит Эйприл. — Смотри.

Шар плывет вверх и в сторону.

— Черт возьми! — бормочет Элиот. — Это привлечет каждого ублюдка в городе. О чем думает Кент?

Мы слышим приближающиеся шаги. Много людей, мужчин, марширующих вместе по улице.

— Бежим, — говорит Эйприл, вкладывая каждый кусочек ужаса, который когда-либо чувствовала по отношению к болезни, в одно это слово.

Мы бежим.

В лобби морга люди стоят повсюду, держа в руках напитки. Их лица выражают недовольство оттого, что мы тут шатаемся.

— Вам придется заплатить у двери, — говорит кто-то. Элиот ударяет его в лицо. И тогда мы снова пускаемся в бег, проходя через двери к лестнице. На втором пролете я спотыкаюсь. Элиот подхватывает меня, прижимая ближе к своей груди. Я знаю, что ему больно от этого, но не могу сделать еще один шаг, поэтому просить его отпустить меня выше моих сил. Я обхватываю его за шею и держусь так крепко, как только могу.

— Надо выбираться отсюда, — говорит Элиот на одном дыхании, пока карабкается вверх. — Город катится к черту. Все жгут и убивают. Мы можем что-нибудь сделать с этим, но только если не умрем.

Удивительно, что я все еще в сознании, когда мы добираемся до крыши.

Огромный бежевый непромокаемый брезент стягивают, и появляется то, что было под ним. Это некий корабль. Но не тот, на котором плавают по воде. Этот присоединен к вытянутому шару и плавает в фуге над крышей. Дирижабль. Выглядит очень похоже на водный корабль с иллюминаторами, показывающими внутренние комнаты. Как и у корабля, у него есть две палубы.

— Нам нужно идти! — кричит Кент с нижней палубы. — Сейчас же!

— Я думал, ты умер, — голос Элиота приглушен из-за моих волос. Он несет меня через крышу, выше по деревянным лестницам. Эйприл прямо за нами.

Как только мы ступаем на палубу, он опускает меня на ноги. Мы стоим и смотрим друг на друга. Прежде чем я успеваю моргнуть, или ударить, или вскрикнуть, он снимает маску и целует меня, прямо перед Эйприл, Кентом и Томом. Я придвигаюсь к нему, чтобы обернуть руки вокруг его шеи, но не могу. Я игнорирую боль и концентрируюсь на поцелуе. Даже не знала, что это можно делать так долго.

— И я думаю, что нет ничего более отвратительного, чем этот шарф, — говорит Эйприл.

Элиот отпускает меня, и затем, когда я пытаюсь найти опору без его рук, обнимающих мою талию, он протягивает мне мою маску и поворачивается к складывающимся деревянным лестницам. Корабль восстановлен.

— Можешь вести, Элиот? — Кент работает над управлением.

Элиот тянет меня за собой, пока идет к штурвалу в передней части судна. Он кладет одну руку на штурвал, другая переплетается с моей. Я не уверена, что происходит между нами. Прямо сейчас достаточно того, что мы оба живы.

— О, черт, — говорит Элиот.

Я выглядываю за борт воздушного корабля, ожидая увидеть, целую армию.

Вместо этого я вижу Уилла, бегущего по крыше, прижимающего Генри к себе. Элис отстает от них.

— Что будем делать? — спрашивает Кент. Корабль поднимается, и мы уже вне зоны досягаемости Уилла.

— Бросьте лестницу, — говорит Элиот.

Я вижу мужчину с мушкетом позади Уилла и детей, затем еще двоих. Один из них стреляет в нас, другие размахивают ножами.

— Мы не можем кинуть лестницу вниз, — говорит Кент. Мужчины забираются на крышу по лестницам с обоих концов здания. — Если достаточно из них запрыгнут на нее, мы опрокинемся.

— Мы не можем просто оставить их умирать, — говорю я тихо. Уилл пожертвовал мной, но это потому, что детей он любил больше.

— Я и не хочу! — говорил Кент. — Мы с Уиллом были друзьями с детства. Просто я не знаю, как их спасти.

— И то, что мы делаем, важнее их жизней? — спрашивает Эйприл.

— Да, — говорит Элиот. — Мы можем спасти ограниченное число жизней.

Уилл доходит до середины крыши, прямо под нами, и головорезы высypаюT на лестничный пролет. Все, чем он должен защищаться, — нож.

— Это люди Мальконента, — говорит Том. — Они убийцы.

Элиот смотрит на меня и вздыхает. Он жестом просит Тома держать руль, а сам бросает вниз веревочную лестницу. Она приземляется у ног Уилла. Он хватает ее и придерживает, чтобы Элис взобралась, затем убирает нож и следует за ней с Генри на груди.

— Нужно выдвигаться, — говорит Кент Элиоту. — Я поднимаю нас выше.

Мы быстро поднимаемся. Но не настолько быстро, чтобы двое мужчин не вскочили на лестницу, поднимаясь более резко, чем Уилл и Элис. Третий подпрыгивает за свисающей над ним лестницей. Остальные наблюдают, как мы взмываем в небо.

Внезапно Элис прекращает подъем. Уилл пытается подтолкнуть ее, но она замерла от страха, Генри держится за шею Уилла.

— Черт, черт, черт, — Элиот хватает мушкет. Я натыкаюсь на деревянный барьер на краю палубы.

— Дай мне. Я стреляю лучше тебя, — Эйприл берет мушкет и целится. То, что она указывает в сторону Уилла и детей, пугает меня. Но тут она стреляет, один из мужчин падает с лестницы и приземляется внизу. Он двигается, но его ноги сломаны. Его смерть лишь вопрос времени.

Мужчина медленно продвигается наверх. — Я не могу стрелять. Они слишком близко к детям, — говорит Эйприл.

Я становлюсь на колени и кричу Элис:

— Ты можешь ко мне забраться?

— Нет, — говорит она, ее лицо, смотрящее на меня, бесцветно.

— Иди к Аравии, — голос Уилла напряжен. Он слишком долго удерживает себя и Генри.

— Элис, — говорю я, — ты должна это сделать. Для меня. Для твоего брата. Они не могут долго держаться, и не могут пролезть мимо тебя. — Слеза катится по ее лицу, но она не двигается.

— Я спущусь и помогу ей.

— Ты не можешь спуститься, — я удивлена голосу Элиота за моей спиной. — Твое плечо...

— Я могу сделать то, что должна.

Ветер теребит мои волосы, и непрочная веревочная лестница ходит ходуном. Я не в состоянии спуститься достаточно быстро.

— Тянись вверх по лестнице, — говорю я. — Это единственный способ.

Элиот тянет лестницу и качает ручку лебедки. Через несколько футов веревка задевает дерево корабля.

— Слишком тяжело, — он задыхается.

Я ложусь на палубу и протягиваю здоровую руку к Элис. Сейчас она, по крайней мере, ближе. Я стискиваю зубы и игнорирую боль.

Порыв ветра сотрясает корабль, и она кричит.

— Ты должна взять мою руку, — говорю я ей. Доверься мне.

Элис протягивает свою маленькую ручку в мою сторону. Она дрожит. Я хватаю ее обеими руками.

— Ставь ногу на следующую ступеньку.

Второй мушкетный залп оглушает меня, и лестницу начинает дико качать, так как один из мужчин с нее срывается.

Элис не отпускает мою руку, и я скольжу следом, но затем кто-то карабкается по лестнице и хватает нас обоих.

Я оттаскиваю ее от края, даже когда Генри и Уилл безопасно взбираются.

Уголкем глаза я замечаю, как незнакомец забирается на палубу, и как Элиот ударяет его прикладом мушкета. Человек падает. Элиот снова бьет его, а затем тащит за собой.

Уилл так близко, что стоит протянуть руку, и я его коснусь.

— Спасибо тебе, — нарушает тишину Уилл.

Я не знаю, что сказать. Эйприл слишком молчалива.

— Она бы не поднялась для кого-либо еще, — говорит Уилл, глядя на мое лицо своими темными глазами. Я смотрю на палубу.

— Аравия? — только вчера он пытался убедить меня, что в этом мире осталось нечто хорошее. Затем он предал меня, и теперь город под нами пылает.

— Думаю, боязнь высоты передается по наследству, — говорю я, наконец.

Он невесело смеется.

Элиот выходит из каюты.

— Я спрошу заключенного, когда он очнется, — мрачно говорит он и вручает Уиллу несколько одеял. — Подержите детей еще немного, иначе они рискуют упасть.

Эйприл садится на другую часть палубы, рядом с Томом.

— Будет лучше, если на детей он дышать не станет, — она садится не совсем рядом с мальчиком, но достаточно близко, чтобы он не был совсем одинок.

Порыв ветра ударяет наш воздушный корабль, и нас отбрасывает в сторону.

— Я собираюсь идти на верхнюю палубу, — говорит Элиот. — Идешь со мной? — мягко спрашивает он.

Я иду с ним.

— Город, — выдыхаю я. Он выглядит ужасно. Потoki воды на улицах в одних местах, потоки людей из тоннелей — в других. Кто-то дерется на улицах, и везде бегущие люди.

— Что они делают?

— У моего дядюшки вечеринка, — говорит Элиот. — Величайшее событие из всех.

Я смеюсь.

— Итак, раз город рушится, принц закатывает вечеринку? — это мне представляется как костюмированный бал.

— Он собирает всех чистых горожан высшего класса, которые могут отправиться в поездку. Говорят, там поместится тысяча человек. Потом он запечатает двери.

— А что с Красной Смертью? — наконец спрашиваю я.

— Он думает, что сможет спрятаться от нее.

— Он безумец.

— Возможно. А, возможно, он, в конце концов сошел с ума. Или, возможно, знает что-то, чего не знаем мы.

Я качаю головой, не уверенная, что знаю больше. Если мой отец убил всех тех людей, то он убил и Финна. Так много жизней потеряно, а теперь еще и Красная Смерть... У меня все еще есть пузырьки.

Я достаю его из корсета дрожащими пальцами. Элиот смотрит заинтересованно.

— Очаровательное место для хранения вещей, — ветер хлещет его шарф из стороны в

сторону.

Я открываю зубами пузырек. Отец сказал мне выпить половину и отдать половину человеку, о котором я беспокоюсь больше всех. Половины уже нет. Я протягиваю пузырек Элиоту. Он приставляет его к своим губам.

Я считаю это милым, что он готов выпить содержимое, не спрашивая меня, но я легкомысленна и выпаливаю:

— Мой отец дал мне его. Он сказать отдать это человеку, о котором я забочусь больше всего.

Я наблюдаю за его лицом, ожидая реакции. Я помню всю глубину его эмоций, когда мы были на лодке принца. Он скрывает то, что чувствует.

Элиот опускает пузырек.

— Ты выпила другую половину?

— Нет. Отдала ее Эйприл.

Он протягивает ее мне.

— Твой отец хотел, чтобы ты выпила это.

— Элиот, ты сказал мне, что причина того, что ты хотел моей помощи, была в том, что мне все равно. Ты выпей. Вернись и спаси мою мать. Убей принца и преподобного Мальконтента, и кого угодно еще... нуждающегося в убийстве. Спаси город. Я, может, и не заражусь — моя маска цела.

Он приставляет его к моим губам.

— Я собираюсь сделать все возможное, но, чтобы это сделать, мне нужна причина.

— Нет, — говорю я, потому что не так я запланировала свой акт самоотверженности. А когда я открываю рот, чтобы сказать, он поднимает пузырек, и у меня не остается выбора, кроме как проглотить содержимое.

Я сажусь, несчастная, на палубу судна.

— А что случится потом?

— У нас два ясных выхода, — говорит он. — Мы можем пойти с остальными или присоединиться к вечеринке моего дяди.

— Моя мама будет там, не так ли?

Замок — темное пятно на западе. Непрерывающийся поток карет указывает дорогу.

— Есть третий вариант, — говорит Элиот. — Но это безумие.

— Расскажи.

Он держит пузырек двумя пальцами. — Мы возвращаемся в город и находим человека, который поможет нам разобраться во всем этом.

Мы смотрим вниз на хаос, являющийся городом. Пожары, потопаы и болезнь. И затем громкий звук разлома — одна из башен Аккадиан, не та, в которой мы жили, но одна из незаконченных, ломается и падает. Мое здание в огне.

— О, нет. — Я хватаюсь за деревянные перила. Какая-то часть меня все еще верит, что я смогу вернуться туда, что мои родители встретят меня.

— Прости, — говорит Элиот. Он обнимает меня одной рукой, затем отстраняется. — Возможно, нам нужно найти кого-то, кто наложит швы.

— Уилл может это сделать, — вздыхаю я.

— Давай пойдем вниз и спросим у него. Я не хочу, чтобы ты погибла.

— Это лучшая вещь из всех, что ты мне говорил.

Он встречается со мной взглядом, и я вспоминаю, как однажды он сказал, что влюбился

в меня. Он касается моего плеча обожженными кончиками пальцев, и я устало прислоняюсь к нему головой. Но есть вещи, которые он должен знать.

— Эйприл заражена.

Он замирает.

— Что?

— Преподобный Мальконент заразил ее для своих целей. Мы все можем умереть.

— Нет, если мы сможем найти твоего отца. — Летчик шелестит на ветру. Я убираю его из своего рукава, плотнее сжимая. — Говорят, у него была вакцина. И в ночь смерти твоего брата он проклял человечество и бросил ее в гавань.

— Кто тебе это сказал?

— Отец Кента. Он работал вместе с твоим...

— Но он ничего не знает. Финн не умер той ночью.

Но, возможно, отец выяснил все о смерти Финна еще вечером. Я больше ничего не знаю. Почему отец проклял все человечество, если у него еще был живой ребенок?

— Нам нужно найти твоего отца. Но сначала мы должны вернуться согласно плану. Пробудем в лагере несколько дней, перегруппируемся.

Я вижу кроны деревьев на окраине города — оазис, которого так просто достичь.

— Возвращаться в город может быть опасно, — шепчу я. Но это то, что я хочу сделать.

Мы найдем отца, а затем маму.

Элиот зажигает спичку.

— Не говори Кенту. Предполагается, что мы не должны курить на борту. Из-за водорода.

Далеко нам нами что-то взрывается. Это результат зажженной спички Элиота. Я надеюсь.

Позади я слышу какой-то звук. Эйприл присоединяется к нам на верхней палубе и садится между нами, притягивая колени к груди.

Она берет меня за руку, и я сжимаю ее, не думая об инфекции. Да, она больна. Но мы здесь вместе. Элиот берет другую ее руку, смотря на меня поверх маски. Он отпускает руку и обнимает Эйприл. Я улыбаюсь.

Закрываю глаза, и меня окружает темнота и тишина. Я ощущаю себя столь же невесомой, что и корабль.

Темно-серое небо поливает нас холодным дождем, пока мы улетаем вон из города, и дальше в дикие земли.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мальконент — с англ. недовольство.